

В. В. Красных

ОСНОВЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И
ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Лекционный курс

Гнозис
Кучково поле
Москва
2001

ББК81 2Р
Кр78

Красных В В
Кр78 Основы психолингвистики и теории коммуникации Курс лекций — М ИТДГК «Гнозис», 2001 — 270 с

ISBN 5 94244 010-7

Настоящее издание представляет курс лекций по основам психолингвистики и теории коммуникации

Данный курс создавался и читается автором на филологическом факультете МГУ как первый лекционный курс в рамках специализации «Теория и практика межкультурной коммуникации» и предваряет курс «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» однако он может читаться и как самостоятельный

Книга адресована в первую очередь преподавателям, читающим аналогичный курс а также вполне может использоваться студентами изучающими курс психолингвистики, в качестве учебных материалов

ББК81 2Р

ISBN 5 94244010-7

© В В Красных, 2001

©Оформление ИТДГК «Гнозис», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Лекция 1. Психолингвистика (ПЛ) и теория коммуникации (ТК) История ПЛ Объект и предмет ПЛ, актуальные проблемы Место ПЛ в ряду других наук	8
Лекция 2. Язык как предмет ПЛ звук и смысл, слово сознании человека, психолингвистический аспект словообразования и грамматики Невербальные компоненты коммуникации	31
Лекция 3. Сознание, соотношение сознания и действительности Языковое сознание Картина мира vs языковая картина мира Сознание — мышление — интеллект	55
Лекция 4. Речь и мышление Речевая деятельность	73
Лекция 5. Языковой/речевой механизм	93
Лекция 6. Модели порождения речи Модели восприятия речи	103
Лекция 7. Виды знаний Когнитивные структуры	122
Лекция 8. Процесс социализации Феномен языковой личности Человек говорящий Знания и представления	143
Лекция 9. Когнитивные пространства и когнитивная база Структура знаний человека говорящего Коммуникация природа, цель, условия, типы	162

Лекция 10. Коммуникация: природа, цель, условия, типы (продолжение). Пресуппозиция	176
Лекция 11. Коммуникативный акт. Дискурс	189
Лекция 12. Понятие «текст». Текст с точки зрения ПЛ	204
Лекция 13. Порождение и восприятие текста. Модель коммуникативного акта	225
Список использованной литературы.....	249
Указатель базовых понятий курса	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня, я думаю, уже ни у кого не вызывает никаких сомнений и возражений такое утверждение: современный лингвист (и более широко — современный филолог) не может не быть знакомым с психолингвистикой, как минимум — с ее основами, и с теорией коммуникации как с одним из основных направлений психолингвистических исследований.

Настоящее издание представляет курс лекций по основам психолингвистики и теории коммуникации. Эта книжка может оказаться полезной для преподавателя, который собирается читать или читает аналогичный курс, а кроме того, она вполне может использоваться студентами, изучающими курс психолингвистики, для подготовки к занятиям или к экзаменам.

Поскольку это курс лекций, то для меня было важным дать слушателям представление о наиболее значимых и наиболее интересных направлениях, школах, теориях, работах, которые оказали огромное влияние на становление психолингвистики, определили ее сегодняшнее лицо и отражают основные взгляды психолингвистов прошлого и настоящего. Кроме того, я посчитала необходимым познакомить слушателей с наиболее известными исследователями, их идеями и трудами. Ну и, наконец, по некоторым вопросам я предлагаю свою точку зрения, которая прошла апробацию и доказала, как я надеюсь, свое право на существование (в виде конкретных практических проектов и в виде докторской диссертации, защищенной в 1999 году). Данный курс лекций как таковой прошел апробацию на филологическом факультете МГУ.

Предлагаемый текст не является «записью» звучащих лекций, он предназначен для того, чтобы на его основе пре-

подаватель мог прочитать *свои* лекции, что-то добавив, а что-то, возможно, и сократив. Студентам же этот текст даст необходимый минимум знаний по данному курсу.

Учитывая специфику жанра лекционного курса и все только что сказанное, не могу не отметить, что данный курс не является стопроцентно авторским, в том смысле, что я опиралась на уже существующие монографии, статьи, опубликованные результаты исследований и т. д. Кроме того, особо подчеркну, что в основу ряда лекций легли учебники и учебные пособия по психолингвистике, вышедшие в конце 90-х: *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997; *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М., 1999; *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1999. Так, лекции, посвященные истории психолингвистики, языку как предмету психолингвистических исследований, видам знания, речевым механизмам, моделям порождения и восприятия речи и др., были написаны на основе данных изданий. Работы, на основе которых написана та или иная лекция, указаны после конкретной лекции *В Списке литературы* под рубрикой *Основная*.

Итак, в конце каждой лекции представлен список литературы. В основную литературу я включала те материалы, которые были максимально использованы при написании самой лекции и рекомендуются слушателям для подробного и глубокого ознакомления. В состав дополнительной литературы включены работы, которые так или иначе были использованы при подготовке данной лекции, упоминаются или цитируются в тексте лекции, представляют значительный интерес, но не являются необходимо обязательными по данному вопросу, в силу чего рекомендуются слушателям для факультативного ознакомления. Помимо этого в конце книги помещен список литературы по всему курсу, который включает в себя те издания, которые были использованы мною при написании курса. Преподавателям, читающим курс лекций, я бы рекомендовала познакомиться-

ся, безусловно, со всеми изданиями, указанными в книжке, тем более что это далеко не полный список работ, которые следовало бы знать каждому, кто занимается проблемами психолингвистики.

В курс вошло 13 лекций. Число, конечно, не самое «удачное», зато оптимальное. Попробую объяснить: курс рассчитан на один семестр — от 10 до 15 лекций, в зависимости от конкретного учебного плана. Логика следования материала и его подачи такова, что границы между лекциями оказываются достаточно гибкими и могут слегка сдвигаться в ту или иную сторону, что позволяет укомплектовывать наполнение конкретной лекции по своему усмотрению. Лекционный курс предполагает обязательное «сопровождение» в виде семинарских занятий.

И последнее замечание: не стоит рассматривать данный курс лекций как максимально полный, исчерпывающий материал по психолингвистике. Вовсе нет. Во-первых, это именно курс лекций, который призван познакомить с основами данной дисциплины (это своего рода минимум ми-ниморум). Во-вторых, данный курс является первой лекционной дисциплиной в рамках специализации «Теория и практика межкультурной коммуникации» и имеет целью подготовить слушателей к последующим курсам и непосредственно к курсу этнопсихолингвистики и лингвокультураологии, что также обусловило некоторую специфику отбора проблем, обсуждаемых в этом курсе, и точек зрения, излагаемых в нем.

ЛЕКЦИЯ 1

Психолингвистика (ПЛ) и теория коммуникации (ТК) История ПЛ Объект и предмет ПЛ, актуальные проблемы Место ПЛ в ряду других наук

Что мы знаем о языке? Как мы используем язык? Как мы оперируем своими знаниями в процессе общения? Что есть общение, коммуникация? Кто выступает в роли субъекта коммуникации? Как человек порождает и воспринимает речь? Почему люди иногда понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда, а иногда никак не могут договориться, несмотря ни на какие объяснения?

Мы постараемся рассмотреть эти вопросы и ответить на них или хотя бы предложить варианты их решения. И сделаем мы это в рамках предлагаемого курса, который, напомним, называется «Основы психолингвистики (ПЛ) и теории коммуникации (ТК)». В нашем курсе мы будем говорить об основных проблемах, которые являются объектом и предметом ПЛ в целом и ТК как важнейшего ее направления. И в самом начале сделаем предварительное заявление, которое звучит гордо: мы с Вами попытаемся обнаружить тот «магический кристалл», сквозь который мы смотрим на мир, членим и оцениваем его. Мы попытаемся «войти» в виртуальную реальность нашего сознания и проанализировать феномены, которые стоят за речевой деятельностью, за коммуникативным поведением и обуславливают успешность общения или провоцируют коммуникативные неудачи.

Но начнем мы с того, что такое ПЛ (как ее определяют исследователи), с истории ПЛ (как появилась ПЛ и поче-

му), с определения ее как научной дисциплины (какие проблемы стоят в центре внимания), рассмотрим основные направления научных исследований, которые ведутся в рамках ПЛ, и определим место самой ПЛ в ряду других наук. Этим вопросам и будет посвящена первая лекция.

Итак, сегодня уже достаточно банально звучит утверждение, что развитие научной мысли в XX веке привело к значительной «гуманизации» исследований и обусловило антропоцентризм в сфере гуманитарных (и не только) дисциплин. «Антропостремительные» (по аналогии с «центростремительными») тенденции в лингвистических изысканиях во многом предопределили изменения в научной парадигме филологии (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия и др.). XX век ознаменовался особым интересом к человеку, к его внутреннему миру, к его сознанию и подсознанию. Это столетие отмечено сугубо научными исследованиями физиологии и функций мозга, психики и психологии человека, развитием философской мысли через «тернии» экзистенциализма и увлечение восточной философией, искусством и философией постмодернизма, искусством «потока сознания» (с очень сложными переплетениями в виде философских литературных трудов) и, в том числе, увлечением идеями фрейдизма, что называется, «в быту». Возможно, мы имеем дело с неким новым «Возрождением» с его интересом к человеку и с его мировоззрением, в центре которого стоит человек. Однако на новом витке особо притягательной силой обладает не просто *homo sapiens* как некий индивид, но *homo sapiens*-личность, носитель сознания, обладающий сложным внутренним миром. Этим в определенной степени объясняется появление «стыковых» и междисциплинарных научных исследований, развитие таких дисциплин, как психолингвистика, когнитивная лингвистика и когнитивная психология, этнопсихолингвистика, все большее распространение получает изучение концептосферы, языковой картины мира, языкового сознания.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКА?

Во-первых, заметим, что первые случаи употребления этого термина можно найти в немецкой психологической литературе последней четверти XIX века. Однако в активный научный обиход термин вошел в 50-е годы XX века, после двух научных семинаров, которые проводились в США в 1951 и 1953 годах, и после книги «*Psycho-linguistics. A Survey of Theory and Research Problems*» (под ред. С. Е. Osgood & Т. А. Sebeok), которая вышла в свет в 1954 г. Заметим, кстати, что сам термин не сразу завоевал симпатии исследователей. Так, R. Brown писал, что слово «психолингвист» скорее говорит о свихнувшемся полиглоте, чем о психологе,

интересующемся языком. А. А. Залевская упоминает случай, когда ее собеседница, узнав, чем занимается сама Залевская, с радостным пониманием воскликнула: «А-а, значит Вы лингвопсихопат!».

Во-вторых, нельзя не заметить, что в современной науке нет единого понимания данного термина. Это связано с тем, что конкретное понимание ПЛ зависит от многих факторов: какой период, какая страна и даже какой конкретно исследователь имеется в виду (изначально лингвист или психолог), если и когда мы говорим о ПЛ (Е. Ф. Тарасов, Р. М. Фрумкина, А. А. Залевская, E. Hatch). В связи с этим говорят о ПЛ Осгуда, ПЛ Хомского и т. д., т. е. подчеркивают, что имеется в виду определенное направление, связанное с именем какого-либо исследователя. В целом, по мнению Е. Ф. Тарасова, ПЛ — «собирательное название для научных теорий, ориентирующихся часто на не только несовпадающие, но иногда прямо противоположные методологические представления: психолингвистические школы и направления возникали на разной национальной и культурной основе, связаны с разными психологическими и лингвистическими школами».

И, в-третьих, в наши дни термин «психолингвистика» относится к числу весьма модных и популярных. Зачастую

авторы декларируют в названии или аннотации психолингвистический подход, которым в самой работе и не пахнет. Одним словом, как говаривал Козьма Прутков, если на клетке льва написано «буйвол», не верь глазам своим.

После столь пространных вступительных замечаний представим наиболее авторитетные трактовки ПЛ. Итак, ПЛ воспринимается как:

1. *наука лингвистическая*:

— «вариант» лингвистики (Л. В. Сахарный; К. Ф. Седов, И. Н. Горелов);

— специфический ракурс теоретического языкознания (А. Е. Супрун);

— экспериментальная лингвистика (G. D. Prideaux):

2. *наука психологическая*: элемент системы психологических наук (А. А. Леонтьев и современные зарубежные исследователи, напр., D. W. Carroll);

3. *наука междисциплинарная*: научная дисциплина, которая пытается разработать лингвистически и психологически валидную теорию, способную объяснить природу языка и его усвоение детьми (J. F. Kess).

Я предлагаю Вам считать ПЛ наукой, находящейся сегодня в стадии становления как самостоятельной научной дисциплины и безусловно носящей междисциплинарный характер.

В отечественной научной школе ПЛ понималась и понимается как ***теория речевой деятельности*** (ТРД) и вписывается в общую теорию деятельности человека (подробнее об этом мы будем говорить позже). ПЛ — наука, «изучающая устройство и функционирование речевых механизмов человека» (А. А. Леонтьев). Такое понимание восходит к психологической школе Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, С. Л. Рубинштейна. ***Основными постулатами ТРД являются изначальная активность субъекта, его включенность в совместную деятельность, ведущая роль мотивации.***

Сразу оговоримся, что, по мнению ряда ученых, современная ПЛ «по характеру решаемых задач стала значительно шире теории речевой деятельности» (И. Н. Горелов, К. Ф. Седов). Если принимать узкое понимание ТРД, то с этой точкой зрения нельзя не согласиться: действительно, круг решаемых психолингвистикой проблем весьма широк. Однако представляется допустимым и широкое трактование, когда все, что имеет отношение к самой речевой деятельности, рассматривается с позиций и в рамках ТРД; это могут быть и процедуры формирования и формулирования мысли (И. А. Зимняя), и проблемы понимания речи, и процесс общения, и факторы, обуславливающие его протекание, и вопросы онтогенеза детской речи (как ребенок учится говорить) и т. д. Итак, давайте пока договоримся: ПЛ — это теория речевой деятельности (в широком понимании). Примем это определение как рабочее. Надеюсь, что в конце курса будет более понятно, что такое ПЛ и что такое ТРД.

Объект ПЛ — совокупность речевых событий или речевых ситуаций.

Предмет ПЛ — соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой.

Целью ПЛ является описание и объяснение особенностей функционирования языка как психического феномена (включая овладение и пользование как первым, так и вторым языком) с учетом сложного взаимодействия множества внешних и внутренних факторов при изначальной включенности индивида в социально-культурные взаимодействия (А. А. Залевская).

И последнее замечание о сути ПЛ: ПЛ — не «довесок» к лингвистике или психологии, но серьезное научное направление, которое находится в стадии становления как самостоятельной дисциплины. ПЛ возникла на стыке наук и

носит междисциплинарный, интеграционный характер. Вместе с тем, мы все-таки не будем забывать, что мы филологи и что для нас ПЛ — это наука о психическом в языке (Бодуэн де Куртене), о том, как человек пользуется языком, о том, как он строит свой дискурс с точки зрения процесса и результата. И поскольку, как говорил Ельмслев, текст есть то, что получает лингвист в нерасчлененной целостности в качестве исходного материала для анализа, то следовательно, во всех своих рассуждениях о ПЛ проблемах мы отталкиваемся от языка и к языку же приходим.

КОГДА, КАК И ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛА ПЛ?

ПЛ возникла не в вакууме, не на пустом месте. Предпосылки ПЛ можно найти в истории науки. Многие исследователи находят истоки ПЛ в трудах лингвистов, психологов, физиологов: Вильгельма фон Гумбольдта, В. Вундта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртене, А. А. Шахматова, Л. С. Выготского, И. М. Сеченова, С. И. Бернштейна, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Н. И. Жинкина и др.

Предпосылки ПЛ в лингвистических исследованиях.

Следует отметить, что о «психологическом в языке», о бессознательном в языке, о соотношении сознания и бессознательности в связи с языком и речевой деятельностью писали И. А. Бодуэн де Куртене, Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Фортунатов, Ф. де Соссюр, А. А. Потебня, Ф. Боас, Э. Сепир, Р. Якобсон и др.

В. фон Гумбольдт предложил идею речевой деятельности и понимание языка как связующего звена между социумом и человеком. Гумбольдт рассматривал язык в его диалектике: как процесс, как готовую данность, как часть психической деятельности человека, как общественное явление.

Г. Штейнталь, ученик Гумбольдта, понимал язык только как процесс: язык не покоящаяся сущность, а протекаю-

щая деятельность; язык не есть нечто существующее, как порох, но процесс, как взрыв. Язык есть индивидуально-психическое образование. Необходимо различать в акте говорения 3 момента: органическую механику (орган), психическую механику (органист) и подлежащее выражению понятийное и мировоззренческое содержание (композитор). Понятийное содержание — это содержание индивидуального сознания, выявляемое путем интроспекции.

А. А. Потебня по взглядам ближе к Гумбольдту (последователем которого он и является). Как и у Штейнтала, речевой акт у Потебни — явление сугубо психическое, но язык, слово вносит в этот акт культурное, социальное начало.

Младограмматики (Г. Пауль, К. Бругман) рассматривали язык не как процесс или совокупность процессов, но как систему психических образов или ассоциаций. Основная идея: психическое совершается в единичной душе, язык — явление психическое, следовательно, любое языковое творчество всегда индивидуально. Психическая сторона речевой деятельности может быть познана только путем самонаблюдения.

Р. О. Якобсон отмечал, что изучение языковых нарушений и речевых расстройств «может внести заметный вклад в науку о языке».

Н. Г. Комлев писал: «...герметическое отграничение психологии от языкознания не на пользу обеим дисциплинам. Такой подход в методическом отношении обедняет лингво-психологию и подрывает ее основы, а языкознание лишает перспективы и гуманитарной базы».

Предпосылки ПЛ в психологических исследованиях.

Гештальт-психология (М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка, с оговорками К. Бюлер и К. Левин) разграничивает мир переживаний и физический мир. Мир переживаний предстает как физиологическая реальность (моз-

говые процессы) и психическая реальность сознания. Сознание есть динамическое поле, единицей которого является гештальт — целостная образная структура, не сводимая к сумме составляющих ее ощущений. О. Нимайер в середине 1930-х экспериментально показал, что при восприятии предложения его грамматическая структура с самого начала воссоздается как единое целое, как гештальт.

Бихевиористская психология (Дж. Уотсон, Э. Торндайк) признает только объективные методы исследования психики, включает психику в общий контекст жизнедеятельности человека и считает ее обусловленной внешними воздействиями и физиологическими особенностями организма. И это — большой плюс. Однако при таком подходе то, что не вписывается в существующую парадигму и не поддается непосредственному наблюдению и измерению, вообще не существует. Следовательно, для бихевиористов психика есть продукт внешних воздействий. Эти воздействия — стимулы, извне воздействующие на организм, а содержание психики есть совокупность реакций организма на эти стимулы и связей стимулов с реакциями.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ПЛ

Поскольку нет единого понимания того, что есть ПЛ, то нет и единой периодизации ее истории. Так, существуют точки зрения, которые относят начало ПЛ к XIX веку.

Т. Н. Наумова отмечает, что союз языкознания и психологии длится уже свыше 100 лет. Она анализирует психологически ориентированные синтаксические концепции, рассматривает идеи А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, С. И. Бернштейна и прослеживает отражение и преломление некоторых из них в в теории рече-мыслительной деятельности Л. С. Выготского.

В столь же далекие времена помещает начало ПЛ *Д. Кэрролл*, который предлагает следующую периодизацию развития ПЛ:

1. *ранняя ПЛ в Европе* — от организации В. Вундтом первой психологической лаборатории в 1879 г.;
2. *период господства бихевиоризма* и идеи вербального поведения в США с 1920-х годов;
3. *более поздняя ПЛ* — междисциплинарная наука, ведущая начало от семинаров 1951 и 1953 годов, расцвет которой связан с работами Н. Хомского; трансформационно-порождающая грамматика, противопоставленная идеям бихевиоризма, — «хомскианская революция»;
4. *текущий период* — развитие подлинно междисциплинарных научных исследований; последние 15—20 лет.

И. Н. Горелов и *К. Ф. Седов* считают, что ПЛ развивается в полном соответствии с мыслью *Ф. де Соссюра*: «Можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии... Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются... Лингвистика — только часть этой общей науки; законы, которые откроет семиология (так *Ф. де Соссюр* называл науку, которой еще не было), будут применимы и к лингвистике...» Заметим кстати, что эта гипотетическая (для *Ф. де Соссюра*, жившего и работавшего в конце XIX—начале XX века) «семиология» ныне представлена двумя лингвистическими отраслями — психолингвистикой и социолингвистикой. (Напомню, что *Седов* и *Горелов* считают психолингвистику лингвистической дисциплиной.)

Но гораздо большее число исследователей считает ПЛ более молодым направлением и относят ее целиком и полностью к веку **XX**.

А. Блюменталь (A. L. Blumenthal) полагает, что междисциплинарные контакты психологии и лингвистики устанавливались дважды:

1. в первые десятилетия XX в. лингвисты обратились к психологии, пытаясь понять, как люди используют язык, и построить лингвистическую теорию на базе психологических понятий образа, репрезентации, памяти, внимания и т. д.;
2. в середине XX в. психологи обратились к лингвистике с целью разработать психологию языка.

И в первом, и во втором случае исследователи не избежали «конфликта между науками»: в первом случае лингвисты, а во втором психологи пришли к неутешительному выводу, что психология и лингвистика преследуют разные цели. (Кстати, это правда. И из этого, очевидно, А. А. Залевская делает категоричный вывод, неоднократно подчеркиваемый ею, что ПЛ — наука не «стыковая», но интеграционная.) Блюменталь считает краткосрочный союз психологии и лингвистики несчастливым, но в то же время он полагает, что этот союз оказал определенное влияние на обе дисциплины. Однако, по мнению Блюментала, подлинной, сбалансированной интеграции двух наук не было никогда.

Некоторые зарубежные исследователи утверждают, что ПЛ возникла в середине века внезапно, а потом столь же внезапно пришла в упадок, что союз психологии и лингвистики неудачен и ведет к разочарованию (A. S. Re-ber, R. N. McCauley). Но, справедливости ради, подчеркнем, что указанные исследователи имеют в виду все же американскую ПЛ, и в первую очередь — ПЛ Н. Хом-ского.

Дж. Кесс (J. F. Kess) выделяет в развитии ПЛ четыре основных периода: 1. *период формирования*, влияние идей структурализма и бихевиоризма;

2. *лингвистический период*: доминирование идей трансформационно-порождающей грамматики в лингвистике и ПЛ;
3. *когнитивный период'*, отказ от идеи Хомского о центральной роли грамматики и признание связи грамматики с семантикой, а языка — с другими когнитивными и поведенческими системами, вовлеченными в процессы усвоения и использования языка;
4. *текущий период когнитивной науки'*, становление когнитивного подхода как междисциплинарной науки (когнитивно-междисциплинарной — Секерин), в центре внимания которой стоит природа знаний, структура ментальных репрезентаций, а также то, как эти знания и репрезентации используются в мыслительной деятельности типа рассуждений и принятия решений.

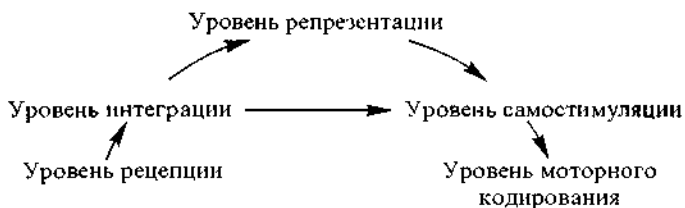
Периодизации истории психолингвистических школ, предложенные *А. А. Леонтьевыми* *Е. Ф. Тарасовым*, схожи.

1. ПЛ «первого поколения»¹, ПЛ *Чарльза Осгуда* выросла из бихевиористской психологии языка, задача ПЛ — изучение отношения между структурой сообщений и качествами индивидов, продуцирующих и принимающих сообщения.

Суть концепции Осгуда: речь — это система непосредственных или опосредствованных (задержанных) реакций человека на речевые или неречевые стимулы; речевые стимулы вызывают частично то же поведение, что и соответствующие неречевые, благодаря возникновению ассоциаций между речевым и неречевым стимулами; речевое поведение опосредствовано системой фильтров, задерживающих и преобразующих речевой стимул (на входе) и/или речевую реакцию (на выходе); принципиальная схема речевого поведения человека (см. схему 1):

¹ Термин французских психолингвистов *Ж. Мелера* и *Ж. Нуазе* (*J. Mehler, G. Noizet*).

Схема 1. Речевое поведение человека

На уровне рецепции речевые стимулы перекодируются в нервные импульсы, которые затем — на уровне интеграции — образуют своего рода гештальт, т. е. наиболее вероятное (на основании прошлых восприятий) перцептуальное единство. На уровне репрезентации этот гештальт ассоциируется с неречевыми стимулами и обретает что-то вроде значения. Затем процесс обращается «наружу», и на уровне самостимуляции на основе информации, поступившей с уровней интеграции и репрезентации, делается выбор между «альтернативными моторными целыми». Эти интегрированные моторные схемы проходят моторное кодирование и превращаются в собственно факты поведения.

Главная особенность ПЛ первого поколения: 1) ее реактивный характер: она укладывается в бихевиористскую схему «стимул — реакция», это теория речевого приспособления к среде, теория речи как орудия установления внутреннего равновесия человека и равновесия в системе «человек — среда»; 2) ее атомизм: она имеет дело с отдельными словами, грамматическими связями или грамматическими формами; освоение языка ребенком сводится к овладению отдельными словами или формами и их дальнейшей генерализацией; 3) ее индивидуализм: индивид вырван не только из общества, но и из реального общения; общение предстает как простейший процесс передачи информации от говорящего к слушающему.

2. ПЛ «второго поколения», ПЛ Джорджа Эрмтейджа Миллера и Наума Хомского (Нозма Чомски) — этап сотрудничества психологии и лингвистики; правила порождения предложений в трансформационно-порождающей грамматике, имевшей статус описательной модели языка, были приняты за функциональную модель, которая поддается верификации в психологическом эксперименте.

Н. Хомский² развил трансформационный подход Зели-га Харриса и предложил единую целостную модель описания языка — трансформационно-порождающую грамматику. В структуру модели Хомского «встроены» правила не только грамматические, семантические и фонетические, но и прагматические, т. е. правила употребления языка. Хомский обосновывает и развивает идею врожденных знаний (подробнее — в дальнейших лекциях). Кроме того, Хомский развивает в своих работах идею разграничения linguistic competence и linguistic performance:

Linguistic competence (1)	Linguistic performance (2)
языковая компетенция, «языковая способность» (по А. А. Леонтьеву)	языковое исполнение, «языковая активность» (по А. А. Леонтьеву)
потенциальное знание, знание, которое описывается порождающей моделью	процессы, происходящие при применении языковой способ- ности в реальной речевой дея- тельности
предмет лингвистики	предмет психологии

(1) определяет (2) и первична по отношению к ней.

² Основополагающие работы Н. Хомского, написанные в 50-е годы Syntactic Structures, The Hague, 1957, Aspects of the Theory of Syntax, Cambr (Mass.), 1965 Из последних работ укажем Knowledge of Language. Its Nature, Origin and Use. NY, 1986.

Одним из ярких представителей ПЛ второго поколения является известный американский психолог Дж. Миллер. В целом эта ПЛ претендует на статус и многими воспринимается как психологическая теория. Однако, по мнению А. А. Леонтьева, ПЛ второго поколения «принципиально антипсихологична», так как сводит психологические процессы к реализации в речи языковых структур; единство же предлагаемой ПЛ модели, по Леонтьеву, — это единство языка.

Вместе с тем нельзя не отметить, что ПЛ этого поколения преодолела атомизм ПЛ Осгуда: так, например, освоение языка понимается не как овладение отдельными языковыми элементами, но как усвоение системы правил формирования осмысленного высказывания. Что касается основополагающей идеи реактивности, характерной для ПЛ первого поколения, то она осталась неизменной. А индивидуализм даже усугубился, так как для ПЛ второго поколения важнейшим является постулат о врожденных знаниях, врожденных правилах оперирования языком. Следовательно, процесс усвоения языка сводится к актуализации этих знаний вне общества и общения.

ПЛ Хомского рассматривает предложение, а не высказывание, при этом не учитывается соотношение и взаимодействие различных вербальных и невербальных средств при порождении и восприятии коммуникативной единицы. Предложение рассматривается вне реальной ситуации общения. Порождение и восприятие речи рассматриваются как автономные процессы. Отвергается идея индивидуальных стратегий оперирования языком.

Европейскую ветвь ПЛ второго поколения представляют английские исследователи П. Уотсон, Дж. Джонсон-Лэйрд, Дж. Грин, Дж. Мортон, Дж. Маршалл (Watson, Johnson-Laird, Green, Morton, Marshall). Есть определенные отличия от американских «классиков» (например, выход за рамки предложения в текст).

3. ПЛ «третьего поколения», «новая ПЛ» характеризуется критикой предшественников, усилением внимания к семантике, стремлением изучать реальных говорящих в определенных контекстах при отсутствии хорошо формализованных теорий. Сформировалась в середине 70-х годов. Основные представители: американские психолог и психолингвист Дж. Верч и психолог Джером Брунер, французы Жак Мелер, Жорж Нуазе, Даниэль Дюбуа (Wertsch, Bruner, Mehler, Noizet, Dubois).

Один из основных тезисов: необходима автономия от лингвистических моделей. Психолингвистические операции имеют одновременно когнитивную и коммуникативную природу и приобретают когнитивный характер, реализуясь в общении, взаимодействии, речевом воздействии. Верч утверждает одновременность переработки информации лингвистического и психологического характера. Нуазе и Мелер считают ПЛ (лингвистическую психологию) частью когнитивной психологии. В отличие от Хомского, представители ПЛ третьего поколения рассматривают язык как объект социальный, исторически детерминированный, а следовательно, не одинаковый для всех людей. Кроме того, ПЛ процессы рассматриваются в этой ПЛ в широком контексте мышления, общения, памяти. ПЛ третьего поколения преодолела недостатки ПЛ предшествующих поколений (реактивность, атомизм, индивидуализм). Ее представители опираются на французскую социологическую школу в психологии (Поль Фресс, Анри Валлон), на немецкую психологическую школу или на школу Л. С. Выготского (Верч — виднейший западный специалист по Выготскому).

4. *Теория речевой деятельности* — научная парадигма, неотъемлемая часть общей психологии, в центре внимания которой стоят процессы производства и восприятия речи, речевые операции, целенаправленность и мотивированность речевой активности, которая включена в структуру неречевой деятельности человека как члена некоторого

социума. Более подробно останавливаться на этом не будем, поскольку весь лекционный курс посвящен рассмотрению основных положений ТРД. А. А. Залевская справедливо отмечает, что ТРД — отечественная ПЛ, вовсе не выступает как «хронологически последующее» — «четвертый период», но соотносится со всеми тремя другими периодами, сосуществуя параллельно с ними и проходя свой собственный путь.

Периодизация ПЛ (и отечественной, и зарубежной), предложенная А. А. Залевской, выглядит следующим образом: /.

первый (подготовительный) период — предпосылки для

- возникновения ПЛ, до середины XX в.;
2. *второй период* — оформление ПЛ как самостоятельной области исследований; 50—70 гг. XX в.;
3. *третий период* — появление фундаментальных междисциплинарных психолингвистических исследований; с 80-х годов.

Сегодня в России наиболее признанной точкой зрения является следующая: ПЛ как самостоятельная дисциплина оформилась в 50-х годах (напомню, что в 1951 и в 1953 гг. в США были проведены научные семинары¹, которые положили начало новому направлению, а в 1954 г. вышла в свет книга «Psycholinguistics A Survey of Theory and Research Problems», которую я уже упоминала).

Чем же было вызвано возникновение новой науки? Появление ПЛ было обусловлено тем, что была осознана необходимость «разработки нового научного подхода, спо-

¹ В XX в впервые термин ПЛ был использован N H Pronko в ' Language and Psycholinguistics // Psychological Buletin. V 43 1946 В июне-августе 1953 года междууниверситетский семинар был проведен Комитетом по лингвистике и психологии Исследовательского Совета по социальным наукам в Университете Индиана Вдохновители семинара — психологи Чарльз Осгуд и Джон Кэрролл и литературовед, фольклорист и семиотик Томас Сибеок

способно преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новые ракурсы их видения и объяснения» (А. А. Залевская). О каких фактах идет речь? Дело в том, что традиционная «чистая» лингвистика и традиционная психология не могли дать теоретическое осмысление и практическое решение целого ряда проблем, таких, как, например, обучение языку (родному и иностранному), речевое воспитание дошкольников, речевое воздействие, восстановление речи после мозговых травм и т. д. Кроме того, по мнению А. А. Леонтьева, Р. М. Фрумкиной, А. А. Залевской, традиционные науки не описывали язык как психический феномен. ПЛ и была призвана предложить решения данных вопросов.

ЧЕМ ЖЕ ЗАНИМАЕТСЯ ПЛ? КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗВАНА РЕШИТЬ?

Начнем опять же с диахронического представления объектов и предметов ПЛ. Упомянутая нами книга 1954 года содержала обсуждение следующих вопросов: «кодирование» и «декодирование» информации, «пропускная способность канала связи», «приложение мер энтропии» к исследованию того, как происходит «передача информации» с помощью речевого общения. Иначе говоря, в середине 50-х в центре внимания психолингвистов были идеи общей теории связи, которая трактовалась как одна из платформ для разработки ПЛ (А. А. Залевская).

Позднее исследователи начали предпринимать попытки понять коммуникацию и процессы, имеющие место при общении, через компьютерное моделирование интеллектуальных процессов, при помощи исследований искусственного интеллекта, когда проводилась аналогия между работой мозга (трактуемого как «процессор») и компьютером (напр., А. Garnham).

В 1990-е годы активизируется обращение к исследованиям в области нейрологии и к моделям когнитивных (по-

знавательных) процессов на основе аналогии с устройством и принципом работы мозга.

Для развития ПЛ, становления ее как самостоятельной научной дисциплины и динамики ее проблематики принципиальное значение имели «две когнитивные революции» (по Р. Харре).

1) Вспомним, что для бихевиоризма (ведущего направления первой половины XX в.) было свойственно изучение «объективного», т. е. наблюдаемого извне поведения (основной объект исследования — цепочка $S \rightarrow R$). Так вот, *переход от изучения «объективного» поведения к изучению когнитивных феноменов, «субъективных» ментальных процессов* — явился первой когнитивной революцией. Этот переход связан с именем Н. Хомского. (Кстати, вспомним, что в СССР всячески приветствовали прогрессивного американского ученого Наума Хомского — он был и остается ярким сторонником коммунистических идей, и в пух и прах громили реакционного лингвиста Noam Chomsky — за сугубо идеалистические взгляды на язык.) Именно Хомский впервые выступил с серьезной и аргументированной критикой основных постулатов и принципов бихевиоризма и обосновал необходимость исследовать ментальное, а не поведенческое.

2) Для традиционной лингвистики был свойствен интерес к фонетической и грамматической системе, к слову, предложению. Однако в последней трети XX века происходит *перенос внимания на текст и далее — на дискурс* (об определении этих понятий мы будем подробно говорить позднее; Харре, чьи идеи мы излагаем, под дискурсом понимает совместную речевую деятельность). Это и стало второй когнитивной революцией, в результате которой произошло оформление дискурсивной психологии (как отдельного направления в ПЛ) и дискурсивного подхода в исследованиях.

Какие вопросы решает ПЛ сегодня и какие проблемы представляются наиболее актуальными в наши дни? Предмет ПЛ чрезвычайно широк, в центре внимания ПЛ сегодня находится следующее:

- * механизмы понимания, запоминания и продуцирования речи;
- * процессы порождения и понимания речи;
- * функционирование языка при порождении и восприятии речи;
- * механизмы пользования языком;
- * ментальный словарь;
- * овладение языком:
  - онтогенез детской речи, врожденные языковые механизмы, языковое окружение ребенка;
  - изучение второго / иностранного языка;
- * феномен билингвизма;
- * речевой механизм человека и особенности его становления и функционирования;
- * языковые / речевые нарушения;
- * интеллектуальные процессы при коммуникации.

В *зарубежной ПЛ* к числу популярных в наши дни относятся следующие проблемы (это краткий перечень тем, рассматриваемых в коллективной монографии «Handbook of Psycholinguistics», M. A. Gernsbacher (Ed.); San Diego etc., 1994):

- * широкий спектр вопросов, связанных с различиями в понимании речи со слуха и при чтении;
- * роль контекста при переработке неоднозначных слов;
- * понимание фигурального языка (метафор, идиом и т. д.);
- * уровни репрезентации в памяти текстов и построение ментальных моделей содержания текста;
- * особенности детской речи (овладение языком, понимание текста, овладение чтением и т. д.);
- * мозговые механизмы и нейропсихологические проблемы языка.

Для *российской ПЛ* особый интерес сегодня представляет следующее:

- * невербальные компоненты коммуникации;
- * соотношение феноменов «язык — человек — общество»;
- * феномен языковой личности;
- * образ / картина мира;
- * этнокультурная специфика коммуникации;
- * межкультурное общение, аспекты взаимодействия языков и культур, языковых картин мира.

ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ ПЛ

И теперь вернемся еще раз к основным постулатам психолингвистической теории и рассмотрим их более подробно:

1. единица психолингвистического анализа — элементарное речевое действие и речевая операция, а не коррелируют некоторой языковой единицы в психике носителя языка;
2. единица психолингвистического анализа трактуется в деятельностной парадигме, поскольку речевая деятельность рассматривается в рамках общепсихологической теории деятельности и несет на себе признаки деятельности как таковой (предметность, целенаправленность, мотивированность, иерархическая / вертикальная организация и фазная / горизонтальная организация);
3. эвристический принцип организации речевой деятельности; психолингвистическая теория должна быть не алгоритмической, но эвристической, т. е. должна предусматривать звено, в котором осуществляется выбор стратегии речевого поведения, должна быть гибкой, должна допускать различные пути оперирования с высказыванием на отдельных этапах порождения / восприятия речи, она не должна противоречить экспериментальным данным, получаемым в результате исследований на иных теоретических основах;
4. психолингвистическая теория должна являть синтез деятельностного (процессуального) подхода и подхода

- в плане образа (отображения); восходит к концепции Рене Декарта через идеи Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, о. Павла Флоренского и А. Н. Леонтьева — противопоставление сознания и бытия, «внутричеловеческого» и «внечеловеческого» мира, образа и процесса;
5. в речевой деятельности особую роль играет вероятностное прогнозирование, моделирование будущего;
  6. в основе восприятия речи лежат процессы, хотя бы частично воспроизводящие процессы порождения.

МЕСТО ПЛ В РЯДУ ДРУГИХ ДИСЦИПЛИН

ПЛ уже заняла свое определенное место в ряду других дисциплин. Об этом и поговорим. Развитие герменевтики, попытки толкования текстов, прояснения «потаянных» смыслов отражали интерес человека к Слову (к тому, что говорится, и что за словом стоит), и неистребимое желание человека Слово познать и понять. С другой стороны, человек пытался разобраться в себе, понять, что есть душа. Со временем, по мысли Е. С. Никитиной, в европейской философии осуществился переход от понятия души к понятию сознания. Дальнейшее развитие психологической науки привело к изучению человека как личности во всей совокупности ее проявлений, как носителя сознания, осуществляющего ряд деятельностей, в том числе — деятельность речевую. В середине XX века, как мы с Вами уже договорились, оформляется новая дисциплина — ПЛ, которая (повторим) обращает основное внимание, в частности, на процессы порождения и восприятия речи, на языковое сознание личности.

Во второй половине 60-х с работ У. Нейссера начинается новое направление в психологии — *когнитивная психология*, которая «изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение»

(Р. Л. Солсо). Применительно к ПЛ когнитивный подход, по мнению А. А. Леонтьева, предполагает изучение роли познавательных процессов в речевой деятельности.

Параллельно с этим зарождается и развивается другое направление — *когнитивная лингвистика*, ставящая целью понять, изучить и по возможности описать «концептосфе-ру» человека. Отталкиваясь от языковой картины мира, когнитивная лингвистика также подходит к изучению языкового сознания, образа мира, существующего в голове человека. Итак, «первый круг» познания Слова замкнулся: начавшись с попыток понять, вскрыть скрытые смыслы и объяснить их и пройдя «через тернии» различных научных дисциплин, он вернул нас к исходной проблеме — проблеме понимания, понимания себя и других. Будучи существом социальным, человек формируется как личность и проявляет себя в общении с другими, в совместной деятельности. Следовательно, проблема взаимопонимания относится к числу далеко не последних. ПЛ по определению не может не исследовать когнитивные аспекты овладения и пользования языком (по мнению А. А. Залевской, она вообще становится когнитивной наукой⁴), и в силу этого она не может не быть связанной с «букетом» когнитивных дисциплин, и в первую очередь — с когнитивной лингвистикой.

Развитие цивилизации, появление новых технологий и новой техники привело к тому, что все более важное место в жизни человека занимают контакты с представителями других культур. И следовательно, все более активно развиваются исследования межэтнических, межкультурных контактов и, к сожалению, конфликтов. Все это привело в результате к формированию нового научного направления — *этнопсихолингвистики*. Помимо этого, в обществе имеют место и внутренние социальные расслоения, которые

⁴ Тезис не бесспорный, так как излишне категоричный, и требует целого ряда уточнений.

провоцируют (особенно в кризисные эпохи) обострение межсоциальных противоречий и конфликтов

ПЛ генетически связана с *психологией*. При этом психология занимается межличностным общением, одним из основных средств которого является язык (А. А. Леонтьев)

ПЛ занимается широким спектром проблем, которые так или иначе связаны с языком — его освоением и использованием, следовательно, она и «по порождению», и по сути самым тесным образом связана с *традиционной лингвистикой*

ПЛ, изучая коммуникацию во всех аспектах и исповедуя принцип активности субъекта деятельности, не может не рассматривать субъекта коммуникации, и в этом смысле она смыкается с *социолингвистикой*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики М 1997

Залевская А. А. Введение в психолингвистику М 1999

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики М 1999

Дополнительная

Наумова Т. Н. Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике Саратов 1990

Никитина Е. С. Проблема сознания в психологии (исторический аспект) // Язык и сознание парадоксальная рациональность М, 1993 С 35—50 С 35

Тарасов Е. Ф. Введение История психолингвистических школ Теория речевой деятельности // Текст лекций «Введение в психологию языка» (для студентов педагогических факультетов аспирантов и слушателей ФПК) М 1991 Ч 1 С 3—54

Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал 1996 Т 17 №2 С 3—15

Blumenthal A. L. The Emergence of Psycholinguistics // Synthese 1987 Vol 72 P 313—323

Carroll D. W. Psychology of Language Pacific Grove CA Brooks / Cole 1994

Kess J. F. Psycholinguistics Psychology Linguistics and the Study of Natural Language Amsterdam/Philadelphia John Benjamins 1993

ЛЕКЦИЯ 2

**Язык как предмет ПЛ: звук и смысл, слово
в сознании человека, психолингвистический аспект
словообразования и грамматики
Невербальные компоненты коммуникации**

В традиционных лингвистических исследованиях язык зачастую рассматривается как «вещь в себе», как сложное многоуровневое образование и описывается с точки зрения его внутреннего строения. В рамках ПЛ привычные объекты и единицы языкознания рассматриваются с точки зрения их функционирования в коммуникации, в свете «человеческого фактора» т е с учетом коммуникантов, порождающих и воспринимающих речь.

ЗВУК И СМЫСЛ

В ПЛ есть раздел, который занимается исследованием того, как соотносятся в языковом сознании звук и смысл. Этот раздел называется *фоносемантика*. На проблему соотношения звука и смысла в лингвистике существует две диаметрально противоположные точки зрения. Одна из них (ее придерживается большинство исследований) сводится к тому, что звук сам по себе значения не несет. Вы уже слушали курс фонетики и фонологии и наверняка знакомы с этой традиционной точкой зрения, поэтому я не буду останавливаться на ней сколько-нибудь подробно. А вот о второй точке зрения поговорим подробнее.

Вспомним А. Рембо и его стихотворение «Гласные»:

А — черно, Е — бело, У — зелено, И — ярко-красное, О —
небесного цвета! Вот так, что ни день, что ни час,

Ваши скрытые свойства беру я на цвет и на глаз, Вас на цвет
и на запах я пробую, гласные!

(Пер. Л. Мартынова)

Между музыкальными звуками (и тональностями) и цветом для многих музыкантов (и не только) существует определенная связь. Вспомним имена Микалоюса Чюрлениса и Александра Скрябина (последнего считают и изобретателем цветомузыки).

Не задумываясь, ответьте:
какой звук больше — *И* или *О*?
какой звук грубее — *И* или *Р*?
какой звук светлее — *О* или *Ы*?

Как показывают опросы, подавляющее большинство носителей русского языка дает практически одинаковые ответы: *О* «больше» *И* и «светлее» *Ы*, *Р* «грубее» *И*. В чем тут дело? Возможно, звуки речи в сознании говорящих вызывают какие-то значения? Известный лингвист А. П. Журавлев предположил, что ответ на этот вопрос может быть положительным, и в дальнейших своих исследованиях исходил из этой гипотезы. Журавлев провел следующий эксперимент: испытуемым (а их были многие сотни, и они представляли различные социальные группы по полу, возрасту, роду занятий) были предложены анкеты, в которых были написаны все «звучащие буквы» русского алфавита, а перпендикулярно звукобуквам располагалась шкала свойств, где были указаны такие характеристики, как *тихий* — *громкий*, *светлый* — *темный*, *сильный* — *слабый*, *тусклый* — *блестящий*, *шероховатый* — *гладкий*, *большой* — *маленький* и т. д. На пересечении строк испытуемые информанты (ии.) должны были поставить «+», если они считали, что данное свойство характерно для звукобуквы, или «-», если они полагали, что указанное свойство не соответствует конкретной звукобукве и никак с ней не ассоциируется. И хотя многие ставили «крестики» «как Бог на душу

положит» (по словам одного из ии.), поскольку не считали, что звук обладает значением, результаты оказались поразительными и никак не подпадающими под действие закона «орла-решки» (50 x 50). Так, практически никто из ии. не определил звукобуквы *Щ* и *Ш* как «светлые» или «гладкие», *Ы* — как «нежный», *И* — как «большой». Из этого следует, что связь между звучанием речевых фрагментов и зрительно-осязательными образами вполне реальна. На основе своих исследований Журавлев доказал, что звуки речи содержательны и обладают значением. *Фонетическое значение — это значение, которое несут в себе речевые звуки.* Приведем некоторые результаты исследования Журавлева, касающиеся соответствия звукобукв и цвета:

- А — густо-красный
- Я — ярко-желтый
- О — светло-желтый или белый
- Е — зеленый
- Э — зеленоватый
- И — синий
- Й — синеватый
- У — темно-синий, сине-зеленый, лиловый
- Ю — голубоватый, сиреневый
- Ы — мрачный темно-коричневый или черный

Результаты исследований А. П. Журавлева получили подтверждение и подверглись некоторым (незначительным) уточнениям в дальнейших исследованиях (упомянем наиболее интересные результаты, постигнутые группой ученых VAAL, среди которых следует назвать В. П. Беля-нина, и реализованные в виде программы компьютерного диагностирования текстов).

Далее, есть ли соответствия между значением фонетическим и лексическим, понятийным? В русском языке масса слов являются звукоподражательными, например: *аукать, ахать, бормотать, бухать, долдонить, жужжать, икать, кукарекать, клацать, охать, рычать, свистеть, тикать,*

топать, ухать, фыркать, хрустеть, цыкать, цокать, чирикать, шуришать и т. д. От многих слов такого рода можно образовать производные: *топать* — *топот* — *топтун* — *топтыга* — *протопать* и т. д. В каждом современном развитом языке насчитывается до 2—3 тысяч таких слов. А в некоторых языках (напр., нанайском в России или эве в Судане) удельный вес слов такого типа велик и поныне.

В связи с этими фактами К. Ф. Седов и И. Н. Горелов вспоминают звукоподражательную теорию возникновения языка (очевидно, она Вам хорошо знакома из курса языкознания, поэтому я не буду останавливаться на ней подробно). Противники этой теории выдвигают следующий аргумент: эта теория никак не может объяснить существование в языке слов, обозначающих абстрактные понятия. Сторонники теории на это отвечают, что язык возник не сразу в том виде, в котором он существует сейчас, а первобытные люди не имели и не могли иметь абстрактные понятия и, следовательно, в самом языке не могло быть знаков для обозначения таких несуществующих понятий. В качестве дополнительного аргумента сторонники данной теории приводят в пример «примитивные языки», в которых и сегодня мало слов для обозначения абстрактного. В языках с иероглифической письменностью часто иероглиф, обозначающий конкретный предмет (напр., «дерево» в китайском обозначается иероглифом, напоминающим дерево), может использоваться для обозначения более сложного, собирательного понятия (в том же китайском — «лес» обозначается при помощи 3-х иероглифов «дерево»). Этот иероглифический принцип считается принципом «примарной (первичной) мотивации» формы знака. Аналогично форма знака языка, типа «хрюшка» или «дрожать», также является примарно мотивированной: «хрюшка» — от фонации животного (т. е. тех звуков, которые животное произносит), а «др» передает (копирует) слышимые и неслышимые колебания с помощью вибрирующего кончика языка. (Такие

«копии»-ассоциации называются *идеофонами*.) В поэтической и детской речи можно найти немало примеров как существующих в языке, так и «изобретенных» идеофонов (напр., «*бибика*» вместо «машина», «*тик-так*» вместо «часы», «*ав*» вместо «собака» и др.)

Однако звуковой облик слова может быть ориентирован не только на звукоподражание, но и на внешний облик предмета. Так, еще в конце 60-х одним из авторов пособия, которое мы положили в основу настоящей лекции, провел следующий эксперимент: на страницах «Недели» были опубликованы рисунки несуществующих животных и различные геометрические фигуры, а параллельно приводились несуществующие слова (квазислова), которые были специально подобраны в соответствии с фоносемантическими данными по характеру рисунков. Читателям предлагалось определить, кто есть кто. (Тех, кто хочет увидеть рисунки и предлагаемые слова, я отсылаю к пособию И. Н. Горелова и К. Ф. Седова.) Результаты опыта показали, что звуки слова способны передавать самые различные признаковые свойства объектов, этим словом обозначаемых. Интересно, что пилотажные опросы, которые я проводила среди своих иностранных учащихся, дал практически те же результаты.

Известный во всем мире отечественный психолог и ней-ролингвист А. Р. Лурия обратил внимание на то, что возможны сочетания, типа: *теплое слово, холодный взгляд, соленая шутка, горький упрек, сладкая ложь* и под. (в первых двух случаях «слово» воспринимается на слух или зрительно, «взгляд» — зрительно, а температура — через рецепторы кожи; в других случаях обозначаются вкусовые ощущения). Еще примеры: *тяжелый взгляд, кричащая одежда, резкий звук* или *запах*. А. Р. Лурия предположил, что психофизиологический механизм такого рода связи ощущений,

¹ Постарайтесь найти и привести свои примеры такого рода.

закрепленных в языке, состоит в том, что нервные импульсы, идущие от наших рецепторов (органов чувств) в подкорковой зоне, друг друга индуцируют (возбуждают), так как нейропроводящие пути близко расположены друг от друга. Возникающее так соощущение было названо термином «синестезия» («со-ощущение»). Механизм действия синестезии в речевой деятельности хорошо иллюстрируется опытами Е. И. Красниковой. Попробуем некоторым образом повторить ее эксперимент и мы. Вам предлагаются тексты:

ЖЕРТВА СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА

1. *Одна из западных воскресных газет — «Нибдджет фейдж» — извинилась перед читателями за то, что в очередном номере отсутствует постоянная рубрика «Куда пойти поесть», рекламирующая рестораны, кафе, бары. Редакция пояснила, что репортер, поставляющий материалы для этой рубрики, заболел, отравившись в ресторане «Чоффет» при исполнении служебных обязанностей.*

2. *Одна из западных воскресных газет — «Хэммен мод» — извинилась перед читателями за то, что в очередном номере отсутствует постоянная рубрика «Куда пойти поесть», рекламирующая рестораны, кафе, бары. Редакция пояснила, что репортер, поставляющий материалы для этой рубрики, заболел, отравившись в ресторане «Хэддок» при исполнении служебных обязанностей.*

А теперь ответьте на вопрос: *каким, по Вашему мнению, блюдом отравился репортер: холодным или горячим?*

Результаты Е. И. Красниковой следующие: в первой группе, которой был предъявлен первый текст, ии. ответили, что блюдо было горячим. Ии. второй группы, читавшие второй текст, предположили, что репортер отравился холодным блюдом. (Опросы, проведенные мною в группах студентов, дали практически те же результаты.) Подсказка — слова «Нибдджет фейдж», «Чоффет» и «Хэммен мод»,

«Хэддок». Если суммировать фонетические значения звуков, из которых состоят эти слова (по методике А. П. Журавлева), то оказывается, что первые два состоят из «горячих» звуков, а последние два — из «холодных». Синестези-ческий эффект стал причиной выбора ии. «горячего» или «холодного» варианта.

Еще один опыт. Снова два текста:

1. ... *На этом озере летом хороша ловля и поплавочными удочками, и спиннингами, разумеется, если есть лодка, которую вам может предоставить местная турбаза «Зиппег».*

2. ... *На этом озере летом хороша ловля и поплавочными удочками, и спиннингами, разумеется, если есть лодка, которую вам может предоставить местная турбаза «Эвеллоуп»*

Как Вы думаете, *какие берега у этого озера — изрезанные или округлые!*

Ии., читавшие первый текст, предположили, что у озера берега изрезанные, а те, кто читал второй текст, сказали, что берега округлые. Анализ фоносемантической структуры слов «Зиппег» и «Эвеллоуп» показывает, что первое состоит из «угловатых» звуков, а второе — из «округлых». Результаты проведенных мною опросов дали стопроцентное совпадение с результатами Е. И. Красниковой. При этом интересно, что точно так же ответили и иностранные ии., опрошенные в ходе пилотажного опроса. Следовательно, можно сделать предварительный вывод, что в ряде случаев фонетический образ слова вызывает у носителей различных языков похожие зрительные образы.

И последнее по этому вопросу: эксперименты самого А. П. Журавлева, его последователей и, в частности, уже упомянутой нами группы VAAL показали, что фоносемантическими характеристиками обладают не только отдельные слова, но и целые тексты. Тех, кого заинтересовала эта

проблема, отсылаю к соответствующим работам по фоно-семантике и психопозитике.

СЛОВО В СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Как слова хранятся в языковом сознании? Как, по какому принципу слова связаны друг с другом? Как они функционируют при естественной коммуникации? Как автору удается быстро найти нужное слово при порождении речи? Как реципиент понимает воспринимаемый текст? В современной ПЛ науке существует целый ряд различных подходов к значению слова и к его (слова) функционированию в речевой деятельности. Назовем основные:

1. *ассоциативный подход* — в рамках этого подхода в центре внимания оказывается ассоциативное значение, специфическая внутренняя структура, глубинная модель связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова;

2. *параметрический подход* — в этом случае внимание акцентируется на том, что для носителя языка значение слова не является монолитным, оно может быть разложено на ряд составляющих, степень выраженности которых поддается количественному измерению; этот подход связан с методом семантического дифференциала Ч. Осгуда, который измеряет коннотативное значение слова;

3. *признаковый подход* — в центре внимания при таком подходе находится то, как пользуется значением слова индивид, все стоящее за словом описывается через некоторый набор признаков, которые скорее характеризуют увязываемый со словом объект, действие, качество и т. д., изучение особенностей восприятия человеком внешнего мира и по следующей переработки воспринятого ведется в целях обнаружения и объяснения психологической структуры зна-

чения слова, с этим подходом связаны имена таких ученых, как Р. Л. Солсо, Л. Барсалоу;

4. *прототипный подход* — основывается на понятии типичности не только некоторого сочетания признаков, но и степени значимости таких признаков для отнесения того или иного объекта (действия и т. д.) к определенной категории; этот подход базируется на концепции Элеоноры Рош о прототипной категоризации (вкратце: существуют категории базового уровня обобщения, фундаментальной функцией которых является основанное на гештальтах восприятие поверхностных характеристик объектов в целом и их частей);

5. *ситуационный (событийный) подход* — внимание фокусируется на том, что для пользующегося языком значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу — пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т. п., значения функционируют не по отдельности, а в определенных связях, которые к тому же складываются во все более обширные объединения: кластеры (группы), поля, сети, в качестве «узлов» в сети выступают ассоциации, пропозиции, фреймы, наборы признаков и т. д. (последовательная реализация этого подхода прослеживается в работах В. Я. Шабеса).

Тех, кто заинтересовался различными подходами к значению слова, я отсылаю для начала к «Введению в психолингвистику» А. А. Залевской, затем к научным трудам названного исследователя и к другим первоисточникам.

А теперь более подробно рассмотрим ассоциативный подход, так как одним из наиболее простых и действенных приемов получения материала в данном случае является метод свободных ассоциаций. Он состоит в том, что ии. предлагается слово-стимул, на которое он должен отреагировать первым пришедшим ему на ум словом или словосочетанием. Слово-реакция и есть та лексема, которая связана со словом-стимулом. Связи между словами, возника-

ющие в сознании, называются ассоциативными связями, или просто — ассоциациями.

Существуют ассоциации, общие для подавляющего большинства представителей того или иного националь-но-лингво-культурного сообщества. Проведем известный психологический эксперимент. Произнесите первые пришедшие Вам в голову слова:

русский поэт — ?

часть лица — ?

птица — ?

фрукт — ?

В значительном большинстве случаев у русских реакции представлены словами: *Пушкин, нос, воробей, яблоко*.

Если Вас интересуют ассоциации русских, посмотрите «Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь» в 6-ти томах, вышедший во второй половине 90-х.

Если проанализировать (пока на поверхностном уровне) реакции, зафиксированные в указанном словаре, то можно увидеть, что ассоциации носят либо парадигматический, либо синтагматический характер (*студент* — *заочник, отличник, институт* и т. д.; *студент* — *бедный, вечный, голодный, учится* и т. д.). Парадигматические ассоциации могут образовать отношения синонимии (*друг* — *товарищ*), антонимии (*друг* — *враг*), гиперонимии (*студент* — *учащийся*), гипонимии (*студент* — *отличник*).

Понятно, что ассоциации во многом национально детерминированы и маркированы, и в силу этого они будут различаться у представителей разных культур. Подробнее об этом мы будем говорить в курсе этнопсихолингвистики, а сейчас приведем только один пример, зафиксированный А. А. Залевской: реакция на *хлеб* у русских — *соль*, у французов — *вино*, у немцев и американцев — *масло*, у узбеков — *чай*.

Но кроме национальной маркированности, ассоциации несут на себе и отпечаток того социума, к которому принадлежит ии.: *кисть* — *рябины* у жителя Поволжья и *винограда* у жителя Средней Азии; *плавная, мягкая* у музыканта, дирижера; *краски, волосаяная* у художника, *ампутация* у медсестры или врача.

Ассоциации в языковом сознании образуют ассоциативные (семантические) поля, в которых слова, близкие по значению, объединяются в группы. И сейчас рассмотрим серию экспериментов, проведенных А. Р. Лурия, которые показали природу и своеобразие семантических сетей и стали уже хрестоматийными. Эксперименты были основаны на некоторых особенностях физиологических реакций человека на болевой раздражитель в виде удара током. Следствием такого раздражения выступает сужение кровеносных сосудов головы и пальцев рук. Характер сосудистых реакций фиксировался с помощью специальных датчиков. Ученые выявили три типа реакций на внешний раздражитель:

1. *нейтральная* (нулевая) реакция — сосуды пальцев и головы не сжимаются и не расширяются;

2. *ориентировочная* — сосуды пальцев сжимаются, сосуды головы расширяются;

3. *защитная* (наиболее сильная, когда происходит мобилизация сил организма к сопротивлению) — сжимаются сосуды и пальцев, и головы.

Начало эксперимента: одновременно с произнесением слово-стимула ии. наносился легкий удар током. Это продолжалось до тех пор, пока у ии. не вырабатывался условный рефлекс (как у собаки Павлова) — защитная сосудистая реакция на определенное слово (в эксперименте — *кошка* и *скрипка*). В результате в конце начального этапа достаточно было произнести слово-стимул, чтобы у ии. (уже без болевого раздражителя) сжимались сосуды пальцев и головы. А дальше начинался сам эксперимент — основная серия опытов.

1. Ии. предъявляли слова, близкие по смыслу, напр., из группы «струнные музыкальные инструменты»: *виолончель, мандолина, контрабас, смычок* и т. д. На все приведенные слова наблюдалась защитная реакция, точно такая же, как и на слово *скрипка*.

Вывод: в сознании существуют семантические поля, в которые входят слова, объединяемые общим понятием (здесь — музыкальные инструменты).

2. Ии. предъявляли слова из группы «музыкальные инструменты, не относящиеся к разряду струнных»: *аккордеон, кларнет, труба, саксофон* и т. д. Сосудистая реакция слабеет и приобретает ориентировочный характер (сжимаются сосуды рук и расширяются сосуды головы).

Вывод: у выявленного семантического поля можно выявить центр и периферию, где связи между словами ослабевают.

3. Ии. предъявляли слова, никак не связанные с миром музыки: *сапоги, шкаф, облако, крыша, труба, печка*. Эти слова вызывали нейтральную реакцию (т. е. отсутствие какой-либо реакции).

Что-нибудь вызвало у Вас сомнение? Наверное, слово *труба!* Эксперимент показал, что *труба* в ряду музыкальных инструментов вызвало ориентировочную реакцию, когда же его значение конкретизировали соседние слова *крыша* и *печка*, оно не вызвало никакой реакции.

Вывод: значения слов, входящих в различные семантические поля, конкретизируются в речевом контексте.

4. Ии. предъявили слова, сходные со словом-стимулом не по смыслу, а по звучанию, напр., *скрепка*. В этих случаях наблюдалась слабая ориентировочная реакция.

Вывод: слова в нашем сознании связаны не только по смыслу, но и по форме. При этом связь по форме значительно слабее смысловой связи.

Эксперименты с умственно-отсталыми детьми дали совершенно другую картину. Имбецилы (глубокая степень

умственной отсталости) не давали никакой реакции на слова из одного семантического поля и давали ориентировочную реакцию на слова, сходные по форме. Дебилы (слабая степень) показали одинаковую, ориентировочную, реакцию на слова из одного семантического поля и на слова, сходные по форме.

Понаблюдайте за оговорками в повседневной речи, и Вы увидите, как проявляют себя ассоциативные связи, существующие в сознании. Зачастую лексема, обозначающая какое-либо понятие, замещается другой лексемой из того же ассоциативного (семантического) поля (*купе — каюта; талончик — билет; вопрос — ответ*; так, комментируя Олимпиаду в Сиднее 21.09.2000, В. Гомельский сказал следующее: «*Надеюсь, что и на наши ответы... ответы... журналистов РТР спортсмен обязательно... вопросы — на вопросы он ответит*»). Реже, но случаются оговорки, мотивированные фонетической близостью слов (*фламинго-шоу* вместо *фламенко-шоу, красить суржиком* вместо *красить суриком, брюшной гриф* вместо *брюшной грипп* и др.).

Итак, мы порассуждали о связях между словами в языковом сознании. А существует ли связь между словом и наглядным представлением?

Проведем такой эксперимент. Я говорю слово *лимон*. Вам стало кисло? А если так:

На белоснежной скатерти стоит сверкающая белая тарелка. На тарелке желтый с прозеленью лимон... Вы берете в руки острый фруктовый нож; и разрезаете упругий плод пополам. Вы видите, как из-под лезвия брызжет лимонный сок, превращаясь в мутноватые капельки на тарелке. Кончиком пальцев Вы касаетесь одной капельки и слизываете языком, остро ощущая кислоту и тонкий запах плода...»

Ну как? К. Ф. Седов и И. Н. Горелов утверждают, что после такого текста можно ручаться за «эффект слюноотделения». Чего, конечно же, не будет, если Вы услышите

информацию о том, что *в некоей стране резко сократилась или, наоборот, выросла урожайность лимонов и прочих цитрусовых.*

И в связи с этим следует подумать вот о чем: почему в одних случаях слово являет свое предметное значение, превращаясь во внутренний образ, а в других этого не происходит? Один из возможных ответов: это связано с контекстом. В *первом случае контекст прямо адресован личным ощущениям* (особенно, если предлагается не только присутствовать, но и активно участвовать в сцене), а *во втором — нейтрален* (в смысле личных ощущений), *апеллирует к разуму, а не к ощущениям, информирует, но не касается вас лично.*

И последнее замечание: дети младшего возраста сохраняют в памяти конкретные образы, которые крепко связаны соответствующими словами. Дети еще не знают переносных значений. Иногда, хотя и редко, школьники также обнаруживают подобное незнание. Это показал эксперимент, в котором предьявлялись выражения, типа *прикидываться лисой, выглядит медведем, вот где собака зарыта* и т. д. Для взрослых же «расшифровка» переносного значения не составляет труда. Более того, мы вообще ее не замечаем. Представьте себе прямое значение таких выражений: *вырос урожай, упал интерес, в кругу специалистов, в ряду исследователей, в обстановке полной свободы.* На этом построены некоторые анекдоты: знаете, как незадачливые студенты-переводчики переводят на английский *окружающая среда* (*surrounding Wednesday) и *международная обстановка* (*international furniture)? Кроме того, К. Ф. Седов и И. Н. Горелов предлагают подумать и над нашими предложениями ²: *работать над собой* — это где же, спрашивают они, нужно физически находиться, чтобы совершить эдакий кульбит? *прилететь на самолете* — это как? вер-

² Постарайтесь найти и привести свои примеры такого рода.

хом? *все случилось / произошло из-за...* — а это как? под влиянием — кто и что вливал сверху?

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ГРАММАТИКИ

Психолингвистический аспект предполагает рассмотрение словообразования и грамматики с точки зрения человеческого фактора. Для начала задумаемся: как и почему человек создает новые слова и как функционируют существующие лексемы в сознании человека?

ПЛ исследования говорят, что новое слово создается человеком, когда он сталкивается с предметом, назначение и сущность которого он знает, но не имеет представления или не помнит его «имени».

Первый случай: например, как называется предмет — палка с резиновой насадкой, которая используется для прочищения ванн и туалетов? Возможные названия: *протицал-ка, пробивалка, продувалка, тыркалка, шировалка, присоска, резинка*. На самом деле этот предмет называется «вантуз».

Второй случай: как называется человек, который живет на Севере? А на Востоке? А кто живет на Памире? В 60-е годы Леонид Волькович Сахарный провел эксперимент в далеком сибирском селе, задав эти вопросы его жителям. Результаты были следующими: на первый вопрос ии. не задумываясь перечисляли *кочевников, оленеводов, остяков, чукчей* и т. д.; второй вопрос вызвал у старожиллов определенные затруднения, так как в то время телевизор был еще не в каждом доме, и кто на самом деле живет на Востоке, ии. не знали, поэтому они придумали слово «*восточник*»; ну а третий вопрос оказался в принципе непонятным для ии., так как они не знали самого слова Памир, и поэтому многие вообще отказались отвечать.

Далее, я надеюсь, что Вам знаком термин «народная этимология». В чем суть этого явления? Слово существую-

щее, но не «мотивированное» замещается словом новым, но с прозрачной внутренней формой (несколько классических примеров: *полуклиника, гульвар, вертилятор, спинд-жак*). Причина создания нового слова та же, что в предыдущих двух случаях. В сочинениях абитуриентов иногда можно найти случаи такого рода («как понял, так и пишу»):

И внял я небу с содроганьем.

И гордый ангелов полет,

И кад (от кадушки?) морских подводных вод.

В детском речетворчестве можно обнаружить немало примеров создания новых слов. При этом ребенок совершает сложнейшие операции анализа и синтеза: ребенку нужно понять природу и назначение предмета, выделить в нем важные признаки, синтезировать эти признаки и дать им единое имя на основе словообразовательной сверхмодели, которая у него уже выработана. Как показывают результаты экспериментов, дошкольники чаще всего используют аффиксальные способы словообразования: *Собака пасть разинула, а потом зазинула; Я сначала заразился, а потом отразился; А Вова велосипед насасывает; Я вся такая пахлая, я вся такая духлая; Такая светлота, а ты еще спишь; Уж лучше я пойду домой непокушенная* и т. д. Кроме того, может использоваться основосложение: *теплометр, зверопарк, рыбежирная ложка, я поломаю*, — и словосложение: *дождь — нукуданепускатель; однойнельзяходитель-ский лес; лучшевсехная; сумасошлатая тетя*.

Так же, как и у взрослых, в речи детей наблюдаются случаи «народной этимологии»: услышав незнакомое слово, ребенок пытается воссоздать его происхождение, напр., *курятник — дядя, который курит; мама сердится, но потом быстро удобряется; судак — это кого судят; лодырь — тот, кто делает лодки; деревня — это где много деревьев; город — там где есть горы; начальная школа — это где начальники учатся; это не линейка, а длиннейка; не будильник, а звоишльник; не гирлянда, а стеклянда; сапоги не резиновые,*

а грязиновые. Языковая игра взрослых построена на том же принципе — попытке найти внутреннюю форму и эксплицировать ее, в принципе это очень похоже на детские речевые инновации: *сторож* — зрительный зал, аудитория, *экстаз* — таз, бывший в употреблении, *барбос* — хозяин бара, *курица* — женщина, которая курит, *Гертруда* — героиня труда, *сорвиголова* — палач, *дерюга* — дантист. Больше всего примеров новых слов можно обнаружить в поэзии (перечитайте футуристические опусы Маяковского, произведения Олейникова, Введенского, Северянина и, конечно, Хлебникова; поэты очень разные, но все они «не без греха», о котором мы сейчас говорим).

А теперь поговорим о правилах организации речи. Для начала вспомним, что есть грамматическое значение. Это отвлеченное от действительности значение, которое отражает отношения между формами слов, виды связи между словами в речи. Грамматические формы передают информацию не меньше, чем лексические значения. Вспомним хрестоматийный пример Л. В. Щербы: *Глокая куздра ште-ко будланула бокра и кудрячит бокренка*. Из этого квазипредложения можно понять, что некий живой субъект женского пола, имеющий определение (*глокая куздра*), совершил некое действие, имеющее определение (*штеко будланула*), по отношению к живому объекту мужского пола (*бокра*) и в настоящее время совершает некоторое действие (*кудрячит*) в отношении детеныша, имеющего отношение к объекту первого действия (*бокренка*).

Такого же рода информация может передаваться грамматическими значениями и на уровне текста. Приведем в качестве примера квазисказку Л. Петрушевской:

ПУСЬКИ БЯТЫЕ

*Сяпала Калуша по напушке и уважила бутявку. И вопит: —
Калушата, калушаточки! Бутявка! Калушата присяпали и
бутявку стрямкали.*

И подудонишься. А Копуша

валит:

— Оее, оее! Бутявка-то некузявая! Калушата

бутявку вычучили.

Бутявка вздрезнулась, сопритюкнулась и усяпала с на-пушки.

А Калуша вопит:

— Бутявок не трямяют. Бутявок не трямяют. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

А бутявка вопит за напушкой:

— Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

Интересно, что дети-дошкольники воспринимают эту квазисказку, как правило, как информативно полноценную, «нормальную», хотя каждый ребенок, конечно, по-своему расшифровывает услышанное.

Или другой пример; это один из вариантов перевода стихика из «Алисы в Стране Чудес»:

Розрень, юзкие хамейки

Просвертели весь травас. Айяйяют

брыскунчейки Под скорячень

ричинъжас.

Итак, с точки зрения **ПЛ**, грамматика есть система правил организации связной речи.

Н. Хомский, имя которого я неоднократно называла в предшествующей лекции, утверждал наличие самостоятельных синтаксических структур в сознании человека (помните — глубинные синтаксические структуры, которые реализуются в поверхностных структурах?). Классический пример Хомского, который все информанты воспринимают как абсолютно нормальную фразу с точки зрения общих норм синтаксиса (отличие от квазипредложения Щербы в том, что Хомский использует реально существующие ело-

ва): *Бесцветные зеленые идеи бешено спят (Colorless green ideas furiously sleep)*. По тем же принципам построена и абсолютно бессмысленная, но очень умная фраза, известная многим и многим: «С точки зрения банальной эрудиции не всякий индивидуум, метафизирующий абстракцию, способен дифференцировать тенденцию парадоксальных эмоций». (Эта фраза, заметим в скобках, часто используется для обозначения красиво звучащего, но бессмысленного наукообразного текста.) Перечитайте Д. Хармса или А. Введенского и Вы найдете массу интереснейших примеров языковой игры со словом, с его лексическим и грамматическим значением, с лексической и грамматической сочетаемостью.

И снова поговорим о детском речетворчестве. С. Н. Цейтлин провела ряд интереснейших экспериментов и получила конкретные подтверждения того, что детская грамматика значительно более последовательна, чем та реальная грамматика, которой пользуются взрослые, она стремится к универсальности. Так, формы множественного числа от *человек* и *ребенок* — *человеки* и *ребенка*, а от *ухо* — *ухи* (что гораздо более логично, согласитесь); *рот* — *ротом*, *высокий* — *высокое* и *широкий* — *шире* и т. д. Более логичен ребенок и в определении и в манифестации грамматических значений: если *синица*, то это она (тетенька), а если это он (дяденька), то это должен быть *синиц*. По тому же принципу строится и имитация детской речи: *папа* — *граф*, *мама* — *графиня*, а *ребенок у них* — *графинчик*; *она* — *героиня*, а *он* — *героин*. Ребенок уверен, что если сегодня ветер не такой сильный, как вчера, то значит вчера было *ветрее*. А «если у меня платье красивее, чем у тебя, то значит я *принцессее*». Другими словами, ребенок, нисколько не сомневаясь, создает сравнительную степень от существительного только потому, что он не знает, что этого нельзя делать. Но разве то, что он создает, непонятно и плохо? Напротив! Это наглядно, точно, понятно. Вспомните «От двух до пяти» К. И. Чуковского.

К возрасту 6—7 лет в целом завершается овладение языком как системой фонетических, грамматических и лексических норм, и после этого ребенок «выходит в текст, как в открытый космос» (Н. И. Жинкин). Мы тоже попробуем туда выйти в последующих лекциях, когда будем говорить о тексте, дискурсе, коммуникации. А сейчас остановимся на тех компонентах коммуникации, которые не относятся к числу вербальных, но не менее важны для того, чтобы коммуникация была успешной.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ

Ни у кого не вызывает, очевидно, сомнений сама возможность читать эмоции у людей и у животных (ужас на лице человека и на мордочке кошки, одинаково понятный наблюдателю). В. Г. Колшанский, написавший книгу «Паралингвистика», доказал и проиллюстрировал тезис о том, что невербальные компоненты коммуникации (мимика, жесты, фонация междометий) играют огромную роль в процессе общения. Они помогают установить место свое и собеседника на шкале «свой — чужой» (как это работает на национальном уровне, мы рассмотрим в курсе этнопсихолингвистики). Но они помогают и установить первичный контакт. Например, как Вы думаете, как общался с паузасами Н. Н. Миклухо-Маклай до того, как выучил их язык? Сам ученый описал это в своей книге. Если коротко, то это происходило так:

Туй (молодой пауас) встревоженно быстро говорил что-то, Миклухо-Маклай его, конечно, не понимал. Тогда Туй изобразил с помощью пантомимы, что, как только корабль, на котором прибыл ученый, скроется из виду, люди из соседней деревни придут и убьют Миклухо-Маклая. Значит, ученому нужно спрятаться, и Туй ему в этом поможет.

В наши дни есть один западный исследователь, который принципиально не учит иностранных языков, но по-

стоянно путешествует по разным странам. Причем не по туристическим местам, а по самым что ни на есть глубинкам, где и иностранцев-то никогда не видели. Цель его вояжей — выяснить, могут ли люди общаться, не имея общего языка, и насколько радикально различаются выражения чувств у представителей разных культур. Слава Богу, пока с этим отчаянным человеком все в порядке. Более того, он написал интереснейшую работу по Китаю.

К. Ф. Седов и Н. И. Горелов приводят пример из «Героя нашего времени». Помните встречу Печорина и Максима Максимовича? Перечитайте это место, проанализируйте текст романа. Что Вы обнаружите? (Речь Печорина сдержанна, но вежлива. Так на что же обиделся Максим Максимович?) Или вспомните сцену встречи герцогини Марльборо (А. Демидова) и лорда Болленброка (К. Лавров) из последнего фильма «Стакан воды» (взгляд герцогини говорит значительно больше, чем улыбка и слова, предписанные протоколом) I

Невербальные компоненты коммуникации в конце концов могут переходить (через крайнюю стереотипизацию поведения) в ритуал, нарушение которого может вызвать у собеседника явное недоумение или шок. В качестве примера приведу небольшой фрагмент из «Сказки о тройке» Стругацких:

Мы встали и поклонились. Комендант, не спуская с нас напряженного взгляда, вылез из-за своего столика, сделал несколько крадущихся шагов и, остановившись перед Эдиком I, протянул руку. Вежливый Эдик, слабо улыбнувшись, пожал эту руку и представился, после чего отступил на шаг и поклонился снова. Комендант, казалось, был потрясен. Несколько мгновений он стоял в прежней позе, а затем поднес свою

³ Постарайтесь привести свои аналогичные примеры из литературы, кинематографа.

ладонь к лицу и недоверчиво осмотрел ее. Что-то было не так. Комендант быстро замигал, а потом с огромным беспокойством, как бы ища оброненное, принялся оглядывать пол под ногами. Тут до меня дошло.

—Документы! — прошипел я. —Документы ему дай! Комендант, бочезненно улыбаясь, продолжал озираться. Эдик торопливо сунул ему свое удостоверение, и заявку Комендант ожил. Действия его вновь стали осмысленными.

Карл Леонхард написал монографию «Мимические, жестовые и фонические средства эмоционально-коммуникативной выразительности», в которой он проанализировал и классифицировал невербальные компоненты коммуникации. Важнейшие выводы они обязательны при общении, в большинстве случаев не осознаются говорящим, но всегда учитываются слушающим, они в основном носят универсальный характер, не зависят от пола, возраста, национальности и культуры. Более того, есть компоненты, общие для человека и животного. Однако тезис об универсальности невербальных компонентов коммуникации требует очень серьезного уточнения, что мы и сделаем в курсе этнопсихолингвистики, когда рассмотрим случаи коммуникативных неудач, обусловленных именно невербальными компонентами коммуникации. А пока скажем лишь следующее: если мы проанализируем книгу «Язык жестов» Алана Пиза, то увидим, что целый ряд жестов, элементов мимики лица и прочих невербальных компонентов, которые описывает указанный автор, отличается от тех, к которым привыкли мы.⁴

⁴ Вспомните случаи Вашего общения с иностранцами или с людьми, приехавшими из далеких краев: не возникало проблем" (Личная зона, положение и движения рук, контакт глаз, громкость, тактичные контакты и др. Помните у М. Задорнова «Итальянцы вообще разговаривают руками»)

Функции невербальных компонентов коммуникации (найдите примеры)

- * контактоустанавливающая (социативная),
- * волеизъявление (волеизъявительная),
- * апеллятивная (обращение или призыв),
- * репрезентативная (выражение отношения к предмету)

Невербальные компоненты коммуникации могут выполнять функции синтаксических составляющих (попытайтесь найти свои примеры)

- ^x субъекта,
- * предиката,
- * объекта (прямого и косвенного),
- * обстоятельства места,
- * меры, степени, образа действия

В связи с этим стоит вкратце остановиться на языке глухих. В языке жестов используются два типа знаков, две системы жестовая речь и «пальцевая» речь (дактилология, на буквенной основе). Как выясняется, жестом можно обозначить не только какой-либо предмет (человек, дерево, дождь), но и понятия достаточно абстрактные, соотносимые, например, с грамматической категорией времени (*сегодня сейчас* — один жест, *вчера* — другой жест, есть жест для обозначения *раньше назад*, как «час назад»). Кстати, мы часто используем жесты, обозначающие время (прошедшее — показываем себе за спину и будущее — показываем вперед), в нашей повседневной речи и со слышащими людьми. Часто эти жесты используют преподаватели иностранных языков. Но здесь кроется и опасность, так как не для всех культур прошлое находится за спиной (но об этом в курсе этнопсихолингвистики).

Дактилология в первую очередь используется для передачи имен собственных и абстрактных понятий. В общении с глухими, слепыми и слепоглухими может использоваться также дактилография («написание» буквы, например, на руке реципиента). Широко используется людьми,

лишенными зрения, также и система Брайля (на некоторых бутылках Вы, наверняка, видели у донышка ряд загадочных выпирающих точек — это и есть надпись на системе Брайля — для того, чтобы слепой человек мог прочитать, что он покупает). На эту систему «переведены» многие книги, журналы и другие издания

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Горелов И Н Седов К Ф Основы психолингвистики М , 1997 *Залевская А А* Введение в психолингвистику М , 1999

Дополнительная

- Белянин В П* Введение в психиатрическое литературоведение Мюнхен, 1996
Жирмунский В М Теория стиха Л , 1975
Журавлев А П Символическое значение языкового знака // Речевое воздействие М, 1972
Журавлев А П Фонетическое значение Л , 1974
Леонтьев А А Основы психолингвистики М , 1999
Любимова Н А , Пинежанинова Н П, Сомова Е Г Звуковая метафора в поэтическом тексте СПб , 1996
Теория метафоры М , 1990
Шабес В Я Событие и текст М , 1989
Шабес В Я Речь и знание СПб , 1990
Rosch E On the Internal Structure of Perceptual and Semantic Categories// Cognitive Development and the Acquisition of Language / *Moore T E* (Ed) NY, London, 1973 P 111—114
Rosch E Principles of Categorization // Cognition and Categorization / *Rosch E & B B Lloyd* (Eds) Hillsdale, 1978 P 27—48

ЛЕКЦИЯ 3

Сознание, соотношение сознания и действительности Языковое сознание

Картина мира vs языковая картина мира Сознание — мышление — интеллект

Что и как «хранится» в голове человека¹? Как функционируют эти «единицы хранения» (концепты, образы и представления)⁹

Остановимся на взглядах на природу человека и человеческого сознания, изложенных в трудах Л С Выготского, А Н Леонтьева, А Р Лурии, Н И Жинкина, а также их последователей Тем более, что именно этим взглядам мы будем следовать в наших рассуждениях

ЧТО ТАКОЕ СОЗНАНИЕ?

Начнем с самого начала, с определения психики как таковой. «Психика, — пишет А Н Леонтьев, — свойство живых, высокоорганизованных материальных тел, которое заключается в их способности отражать своими состояниями окружающую их, независимо от них существующую действительность Психические явления — ощущения, представления, понятия — суть более или менее точные и глубокие отражения, образы, снимки действительности» Следовательно, психические явления вторичны, а действительность есть первичное, определяющее При этом специфика психики заключается в том, что «ощущение *предметно*, отражает свойства предметов действительности»

Но что есть отражение действительности⁹ (В скобках заметим, что этот вопрос является краеугольным камнем не только в психологии, но и в философии) Для психоло-

гических исследований важнейшим является постулат о том, что **отражение** у живых организмов — *всегда активный процесс*, при этом сама организация и деятельность живого организма является отражением объективных свойств окружающей среды. Более того, всякое психическое отражение есть результат реальной связи, реального взаимодействия живого, высокоорганизованного, материального субъекта и окружающей его материальной действительности.

Наличие психики, т. е. способности активного отражения окружающей действительности, отличает живой субъект от неживого. Однако в самой этой способности заложено и разграничение внутри класса «живых высокоорганизованных материальных тел» — отличие человека от животных, ибо психическое отражение, характерное для животных, оказывается противопоставленным *сознательному* отражению, специфически присущему человеку. Сознательное отражение есть отражение предметной действительности в ее отделенности от наличных отношений к ней субъекта. Это такое отражение, которое выделяет объективные устойчивые свойства окружающего предметного мира¹. Так мы подходим к понятию *сознания*, которое есть *специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики* (А. Н. Леонтьев).

Последнее утверждение, с которым мы не можем не согласиться, безусловно, требует определенных уточнений.

¹ Ср.: «Когниция [как «познание, познавание» и «мышление, размышление»] ярко отражает сущность homo sapiens'a и его интеракцию, взаимодействие со средой, направленные на выживание человека, совершенствование его приспособления к природе, познание мира и т. п. Когниция есть проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира — всего того, что составляет основу для рационального и осмысленного поведения человека» (*Краткий словарь когнитивных терминов*).

Во-первых, что есть действительность, и, во-вторых, как понимается отражение. Разбирая концепцию О. Розеншто-ка-Хюсси, К. Гарднер пишет, что, по мнению философа, человечество было сформировано четырьмя типами речи: 1) племенная речь отсылала человека к прошлому, 2) храмовая речь, наподобие той, что родилась в Древнем Египте, направляла человека к звездам, 3) речь Древней Греции посредством поэзии и философии сосредоточивала человека на его внутреннем «я», 4) речь народа Израиля посредством пророчеств обращала человека к его будущему. Христианство сплестило эти четыре модуса речи в единое целое. Такое понимание позволило О. Розенштоку-Хюсси на основе четырех ориентации в действительности сделать вывод о наличии «креста реальности». Четыре ориентации, четыре «фронта жизни» (прошлое, будущее, внутреннее и внешнее) составляют «доступную нам действительность», которая предстает не как круг, а как крест. Это положение принципиально важно, так как, в соответствии с таким пониманием, действительность оказывается намного шире материального мира, непосредственно окружающего человека.

ЧТО ЕСТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ?

Действительность — это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (не за границами сознания, а именно вне его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). И если космос (вселенная, универсум), понимаемый как все познанное и непознанное, все познаваемое и непознаваемое, индифферентен к процессу познания, не связан с сознанием и, следовательно, может включать в себя нерасчлененное ничто, то действительность, связанная с процессом познания, с сознанием, содержит нечто и что-то, а лежащее за границами созна-

ния ничто входит в действительность только через указанные категории (нечто и что-то²). Таким образом, элементами (фрагментами) действительности являются факты в самом широком смысле: от артефактов до ментефактов. Следовательно, в действительность оказываются включенными и «домоуправ» (работник ЖЭКа / ДЭЗа), и «домовой». Мир художественной литературы при этом представляет собой, так сказать, «вторичную действительность», «виртуальную реальность», которая тоже является частью действительности. Из этого следует, что персонажи художественных произведений, населяя данную «вторичную действительность», созданную автором, также входят и в действительность «первичную». Иначе говоря, конкретный «домоуправ», с которым можно поговорить по телефону, — «элемент» действительности (это, очевидно, ни у кого не вызывает возражений), но и домовый, которого можно никогда в жизни не увидеть (и более того — в существование которого можно и не верить), и Остап Бендер, вынужденный стать в конце своей «карьеры» домоуправом, суть такие же «элементы» действительности, как и реальный работник ДЭЗа, несмотря на абсолютно различную природу данных феноменов.

ЧТО ЕСТЬ ОТРАЖЕНИЕ?

Следующий вопрос: *как понимать отражение*. Конечно же, речь в данном случае идет не об отражении, например, в зеркале и даже не об отпечатке ноги на мокрой глине (повторим, что в психологии отражение понимается как всегда активный процесс). В данном случае отражение пони-

² Ср.: «Действительность, лежащая вне сознания, становится реальностью сознания только через ее дискретизацию, универсальная форма которой — понятие, являющееся инструментом дискурсивного мышления»(Л. О. Чернейко). О разграничении понятий «действительность» vs «реальность», о вхождении в сознание нерасчлененного ничто через стадии нечего и что-то — см. работы указ, автора.

мается как процесс однозначно активный, как процесс восприятия информации при одновременной ее когнитивной обработке (хотя и не всегда осознаваемой на уровне рации). Воспринимая информацию, например, о каком-либо предмете (в широком смысле), человек определяет его, некоторым образом классифицирует и «помещает» на определенное место в той картине мира, которая у него уже существует (конечно, это достаточно грубое представление процесса, который уже подробно описан в литературе). Иначе человек не мог бы ориентироваться в мире, представляя собой вечную *tabula rasa*. В данном вопросе, как Вы уже, очевидно, поняли, я стою на материалистической точке зрения, считая, что мир, окружающий конкретного человека, первичен, а сознание данного конкретного человека является отражением (не зеркальным — *sic!*, а в том понимании, как это было сказано ранее) действительности. Косвенным подтверждением этого служит, на мой взгляд, широко известный психологический эксперимент, когда человека просят нарисовать несуществующее животное. Как правило, фантастические создания являют собой контаминацию элементов уже известных данному конкретному человеку реально существующих животных. Безусловно, такие результаты не могут быть объяснены одной единственной причиной. Процессы, проходящие в «черном ящике» (в мозгу человека, в сознании человека), очень сложны, до конца не познаны и не поняты. Они являются предметом изучения психологов, нейрофизиологов и представителей других специальностей, не связанных напрямую с лингвистикой. Нас это интересует в значительно меньшей степени и никоим образом не является предметом нашего разговора. Все, что нам с Вами необходимо в данном случае, — это определить некоторые основные, принципиально важные для нас понятия. Это мы и попытались сделать.

КАК СООТНОСЯТСЯ СОЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Следующий вопрос — это вопрос *о соотношении сознания и действительности*, о «вхождении» сознания в действительность. Это вопрос философский и, как многие философские вопросы, является по сути вопросом «верований». Если попытаться кратко ответить на данный вопрос, то ответ может прозвучать слишком категорично (чего мне бы не хотелось). Но тем не менее мой ответ положительный: сознание входит в действительность. Однако отношения между указанными феноменами не есть отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то «содержание» сознания — идеальная сторона действительности. Проведу следующую аналогию: представьте себе аквариум, в котором плавают рыбки. Рыбки могут жить без воды? Нет. Рыбки и вода — одно и то же? Нет. Так вот, аквариум — это сознание, вода — идеальная сторона действительности, а рыбки — это ментефакты. Другими словами, ментефакты суть элементы «содержания» сознания, и между идеальной стороной действительности и сознанием не следует ставить знак равенства (как невозможно поставить знак равенства между рыбой и водой, хотя рыба живет только в воде). Вся информация, воспринимаемая человеком, поступает по пяти материальным каналам (я говорю только о том, что уже известно и опять-таки не вызывает возражений), но из этого не следует, как мне думается, вывод о материальности самого сознания. В связи с этим вспоминается картина Рене Магритта «Удел человеческий»: картина, изображенная на холсте, настолько точно воспроизводит фрагмент окружающего мира, что первоначально воспринимается именно как данный фрагмент. Сама картина («холст») материальна, окружающий мир (включая и изображенный фрагмент) материален, но мир художника (тот мир, который он видит «внутри» себя) нематериален, и тот фрагмент, который художник написал на картине, будучи изначально матери-

альным и материальным на холсте, вместе с тем нематериален. Итак, сознание, нематериальное по своей природе, является фрагментом действительности, поскольку действительность в том понимании, которое было представлено, включает в себя и нематериальные феномены.

Важно отметить, что сознание человека существует в виде ментальных образов, доступных наблюдению, по идее Е. Ф. Тарасова, в интроспекции только для субъекта сознания, и в «овнешнениях» этих ментальных образов, т. е. в виде деятельности, в которой субъект сознания воплощает эти образы, и в виде предметного воплощения этих образов, т. е. в продуктах, результатах этой деятельности.

Человек есть существо общественное, *«социальное по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры»* (А. Н. Леонтьев). Следовательно, сознание человека «есть отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных языковых³ значений, понятий», а «индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного». *«Сознание есть продукт развития материи, есть продукт развития жизни. Это высшая форма отражения, форма специфически человеческая, возникшая в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни — к жизни в обществе, к общественным отношениям»* (А. Н. Леонтьев).

Итак, с сознанием более или менее разобрались, во всяком случае на уровне, необходимом и достаточном для дальнейшего разговора. А что же такое языковое сознание?

³ Ср.: Сущность сознания — отражение действительности. Действительность осознана человеком постольку, поскольку она отражена через посредство языковых значений; следовательно, язык есть действительное сознание (А. А. Брудный) (выделено мною. — В. К.).

ЧТО ЕСТЬ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ? КАРТИНА МИРА VS ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА.

Многие психологи и психолингвисты используют термины *сознание* и *языковое сознание* для описания одного и того же феномена — сознания человека. Таким образом, языковое сознание — один из аспектов данного явления, та «ипостась» сознания, которая связана с речевой деятельностью личности.

Следует согласиться с тезисом о том, что языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт прошедшей, бывшей деятельности (Е. Ф. Тарасов). И — на основе данного опыта — потенциально возможной? Хотя, безусловно, любое «потенциально возможное», как только становится осуществленным, моментально переходит в разряд «бывшего». Данное понимание восходит к идее А. А. Потебни: «Наш опыт показывает, что настоящее наше состояние не подлежит нашему наблюдению и что замеченное нами за собой принадлежит уже прошедшему».

Отметим, что для Л. С. Выготского и, вслед за ним, для А. Н. Леонтьева сознание имеет языковую, речевую природу: «Иметь сознание — владеть языком. Владеть языком — владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при этом понимании является знаковым» (А. А. Леонтьев). Ср. с идеей Поля Рикёра: «... язык является по существу системой значений; он не может не означать что-либо, и все его существование заключается в значении». По мысли Г. Гийома, «язык овеществляет ментальное». Развивая учение Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьев утверждает, что если язык понимается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то «языковое сознание», т. е. сознание, рассматриваете-

мое как опосредованное значениями, оказывается близким к пониманию «образа мира» в современной российской психологии. Именно через образ мира, который человек носит в себе, он воспринимает мир; ср.: «Мир глазами человека— это вид мира на основе обработки, которой мы умеем подвергать мир, заключенный в нас» (Г. Гийом). Соответственно, язык человека — «это поверхностная структура, в которой с помощью текстов фиксируется модель мира, которую мы несем в своем сознании» (З. Я. Тураева), поскольку «сам язык, как некая значащая система, требует соотнесения с существованием» (П. Рикёр). Вспомним в связи с этим слова Т. П. Ломтева: «Принципиально нельзя построить предложение из слов естественного языка таким образом, чтобы отсутствовало отражение при наличии отражаемого, т. е. так, чтобы знак соотносился с действительностью, минуя ее отражение в человеческой голове». Следовательно, «можно полагать, что между действительной, реальной ситуацией и отражающим эту действительность высказыванием (результатом речевых действий) находится некий промежуточный этап — этап членения ситуации для специфических целей» (А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева).

Важно также и то, что языковое сознание, по мысли А. Вежбицкой, имеет много разных уровней и что оно содержит как факты, лежащие на поверхности, так и другие факты, которые скрыты очень глубоко, иначе говоря, «сознание имеет глубину» (А. А. Леонтьев). При этом то, что скрыто в глубине, можно «вытащить» на поверхность, в светлое поле (см. об этом, например, в работах Э. Сепира, А. Вежбицкой, А. А. Леонтьева). Таким образом, *«языковое сознание»* — это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» (И. А. Зимняя).

Итак, сознание (языковое сознание) имеет языковую природу, «манifestирует» себя в языке, и язык, по идее

Лейбница, есть наилучшее отражение человеческой мысли (ср. с идеей Л. В. Щербы: «Язык есть деятельность человека, направленная всякий раз к определенной цели, к наилучшему и наиудобнейшему выражению своих мыслей и чувств»), язык есть то, в чем и при помощи чего, по мысли А. Н. Леонтьева, существует сознание общества (ср. с мыслью Л. П. Якубинского: «Язык есть разновидность человеческого поведения. Человеческое поведение есть факт психологический (биологический), как проявление человеческого организма, и факт социологический, как такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия»). Языковые данные при этом играют решающую роль в выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп населения (А. Вежбицкая). Процесс формирования языкового и неязыкового сознания лежит в основе процессов формирования общения, но вместе с тем, сам процесс формирования сознания возможен лишь в общении (Н. В. Уфимцева).

Если между «сознанием» и «языковым сознанием», по мнению ряда ученых, можно поставить знак равенства, то «картина мира» и «языковая картина мира» должны быть четко разведены.

По М. Хайдеггеру, *«картина мира»*, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина». Иначе говоря, картина мира по сути есть отражение окружающего мира в голове человека. Современные психолингвисты полагают понятия «сознание» и «картина мира (модель мира, образ мира)» близкими, если не синонимичными (см., например, работы А. А. Леонтьева, Н. В. Уфимцевой и др.). Картина мира обязательно несет на себе национально-культурный отпечаток. Для многих исследователей картина мира предстает как «сумма ментальных значений, наиболее общих представлений о мире» (Т. Г. Утробина). Т. В. Цивьян рассматривает модель

(картину) мира как результат переработки информации о среде и человеке, как сокращенное и упрощенное отображение указанной суммы представлений. В. Г. Колшанский считает, что картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира. Картина мира предстает как идеальная, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное — как элемент сознания, воли или жизнедеятельности, и объективированное — в виде различных следов сознания, воли или жизнедеятельности, в частности — в виде знаковых образований, текстов (в том числе — как искусство, архитектура, социальные структуры, язык) (В. И. Постовалова).

Предпосылки для соотнесения реального мира и его отражения в сознании человека — картины мира (т. е. «объективной реальности мира, независимой от сознания человека, и идеальной картины мира как продукта человеческого сознания») создаются, по мнению В. Г. Колшанского, существованием «вторичного, идеального мира в языковой плоти», т. е. *языковой картиной мира* (ЯКМ). ЯКМ предстает, по выражению В. И. Постоваловой, «в виде глубинного слоя общей картины мира». Каждый естественный язык, как пишет Ю. Д. Апресян, отражает определенный способ концептуализации (восприятия и организации) мира, при этом значения, которые выражаются в языке, формируют единую систему взглядов, представляющую собой некую «коллективную философию», которая «навязывается» всем носителям данного языка в качестве обязательной (ср. с идеей В. И. Постоваловой: «Язык не отражает мир, а отображает его; эксплицирует и объективирует концептуальную картину мира человека»). Таким образом, ЯКМ может быть определена как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике (В. А. Маслова). Если понимать «значения» очень широко: как образы, представления, смыслы, — то с

утверждением Ю. Д. Апресяна нельзя не согласиться. Однако положение о том, что «человек видит мир сквозь призму языковой картины мира» и что именно языковая картина мира «формирует тип отношения человека к миру, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру» (В. А. Маслова), представляется все-таки излишне категоричным, ибо данные функции выполняет, очевидно, картина мира, в то время как языковая картина мира есть своеобразная материальная форма, в которой, по В. Г. Колшанскому, картина мира закрепляется и реализуется.

Таким образом, языковая картина мира обозначает «мир в зеркале языка», а картина мира (образ мира) понимается как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» (А. А. Леонтьев), как результат прошлого того народа, к которому мы себя причисляем (Н. В. Уфимцева). Как показывают исследования, за внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания могут стоять совершенно разные «образы мира» (например, *дом* или *друг* у русских и в иной культуре). С другой стороны, различия в языковых картинах мира далеко не всегда свидетельствуют о кардинальных различиях на определенных участках картины мира, (языкового) сознания (см., например, результаты экспериментов по изучению цветового поля профессора Е. Н. Соколова). Личный опыт общения с представителями других национально-лингво-культурных сообществ и опыт преподавания русского языка в иноязычной аудитории показал, что, например, носители английского, немецкого или шведского языков в принципе различают *синий* и *голубой* цвета и достаточно легко овладевают такими русскими обозначениями цвета, как *светло-голубой*, *светло-синий*, *темно-голубой* и *темно-синий*, хотя, как известно, в английском

языке существует только одно слово *blue*, которое может сопровождаться «уточнениями» *dark* и *light* (справедливости ради отметим, что в английском языке, особенно в его американском варианте, существует слово *navy* для обозначения синего цвета, однако словарь А. S. Hornby «Oxford Student's Dictionary of Current English» содержит только сочетание *navy blue*, определяемое как *dark blue*). Аналогичная картина имеет место и в шведском, и в немецком языках, где для обозначения голубого и синего цветов также служит одно слово *Blå* и *Blau* соответственно. Интересно сравнить в связи с этим названия различных растений и животных в русском, шведском и английском языках, которые показывают, что, несмотря на различия в языковой картине мира указанных языков, в картине мира носителей данных языков как таковой, т. е. как совокупности ментальных значений, помимо расхождений, есть и много общего, во всяком случае на участке цвета и обозначений (именований) предметов по цветовому признаку:

черника (черная ягода) — *blabar* (= синяя ягода) — *blueberries* (= синие ягоды; последнее может называть также и бруснику, и голубику; собственно *черника* называется *bilberries*, *whortleberries*);
ежевика (отсутствие маркировки по цвету) — *blahallon* (= синяя/голубая малина) — *blackberries* (= черные ягоды);
василек (синий, отсюда — «васильковый» цвет) — *blaklint* (= синяя/голубая вершина горы) — *bluebottle* (~ синяя/голубая бутылка), *bluet*, *bluett* (некоторые из вариантов названия цветка);
колокольчик (голубой⁴ или лиловый) — *blaklocka* (= синие/голубые часы) — *bluebell* (= синий / голубой колокол / колокольчик);

⁴ Ср. слова из известного романа А. К. Толстого: «Колокольчики мои, цветики степные, что глядите на меня, *темно-голубые...*»

(голубой) *neseç* — *bla rav* (- голубая лиса) — *blue fox* (= голубая лиса).

Аналогичную картину можно наблюдать и в сфере грамматических категорий, где также может наблюдаться определенная асимметрия формы и значения: значение присутствует в сознании, но не имеет однозначной грамматической формы для своего выражения (например, категории определенности/неопределенности в русском языке или категория рода имен существительных в английском или шведском⁵).

С другой стороны, языковая картина мира может оказывать весьма серьезное влияние на способ членения действительности и, следовательно, на картину мира. Например, многие, кто изучал языки со сложной системой времен, знает, как трудно подчас бывает овладеть не только и не столько формами времен, сколько «способом» членения временной оси. То же справедливо и по отношению к иностранцам, пытающимся овладеть видами русского глагола.

Необходимо отметить, что в современной научной литературе термин «сознание» зачастую оказывается членом синонимического ряда: сознание, интеллект, разум и мышление. В рамках когнитивной науки «сознание» и «интеллект» относят к обозначению форм высшей нервной деятельности, психических, ментальных систем и когнитивных способностей человека, а также — к отражению его активной познавательной деятельности и восприятию мира. Вместе с тем, сознание скорее представляет собой определенное состояние человека, включает представления о чувствах, эмоциях и ощущениях человека (хотя тоже, конечно, в репрезентированном их виде) и развивается под влиянием мышления (Краткий словарь когнитивных терминов).

⁵ В последнем имеет место разграничение слов среднего и общего рода (en bok — книга <-> ett bord — стол), но выражается оно артиклем, а не «формой» имени существительного (как в русском или, например, испанском).

ЧТО ТАКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ИНТЕЛЛЕКТ?

Вслед за психологами, мы будем использовать термины «сознание» и «мышление», но будем разграничивать их. *Сознание* в психологии есть «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя», одна из форм психики, функция мозга и отражение объективного мира в голове человека (А. А. Леонтьев, А. А. Брудный). *Мышление* же есть «*процесс* сознательного отражения действительности в таких объективных ее свойствах, в которые включаются и недоступные непосредственному восприятию объекты. Познание для человека возможно опосредованным путем — через мышление» (А. Н. Леонтьев) (выделено мною. — В. К.). (При этом орудием мышления, отражающим «становление мысли», по идее С. И. Бернштейна, служит живая речь.)

Что касается *интеллекта*, то приведем определение, которое дает С. Бердс и которое отражает наиболее общее представление психологов: «Под интеллектом психолог понимает врожденную общую умственную способность. Она наследуется или по крайней мере врожденна, а не обязана обучению или тренировке; она умственная, а не эмоциональна или нравственна, на нее не влияют трудолюбие или рвение; она общая, а не специфичная, то есть не ограничена никаким отдельным видом работы, но входит во все, что мы делаем, говорим или думаем. Из всех наших психических качеств эта способность наиболее широка»⁶. Отметим, что все психологи, говоря об интеллекте, определяют его как ту или иную *способность*.

Таким образом, можно выстроить некоторую триаду понятий: сознание — как *феномен*, как высшая форма отражения действительности, мышление — как *процесс* сознательного отражения действительности, интеллект — как

⁶ Цит. по: Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997. С. 72.

умственная *способность*. Учитывая непосредственную связь между сознанием (языковым сознанием), интеллектом и мышлением, с одной стороны, и языком — с другой, можно, очевидно, провести определенную параллель между указанными феноменами и тремя ипостасями языка, выделяемыми А. А. Леонтьевым⁷, тем более, что сегодня ни у кого не вызывает сомнения наличие связи между сознанием, мышлением, интеллектом и языком:

сознание (как феномен)	язык как предмет; язык
мышление (как процесс)	как процесс; язык как
интеллект (как способность)	способность.

Итак, в заключение повторим.

Сознание есть продукт развития материи, специфически человеческая, высшая форма отражения действительности и высший тип психики, которые возникли в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни — к жизни в обществе.

Действительность — это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое, принадлежащее сознанию и лежащее вне его.

Сознание входит в действительность, но не связано с ней отношениями части и целого.

Языковое сознание — это один из аспектов сознания человека, та «ипостась» сознания, которая связана с речевой деятельностью личности.

Картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина; отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. По сути картина мира есть

⁷ Примем их пока как данность *Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность* М., 1969

отражение окружающего мира в голове человека и предстает как результат прошлого того народа, к которому мы себя причисляем.

Языковая картина мира — мир в зеркале языка; вторичный, идеальный мир в языковой плоти; совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Сознание, понимаемое как феномен, культурозависимо. Интеллект, рассматриваемый как способность, культурно-независим. Мышление понимается как процесс, в котором проявляются культурозависимое сознание и культуронезависимый интеллект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Апресян Ю Д Образ человека по данным языка попытка системного описания // Вопросы языкознания 1995, №1 С 37—67

Колианский Г В Объективная картина мира в познании и языке М, 1990

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность" Человек Сознание Коммуникация М, 1998

Потебня А А Мысль и язык // Слово и миф М, 1989

Язык и сознание парадоксальная рациональность М, 1993

Дополнительная

Брудный А А Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) Фрунзе, 1972 *Вежбицкая А* Язык Культура Познание М, 1996 *Гийои Г* Принципы теоретической лингвистики М, 1992 *Леонтьев А А* Язык, речь, речевая деятельность М, 1969 *Леонтьев А Н* Проблемы развития психики Изд 3-е М, 1972 *Леонтьев А Н* Философия психологии М, 1994 *Леонтьев А Н* Человек и культура М, 1961

Постоваюва В И Существует ли языковая картина мира⁹ // Язык как коммуникативная деятельность человека Сб науч трудов МГПИИЯ Вып 284 М, 1987 С 65—72

- Розенцток-Хюсси О* Речь и действительность М , 1994
Рикер По Ль Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике) М , 1995
Хайдеггер М Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе
М, 1986
Цивьян ТВ Лингвистические основы балканской модели мира М , 1990
Чернейко Л О Лингво-философский анализ абстрактного имени М, 1997
Шакнарович А М , Юрьева Н М Психолингвистический анализ семантики и
грамматики М , 1990

ЛЕКЦИЯ 4

Речь и мышление Речевая деятельность

На первой лекции мы с Вами договорились, что будем понимать ПЛ как теорию речевой деятельности (в широком смысле). Теперь, чтобы идти дальше, необходимо понять, что есть деятельность, что есть речевая деятельность, как они соотносятся и как соотносятся между собой общая теория деятельности и ТРД.

РЕЧЬ И МЫШЛЕНИЕ

То, что мышление и речь связаны, сегодня уже, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений. Главные вопросы — что лежит между мыслью и словом и как происходит движение от мысли к слову. Отечественная психология и психолингвистика имеет колоссальный багаж в этой сфере и опирается на научные концепции Л. С. Выготского и Н. И. Жинкина

Основополагающим трудом в этой области является книга Л. С. Выготского «Мышление и речь» Чтобы разобраться в концепции ученого, остановимся на двух принципиально важных категориях: значение и смысл. Значение — это объективно сложившаяся в ходе истории общества система связей, которая стоит за словом Это то, что объединяет носителей языка в понимании той или иной номинации. Смысл — это индивидуальное значение слова, которое связано с личностным субъективным опытом говорящего и с конкретной ситуацией общения. Смысл всегда ин-дивидуально-личностен, он соотносится с мыслью, с исходным замыслом высказывания Он всегда очевиден для говорящего и не всегда понятен окружающим. Он содержит

в себе то, что должно воплотиться в речи. Значение же реализуется в речевом произведении и понятно всем участникам коммуникации.

Следовательно, движение от мысли от слову предстает в виде превращения личностного смысла в общепонятное значение. Но сама мысль зарождается от различных потребностей человека, а значит, за мыслью всегда стоит мотив, то, ради чего мы говорим. Мотив — первая инстанция в порождении речи. Но он же и последняя инстанция при восприятии речи.

Таким образом, если интерпретировать концепцию Выготского, то следует сказать, что ситуация порождает мотив, который воплощается в интенции (коммуникативном намерении говорящего). При восприятии же мы «восходим» (Выготский) от понимания слов к пониманию смысла и через него — мотива. Запомним эту мысль: она нам понадобится, когда мы будем говорить о процессах порождения и восприятия текста.

Превращение мысли в слово совершается во *внутренней речи*. (Эта категория едва ли не самая важная в концепции Л. С. Выготского.) Внутренняя речь состоит из предикатов, ключевых слов, содержащих суть информации. Мысль уже содержит в себе то, о чем пойдет речь, следовательно, в специальном обозначении это не нуждается. Специального обозначения требует то, что будет сказано о предмете речи. Если воспользоваться терминами актуального членения высказывания (функциональной перспективы), то это то, что называется ремой. Тема, известная информация, то, что очевидно, может не обозначаться, а новая информация, рема, должна быть обозначена. Таким образом, внутренняя речь — это как бы набор рем будущего речевого произведения. Внутренняя речь — это речь свернутая, сжатая, деграмматикализованная.

Внутренняя речь — результат длительной эволюции ре-

чего сознания. Ее еще нет у дошкольника, ее формирование завершается к 10—11 годам.

Известно высказывание Выготского о том, что мысль не воплощается в слове, а совершается в нем. Можно подумать, что это ситуация, подобная описанной Б. Заходером: на вопрос маленькой девочке, о чем она думает, ребенок ответил: «Откуда я знаю? Вот скажу, тогда узнаю!» Но на самом деле это не так. Уже на этапе зарождения интенции (как воплощения мотива), т. е. до того, как начинается вербализация мысли, человек уже знает, о чем он будет говорить. Конечно, возможны трансформации замысла, его корректировки. Безусловно, сама «вербальная оболочка» может варьироваться. Но замысел изначально присутствует. Происходит определенная борьба между индивидуально-личностным смыслом и общепонятным значением, которая требует сложнейшей работы по их совмещению: смысл необходимо передать при помощи языковых средств, являющихся носителями коллективных значений. Результат этой работы не всегда удовлетворяет самого говорящего. Вербальная форма не всегда адекватно (с точки зрения говорящего) выражает тот смысл, который он хотел передать. Ученик и соратник Выготского С. Л. Рубинштейн предложил более мягкую формулировку: «В речи мы формулируем мысль, но, формулируя, мы сплошь и рядом ее формируем» (о том же — И. А. Зимняя).

Еще одна важная мысль Выготского: единицы мысли и единицы речи не совпадают (известная метафора ученого — нависшее облако-замысел, проливается дождем слов). Следовательно, существует два различных языка: язык мысли и язык слов.

Эту идею в дальнейшем развил, углубил и снял все противоречия выдающийся психолог Николай Иванович Жинкин. Он выдвинул гипотезу существования в сознании человека универсально-предметного кода (УПК). УПК — язык интеллекта, базовый компонент мышления. Имеет

принципиально невербальную природу. Это язык схем, образов, отпечатков реальности (осязательных и обонятельных), кинетических (двигательных) импульсов и т. д. УПК — это язык, на котором происходит первичная запись личностного смысла, формирование замысла речевого произведения. Движение от мысли к слову начинается с УПК. Мысль существует в пределах возможностей УПК, в ходе вербализации она способна трансформироваться, обрастать значениями, которые несут в себе единицы конкретного национального языка. Но по сути своей УПК интернационален и в силу этого является предпосылкой понимания иноязычной речи.

ЯЗЫК — МЫШЛЕНИЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Эксперименты доказали, что мысль и языковой конструкт могут сосуществовать без всякой связи: машинистки, печатая/ набирая текст, могут слушать радио, болтать и при этом не испытывать каких-либо проблем. Даже если текст являет собой абсолютную бессмыслицу (*Многое из такого в данный момент и позже муравьи в латунных сапожках обнаруживали неоднократно; при этом они становились совсем белыми*). Но! Если текст был деформирован грамматически (синтаксически и морфологически), машинистки начинали испытывать серьезные затруднения и вынуждены были отвлекаться от дополнительных «раздражающих факторов» и сосредоточиваться только на тексте (*Многая из такое и позже также или вот из латуни муравьиные сапога пошел скоро потому что он стала совсе-мочки белая*). Эксперимент позволил утверждать, что помехой в последнем случае служила не семантика текста, а его поверхностная вербальная структура, которая была нарушена.

Еще один эксперимент, проведенный в конце 70-х. Во время лекций преподаватели диктовали своим студентам для точной записи следующий фрагмент: «*На одном из АН-*

тильских островов была в прошлом году обнаружена популяция птиц, которые переговаривались друг с другом при помощи азбуки Морзе, а в свободное время умели готовить вкусное печенье по рецептам кулинарных книг». Результат был таков: подавляющее большинство первокурсников, которые не привыкли осмысленно записывать слушаемый текст, старательно записали этот формально правильный текст и, только перечитав его по просьбе лектора, поняли, что они записали.

Серии экспериментов доказали, что если испытуемому приходится одновременно воспринимать два вербальных текста (устный и письменный), то либо один исчезает из памяти (доминирует только один текст), либо ни один не сохраняется в памяти (при старательном желании запомнить оба текста). (Кстати, как говорят специалисты по НЛП, если человеку в наушники давать разные тексты, т. е. в правый один текст, а в левый другой, то человек впадает в состояние транса.) Психологи дают следующее объяснение: участки коры, отвечающие за зрительное и слуховое восприятие, работали нормально, но информация поступала в один общий центр семантической обработки. В результате произошла интерференция мозгового декодирования сигналов одной и той же речевой природы. Следовательно, феномен Юлия Цезаря — всего лишь миф. Предположительно Цезарь умел распределять внимание во временных «зазорах» между исполнениями текстов. И Юрия Горного, который одновременно левой рукой играет на фортепиано, правой что-то пишет, при этом одновременно производит в голове сложнейшие вычисления и запоминает ряды цифр, можно называть, как это делают журналисты, «современным Цезарем» только с оговорками.

Но! Если испытуемым предлагался текст в вербальном «исполнении» и текст в виде серии из 6 картинок (Х. Бидструпа), то принимавшие участие в эксперименте не испытывали затруднений в воспроизведении обоих текстов.

Почему? Потому что образное содержание рисунков практически не надо перекодировать в аппарате мозга, а вербальный текст надо было все равно расшифровывать в центре обработки смыслов, пока он расшифровывался, рисунок уже был усвоен.

Выводы из эксперимента: 1) национально-языковой материал понимается потому, что проходит его перекодировка в особый код мозга, который ответствен за построение смысла и представляет собой информационную систему; этот код универсален, независим от национальных языков — УПК по Жинкину; 2) картинка (любая: ситуация, схема, шахматная позиция) зависит от знаний смысла, а не знаний языка. Это по своей сущности совпадает или близко к единицам УПК, следовательно, рисунок понимают представители практически любых языков, если они знают соответствующие общекультурные объекты, которые не являются этноспецифическими символами. (Вспомним, что отправили в космос американцы — пластину с математическими формулами, рисунками, схемами.) Однако здесь тоже может крыться опасность. Известен случай, когда одна фармацевтическая фирма рекламировала свои таблетки при помощи серии рисунков: на первом был изображен очень грустный человечек, на втором, правее, тот же человечек принимал таблетку, а на третьем, самом правом, тот же человечек изображал безумную радость и безудержное веселье по поводу собственного здоровья. Во многих странах эта реклама полностью оправдывала возложенные на нее надежды. До тех пор, пока ее не разместили в одной из арабских стран. Там эффект был прямо противоположным. Почему? А давайте вспомним, как читают арабы. Конечно! Справа налево! А теперь представьте, что прочитал в этой рекламе носитель арабского языка. Как Вы думаете, будет он после этого покупать столь радикальное средство (во всяком случае для себя)? Однако случаи такого рода входят в сферу этнопсихолингвистики, и говорить об этом

мы будем в соответствующем курсе. А сейчас вернемся к обсуждаемым проблемам.

Понимание языковых текстов и серии рисунков безусловно осмысленно, при этом чтение — процесс вербальный, а восприятие рисунков — невербальный (если признать, что не происходит проговаривания; кстати, на курсах скорочтения отучают именно от проговаривания читаемых про себя текстов). Мышление связано не только с порождением, но и с восприятием. Значит, если я могу одновременно воспринимать тексты, поступающие по разным каналам и в разной форме, то у меня работают разные «каналы» мышления. Далее, существует возможность, а для некоторых профессий и необходимость (машинистки, например) перерабатывать (некоторым образом) вербальную информацию без проникновения в смысл читаемого или набираемого текста. Реализация этой способности свидетельствует о том, что связь между процессом мышления и вербальной поверхностной структурой текста может быть нулевой, отсутствующей.

В середине 60-х известный психолог А. Н. Соколов провел серию опытов, чтобы выяснить, существует ли взаимозависимость языка и мышления. Для этого необходимо было выяснить, является ли национальный язык «базаль-ным компонентом» мыслительного процесса. Многочисленным испытуемым, носителям различных языков, давались задания, выполнение которых исключало автоматизм и требовало осмысления, например, требовалось прочесть незнакомый текст, мысленно воспроизвести известное стихотворение и т. д., т. е. была необходима опора на язык. Другая часть заданий не предполагала использования языка: задания состояли с том, чтобы собрать целостный рисунок из фрагментов, изучить рисунки с аналогичными деталями, решить лабиринтные, шахматные и подобные задачи и т. д. На речевом аппарате ии. крепились специальные датчики, импульсы от которых записывались точ-

ными приборами. Получаемые рисунки назывались элект-ромиограммами (ЭМГ). В результате экспериментов исследователи доказали на практике, что органы артикуляции у всех их находились в движении, проявляли «латентную» (скрытую) активность. Был сделан вывод: латентная активность органов артикуляции в моменты решения мыслительных задач свидетельствует о том, что «национальный язык является базальным компонентом мышления».

При обсуждении результатов экспериментов был задан целый ряд вопросов, на которые были получены следующие ответы.

1) Снимались ли ЭМГ с каких-либо домашних животных? Ответ был отрицательным. Но если бы животные показали аналогичные латентные движения, то это значило бы, что речь идет не о латентной артикуляции, а о чем-то совсем другом.

2) Известно, что дети, старательно выполняя какую-либо работу, часто высовывают язык, поджимают губы, закусывают губу и т. п. При этом не требуется, конечно, какое-либо серьезное осмысление при выполнении задания, но активность органов артикуляции явно имеет место. С другой стороны, также хорошо известно, что органы артикуляции задействуются не только при речевой деятельности (например, при приеме пищи). Следовательно, можно ли утверждать, что зафиксированная активность органов артикуляции является именно артикуляцией, а не активностью, с речью никак не связанной? Ответа дано не было.

3) Были ли найдены общие фрагменты ЭМГ носителей разных языков? Были ли зафиксированы ЭМГ носителей одного языка, читающих один стихотворный текст, и если да, то отличаются ли их ЭМГ от аналогичных ЭМГ носителей другого языка? Ответ: многие ЭМГ содержали сходные и несходные между собой фрагменты, но идентифицировать по ним общие или несходные языки не удавалось.

Некоторые результаты еще одного эксперимента. Латентные микродвижения соответствуют способности произносить текст на национальном языке, но они более кратковременны: их скорость примерно в 3 раза выше скорости артикулирования звуковой речи. Скорость звуковой речи — 8 слогов в секунду, максимальная латентная скорость — 24 слога в секунду. Проведем опыт: раздадим ии. репродукции ранее неизвестной сюжетной картинки. По сигналу картинку нужно перевернуть «лицом вверх» и в течение 2-х секунд рассматривать ее. Потом закрыть их. Ии. должны записать то, что запомнили, на листке бумаги. Задание — описать как можно лаконичнее, перечисляя предметы, их расположение, цвет, объем, и коротко сформулировать смысл изображения. При обработке полученных данных тексты сокращаются: слова по возможности заменяются более короткими синонимами, убираются избыточные слова (вместо «изображенная ваза» — просто «ваза»), убираются заголовки, в тексте оставляется только то, что содержит квинтэссенцию полученного представления. В оставшемся тексте подсчитывается число слогов. В реальных опытах число слогов было в среднем равно 250. Образ увиденного в течение некоторого времени сохраняется в оперативной памяти, следовательно, ии. может как бы видеть картинку, реально уже не видя ее (явление эйдетизма). Поэтому из 250 вычитаем 100 — след «эйдетизма». Оставшееся число — 150 — делим на максимальную скорость латентной артикуляции — 24 слога в секунду. Получается около 6 секунд. А теперь вспомним, что картинка изучалась всего 2 секунды, т. е. в течение времени, в 3 раза меньшем. Следовательно, нельзя ли сделать вывод, что при осмыслении картинки не было языковых операций, т. е. латентная артикуляция оказалась ненужной? Кроме того, скорость латентной артикуляции реально превышает скорость артикуляции в звуковом потоке только вдвое, а не втрое, как мы считали, беря максимальные цифры.

И тем не менее можно утверждать, что всякое осмысление требует языковой базы. Нормально человек мыслит, когда говорит о чем-либо. Но это не значит, что человек, мысля, обязательно, при этом «скрытно говорит». Вспомним Н. И. Жинкина, который считал, что «человек мыслит не на каком-либо национальном языке, а средствами универсально-предметного кода мозга, кода с надъязыковы-ми свойствами».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Современные психологи, психолингвисты и лингвисты, вслед за Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым, рассматривают речевую деятельность как один видов деятельности как таковой. Но что есть деятельность? В психологии *деятельностью* называются «*только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности*» (например, запоминание) и *которые характеризуются психически тем, что то, на что направлен данный процесс в целом (его предмет), всегда совпадает с тем объективным, что побуждает субъекта к данной деятельности, т. е. мотивом* (А. Н. Леонтьев). При этом «деятельность человека включена в *общение* даже в тех случаях, когда внешне он остается один» (он же).

Психолингвисты понимают *речевую деятельность* как «*единство общения и обобщения, которое можно представить как одновременное осуществление в речевой деятельности нескольких функций языка*» (А. А. Леонтьев), как «*особым образом организованную активную и целенаправленную деятельность человека, регулируемую некоторой системой мотивов*» (В. Н. Гридин). При этом, хотя речь и может рассматриваться как «*применение языка в процессе общения*», она сама по себе не является «*простой манифестацией языка*», но «*имеет собственную структурную и функциональную специфику*» (Н. И. Жинкин).

Обратили внимание, что в приведенных высказываниях не разграничиваются речь и речевая деятельность? Для нас это разграничение окажется достаточно важным, но пока продолжим изложение точек зрения психологов и психолингвистов, имея в виду, что для многих из них термины «речь» и «речевая деятельность» выступают как синонимы. Более того, в этот ряд встраивается еще и «речевое поведение». Примем это пока как данность и посмотрим, что думают исследователи о речевой деятельности, хотя и называют этот феномен по-разному. Итак.

Речь встраивается в другую деятельность и существует одновременно как средство достижения неречевых целей и как самоцель. Более того, речь — это еще и средство регуляции поведения других людей, целиком подчиненное задачам информирующего. Речь есть одновременно орудие деятельности и деятельность (А. В. Пименов, Е. Ф. Тарасов). Речь — это инструмент, наиболее приспособленный для развития мысли (Ш Бутон). Речевое поведение — последовательный (серийный) процесс, в котором задаются генерализованные схемы действия (Р. Титоне).

На протяжении целого ряда лет исследователи обсуждают вопрос, носит ли речевая деятельность абсолютно творческий характер или она предполагает постоянное воспроизведение предшествующего опыта, так сказать, «цитирования по памяти»? Другими словами, насколько *речевое поведение спонтанно или прогнозируемой* Существуют две диаметрально противоположные точки зрения. Один «полюс» представлен исследователями, считающими, что осуществлять речевую деятельность — это значит постоянно продуцировать и интерпретировать новые высказывания, которые говорящий (воспринимающий) никогда не слышал раньше. В соответствии с этой точкой зрения, речевая деятельность является творческим процессом «создания уникальных комбинаций единиц речи» (И. И. Ильясов, Т. В. Рябова), следовательно, речевой деятельности

нельзя обучить в строгом смысле этого слова (Е. И. Негне-вицкая). Другой «полнос» представлен, например, работами Б. М. Гаспарова, который считает, что в основании мнемонического владения языком лежат коммуникативные фрагменты (КФ) — «отрезки речи различной длины, которые *хранятся в памяти* говорящего в качестве *стационарных* частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний», «КФ — это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно *воспроизвести в качестве готового целого* в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как *целое* в высказываниях, поступающих к нему извне» (выделено мною. — В. К.). Основываясь на факте своего «личного языкового мира», Б. М. Гаспаров выдвигает тезис о том, что языковая память выносит те или иные коммуникативные фрагменты на поверхность сознания, поскольку в своем предыдущем языковом опыте человек либо сам употреблял их в своей речи, либо встречал в устных или письменных текстах, с которыми ему приходилось соприкасаться. Следовательно, «вся наша языковая деятельность — и создаваемая, и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта». Аналогичную точку зрения высказывал и Ю. Н. Караулов: «...я утверждаю со всей определенностью, что синтаксемы, зафиксированные в парах S — R, не являются результатом порождения, *не возникают в акте творения*, творческого созидания словосочетания именно на данный случай, а *воспроизводятся* спонтанно и бессознательно подобно любой другой целостной единице (штампу, идиоме, афоризму) в том виде, как они неоднократно употреблялись ранее в текстах данной языковой личности или ее референтной группы. Таким образом, в актах обычной, нормальной коммуникации, если только у нас нет специальной установки на творчество, на отказ от привычного и обыденного, мы *оперируем автоматиз-*

мами — готовыми формулами и рутинными оборотами, постоянно «цитируя себя», если воспроизведенную из собственных прежних текстов синтаксему или словосочетание позволено будет назвать «цитированием» (выделено мною. — В. К.). Иначе говоря, язык есть некий ментально-лингвальный аналог небезызвестной игры «Lego», а наша речевая деятельность заключается в том, чтобы из уже существующих «деталей» создать «новый» предмет. Таким образом, творчество в процессе речепорождения ограничивается тем, что из некоторого изначально имеющегося «набора» выбираются те или иные «детали», которые «компа-нуются» в том или ином порядке.

Вместе с тем, ряд лингвистов не занимает в этом вопросе столь полярные позиции и высказывает менее категоричное, менее радикальное мнение, видя в процессе даже повседневной коммуникации две стороны «медали» — «цитирование» и творчество: «Речевая деятельность человека строится главным образом на использовании *готовых* коммуникативных единиц. Формируя высказывания, мы обязательно прибегаем к схемам, шаблонам, клише. А без овладения жанрово-ролевыми стереотипами общения, в которых языковые единицы достаточно прочно увязаны с типическими ситуациями, взаимодействие языковых личностей было бы затруднено. И все же, при справедливости приведенных рассуждений, допустимо говорить и об эстетических элементах обыденной каждодневной коммуникации. Своеобразие живого разговорного общения как раз состоит в том, что трафаретность и шаблонизация сочетается в нем с отчетливо выраженной установкой на творчество» (И. Н. Горелов, К. Ф. Седов).

Взгляды, которых придерживаюсь я и которых, возможно, будете придерживаться Вы, нельзя назвать крайне категоричными, в целом они близки последней точке зрения. С одной стороны, действительно, существует целый ряд феноменов, которые в определенном смысле, не столько

производятся в речи каждый раз заново, сколько «воспроизводятся» (мы будем их особо и подробно рассматривать в нашем курсе этнопсихолингвистики). С другой стороны, даже воспроизводя «старое», мы каждый раз создаем «новое» — как в известном примере М. В. Панова: фонема <a> никогда не может быть представлена *одним и тем же* реализующим ее звуком [a], даже если этот звук будет произносить один и тот же человек, поскольку каждый раз звук [a] будет разным. Такую же картину мы имеем, и когда говорим о некоторых «воспроизводимых» единицах иной природы: во-первых, сама единица может подвергаться некоторой трансформации, а во-вторых, в коммуникации я каждый раз порожаю и воспринимаю *абсолютно новый текст*, так как текст есть единица дискурса, дискурс же представляет собой компонент ситуации (заявим это пока как некую данность), а ситуация никогда не бывает одной и той же. И в этом смысле даже «цитирование», «воспроизведение» (хотя, на наш взгляд, эти слова надо понимать все-таки скорее метафорически, нежели в прямом смысле) носит творческий характер. И речевая деятельность как таковая — процесс тоже безусловно творческий, ибо нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Речевая деятельность, по идее Л. В. Щербы, — один из аспектов языковых явлений. И сейчас представляется необходимым остановиться на концепции Л. В. Щербы и рассмотреть ее более подробно. (Постараемся особенно запомнить то, что будет говориться сейчас, так как это пригодится нам на следующей лекции, когда мы будем говорить о речевых механизмах.)

В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», которая впервые была опубликована в 1965 г., Л. В. Щерба выделяет 3 аспекта языковых явлений:

1. *речевая деятельность* — процессы говорения и понимания;

2. *языковые системы* — словари и грамматики языков (выводятся на основании всех актов говорения и понимания, которые имеют место в определенную эпоху жизни некоторой общественной группы);

3. *языковой материал* — совокупность всего того, что говорится и понимается такой группой.

Речевая деятельность обуславливается сложным *речевым механизмом* — речевой организацией человека, который есть психофизиологическая организация индивида. Кстати, А. А. Залевская считает, что, поскольку речевая организация есть фактор, обуславливающий и речевую деятельность, и ее проявления в языковом материале и в языковой системе, то следует говорить не о 3-х, но о 4-х аспектах языковых явлений. Нельзя не признать, что эти положения Щербы, с одной стороны, соотносимы с некоторыми постулатами современной ПЛ, а с другой — в них заложены концептуальные идеи, разрабатываемые и развиваемые современной дискурсивной лингвистикой.

Рассмотрим *особенности речевой организации человека*, о которых пишет Л. В. Щерба:

1. она не равняется системе речевого опыта, но есть некоторая его переработка;

2. она может быть только психофизиологической;

3. она есть социальный продукт (вместе с речевой деятельностью, которую она же и обуславливает);

4. она есть индивидуальное проявление языковой системы, которая выводится из языкового материала;

5. о ее характере можно судить только на основании речевой деятельности индивида.

Следует сразу сказать, что вызывает некоторые сомнения тезис о том, что речевая организация есть индивидуальное проявление языковой системы, но примем это положение как фрагмент излагаемой концепции Л. В. Щербы.

А. А. Залевская говорит о речевой организации следующее:

во-первых, речевая организация есть динамическая система, а не пассивное хранилище сведений о языке,

во-вторых, имеет место постоянное взаимодействие между процессом переработки и упорядочения речевого опыта, с одной стороны, и его продуктом, с другой (т е если новое в речевом опыте не вписывается в рамки системы, то идет перестройка самой системы),

и в-третьих, из сказанного следует, что речевая организация есть самоорганизующаяся система

Вы уже, очевидно, обратили внимание, что, говоря о речевой деятельности и всем блоке проблем, с ней связанных, исследователи противопоставляют систему, структуру и процесс. Для лингвистов это «генетически» восходит, вероятно, к противопоставлению языка и речи, которое можно найти в работах представителей разных школ и направлений. Противопоставление языка и речи имеет свою богатую историю: это и идеи младограмматиков, социо-логистов, и труды Ф де Соссюра, А Гардинера, Л В Щер-бы, и исследования психологов и психолингвистов. Не имея возможности подробно излагать основные существующие точки зрения (поскольку это требовало бы отдельного большого разговора, причем скорее в рамках курса общего языкознания), остановимся лишь на тех взглядах и идеях, которые имеют принципиальное значение для обсуждаемых вопросов.

Итак, основополагающее разграничение языка, языковой способности, речевой деятельности и речи мы находим в трудах Ф де Соссюра. Напомним вкратце его идею: следует разграничивать язык (Langue) и языковую способность (Faculte du Langage) и что их совокупность есть речевая деятельность (Langage), противопоставленная речи (Parole), как потенция и реализация¹.

¹ Схожие идеи можно найти у таких ученых, как Л Ельмслев, А И Счирицкий, Г В Колшанский, которые также противопостав-

Иначе говоря, выделяются четыре «компонента» 1 язык (L), 2 языковая способность (FLg), 3 речевая деятельность (Lg), 4 речь (P) Отношения данных «компонентов» могут быть выражены с помощью следующей

$$\{ \underset{1}{L} + \underset{2}{FLg} = \underset{3}{Lg} \} \leftrightarrow \underset{4}{P}$$

где (1) и (2) составляют (3), противопоставленное (4)

Те же понятия, как нам представляется, рассматривает и А А Леонтьев, предложивший противопоставление трех составляющих язык как предмет — язык как процесс — язык как способность, — которые «есть *части* речевой деятельности» Таким образом, речь идет также о четырех феноменах I язык как предмет, II язык как процесс, III язык как способность, IV речевая деятельность, отношения между которыми могут быть описаны следующей формулой

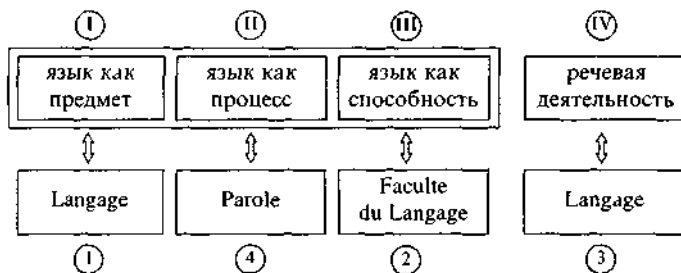
$$I + II + III = IV$$

Между точками зрения Ф де Соссюра и А А Леонтьева существует определенное соответствие, которое может быть показано следующим образом (см сх 2 на стр 90)

Далее, вспомним, что Л В Щерба, о котором мы только что говорили, рассматривал 3 аспекта языковых явлений речевую деятельность, языковые системы и языковой материал — плюс, по А А Залевской, 4-й аспект — речевая организация

ляли язык и речь как потенциальное и реальное О Есперсен и А А Реформатский противопоставляли язык и речь как социальное и индиви дуальное Близкие идеи высказывали социологи например, Ж Ван-дриес который считал язык «идеальной лингвистической формой, тяготеющей над всеми индивидами данной социачной группы» Р О Якобсон говорил о языке и речи как о коде и сообщении Н И Жинкин рассматривал речь как «применение языка в процессе общения» Именно эту точку зрения назвал «единственно приемлемой» А А Леонтьев

Схема 2. Соотношение концепций Ф де Соссюра и А А Леонтьева

В работах психологов также представлены разграничения — речевой деятельности, речевых актов, языковых средств и языковой структуры (К Бюлер),

— речевой деятельности как функции, «языка» как системы, говорения как речевого произведения и «речи» как речевого механизма (А Делакруа)

И в связи с этим мы подошли к наиболее важной для психологов оппозиции — оппозиции механизм / процесс А А Леонтьев демонстрирует это следующим примером есть механизм — «устройство» глаза, и есть процесс зрения.

Мы с Вами уже говорили, что одной из актуальных для современной отечественной ПЛ проблем является проблема изучения речевого механизма человека Так что же такое *речевой механизм* и механизм вообще⁷ Об этом мы поговорим на следующей лекции.

Итак, повторим основные положения лекции *Речь и мышление* связаны диалектическим единством И хотя они, как правило, параллельны, в некоторых случаях можно говорить о «нулевой спайке» В норме при говорении мышление наличествует всегда, «проговаривание» же

в процессе мышления не всегда является необходимо обязательным
Деятельность — это процесс, который осуществляет отношение человека к миру, отвечает потребности и характеризуется мотивом
Деятельность включена в общение даже в тех случаях, когда внешне он остается один

Речевая деятельность — единство общения и обобщения, особым образом организованная активная и целенаправленная деятельность человека, которая регулируется определенной системой мотивов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Горелов И Н Седов К Ф Основы психолингвистики М , 1997 *Залевская А А*
Введение в психолингвистику М 1999 *Леонтьев А А* Основы психолингвистики
М 1999 *Красных В В* Виртуальная реальность или реальная виртуальность"
Человек Сознание Коммуникация М , 1998

Дополнительная

А пейников А Г Модель речевой деятельности (в терминах теории графа) // Речевое общение цели, мотивы, средства М , 1985 С 11—21

Выготский Л С Мышление и речь М , Л 1934 //Собр соч в 6-ти тт М , 1982 Т 2

Гаспаров Б М Язык Память Образ Лингвистика языкового существования М , 1996

Жинкин Н И Механизмы речи М , 1958

*Жинкин Н И*О кодовых переходах во внутренней речи // ВЯ, 1964, №6 С 26—38 Риторика, 1997 № 1 (4) С 13—21

Залевская А А Проблемы организации внутреннего лексикона человека Калинин, 1977

Зимняя И А Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения М , 1976 С 5—33

Зимняя И А Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке М , 1985

Зимняя И А Психология обучения неродному языку М , 1989 *Зимняя И А*
Психология обучения иностранным языкам в школе М.1991
Леонтьев А А Язык, речь, речевая деятельность М , 1969 *Общая и прикладная*
психолингвистика М , 1973 *Проблемы психолингвистики* М, 1975
Психолингвистика М,1984 *Соссюр Ф де* Курс общей лингвистики М , 1933
Щерба Л В О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в
языкознании // *Языковая система и речевая деятельность* Л , 1974

ЛЕКЦИЯ 5

Языковой / речевой механизм

ЯЗЫКОВОЙ / РЕЧЕВОЙ МЕХАНИЗМ

В научной литературе можно найти различные трактовки термина «*механизм*». Механизм может пониматься как.

1. устройство чего-либо, его структурные характеристики;
2. процесс, совокупность действий и операций или ряд процессов; механизм есть операция, действие;
3. взаимодействие структуры и процесса при условности их разграничения;
4. обозначение то структуры, то процесса либо и структуры, и процесса;
5. структура, процесс и его результат;
6. структура, процесс, функция и социальные условия реализации деятельности.

В психологии говорят о различных механизмах. Сошлемся на мнение Б. Ф. Ломова, который говорит о психологических и нейрофизиологических механизмах, о механизмах переработки информации, формирования картины мира, це-леполагания и т. д. В работах школы Н. П. Бехтеревой можно прочесть о механизмах мозга человека. В работах, выполненных представителями школы Д. Н. Узнадзе, рассматривается механизм установки (установка есть определенное досознательное состояние готовности организма к некоторому поведению). Б. Г. Ананьев пишет о функциональных, операциональных, мотивационных механизмах, о механизмах памяти, восприятия, мышления. О последних много писал и известный психолог С. Л. Рубинштейн. А. Г. Ас-молов рассматривал механизмы вероятностного прогнози-

рования, антиципации. Перечисление можно продолжать долго, но остановимся на том, что уже сказано, и договоримся понимать под **механизмом** *некоторое устройство для осуществления определенных процессов*. А теперь перейдем к рассмотрению механизмов речевой деятельности.

Речевые механизмы суть устройство для осуществления процессов, связанных с речевой деятельностью.

С точки зрения А. А. Заленской, это устройство обладает возможностями и наложенными на него ограничениями, эти возможности и ограничения определяются мозгом; это устройство оперирует своими специфическими единицами, которые могут быть содержательно наполнены и упорядочены; структура и процессы взаимозависимы и взаимообусловлены. Следовательно, делает вывод Залевская, такое понимание восходит к концепции Л. В. Щербы, поскольку речевой механизм есть речевая организация человека во взаимодействии составляющих ее единиц, их упорядоченности и процессов, через которые происходит формирование речевой организации и ее использование для разных целей.

Рассуждая о речевых механизмах, нельзя не остановиться на концепции *Н. И. Жинкина*, оказавшего огромное влияние на развитие психологии и психолингвистики. Основные идеи исследователя нашли отражение в следующих работах: книги «Механизмы речи» (вышла в свет в 1958 г.), «Речь как проводник информации» (1982) и «Язык. Речь. Творчество» (1998), статья «О кодовых переходах во внутренней речи» (впервые была опубликована в № 6 «Вопросов языкознания» в 1964г., перепечатывалась в нескольких изданиях в конце 90-х). Суть концепции Н. И. Жинкина сводится к следующему: все речевые механизмы обладают двузвенностью и комплементарностью (взаимодополнительностью). Они могут быть упорядочены в иерархию, на вершине которой находятся общие механизмы приема и выдачи сообщений. Идея комплементарности реализуется на всех уровнях иерархии, в том числе в механизмах

осмысления, памяти, упреждающего синтеза (опережающего отражения). Основной операциональный механизм — взаимодействие составления слов из элементов и фраз из слов при реализации в каждом из них отбора и составления, анализа и синтеза, динамики и статики.

В книге «Речь как проводник информации» Н. И. Жинкин пишет, что ассоциация есть «физиологический механизм, запоминающий язык», механизм синаптической связи. В последнее время становится все более популярной идея Н. И. Жинкина о том, что «понимать надо не речь, а действительность». Это достигается через механизм речемыслительной деятельности — внутреннюю речь. Внутренняя речь реализуется через универсальный предметный код (УПК). УПК — субъективный язык, который не осознается человеком, функционирует на стыке речи и интеллекта, где «совершается перевод мысли на язык человека». При помощи УПК принимающий речь преобразует ее в модель отрезка действительности, о котором сообщается. Внутренняя речь является механизмом переводности как свойства человеческого языка. Принимаемый текст всегда переводится на внутреннюю речь, что необходимо для идентификации денотата (образа предмета окружающего мира).

В других работах Н. И. Жинкин рассматривает:

— язык как механизм, открывающий перед человеком область сознания, и как механизм управления действиями и деятельностью человека;

— линейный механизм кодирования и декодирования;

— грамматический механизм;

— механизм сочетания лексических значений;

— механизм формирования смысловых рядов, взаимодействия значения и смысла;

— механизм смысловых замен («коды и кодовые переходы» в речемыслительной деятельности);

— механизм отбора слов;

— механизм (устройство) контроля.

Известный психолог и психолингвист *И. А. Зимняя* выделяет 3 фазы речевой деятельности в их соотносительности с общефункциональными и специфическими речевыми механизмами:

1) мотивационно-побудительная фаза связана с механизмом мотивации;

2) ориентировочно-исследовательская;

3) исполнительная.

Последние две фазы связаны с общефункциональными механизмами, среди которых *И. А. Зимняя* выделяет:

— опережающее отражение;

— осмысление;

— оперативную и постоянную память.

На указанных общефункциональных механизмах основываются и специфические речевые механизмы:

— механизм логики мысли и денотатной отнесенности;

— механизмы внутреннего оформления высказывания (совокупности операций отбора, сравнения, составления, комбинирования, структурирования и т. д.);

— механизмы внешнего оформления высказывания (фонационные);

— механизмы обратной связи с выделением слухового контроля.

Среди других речевых механизмов, которые рассматривают различные исследователи, следует назвать:

— механизм установки (мы уже упоминали школу Узнадзе);

— механизм контроля языковой правильности высказывания, т. е. механизм сличения и оценки соответствия значения и/или формы языковой структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом (*Г. В. Ейгер*);

— механизмы синтаксической организации (*Ахутина*);

— механизмы восприятия речи (*Штерн*);

— механизмы речепроизводства (*Горохова*).

ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ МЕХАНИЗМОВ

Рассмотрим данные принципы более подробно.

1) *Принцип ассоциирования* (*Н. И. Жинкин*: ассоциация — физиологический механизм) — установление связей, ведущая характеристика речевой организации человека. Ассоциация в широком смысле — связь любого типа на любом уровне психической деятельности человека. «Ассоциация — психическая реальность» (*Б. Ф. Ломов*). «Индивидуальная память человека — это хранилище ассоциаций. Их выработка и разрушение составляют основу разнообразных видов обучения. Связываются между собой, т. е. ассоциируются, сливаются вместе в один образ прежде разобщенные образы восприятия, памяти, собственных действий» (*А. Н. Лебедев*).

2) *Узнавание* — фундаментальный принцип психического

отражения. Отличается избирательностью и взаимодействует с пристрастностью, т. е. узнавание идет через мотивы и потребности индивида с учетом конкретной ситуации и реализуется на определенном эмоционально-оценочном фоне. Память человека — не склад индивидуальных следов, дублирующих события внешнего мира, а творческий процесс конструирования этих событий, основанных на принципе «повторение без повторения» (рассмотрен в 1947 г. Н. А. Бернштейном), поэтому мы можем опознавать «плохо оформленные категории» и решать «плохо сформулированные задачи».

В связи с только что сказанным позволим себе небольшое отступление. В «Картезианских размышлениях» (М., 1993), рассуждая о философии Декарта, М. К. Мамардаш-вили пишет: «Нарисуем прямую линию или прямоугольный треугольник. Они одинаковы для нас в смысле некоего идеального объекта. Допустим, вот я нарисовал и веду процесс математического рассуждения, пытаюсь доказать какую-то теорему о треугольнике или прямой линии. Рассуждая, я думаю о прямых линиях, о треугольнике. То есть

я вижу эти предметы прямыми или треугольными. Но Декарт спрашивает, вернее, говорит так... если бы идея прямой линии не была нам врождена, то мы не видели бы никаких прямых линий. Почему? По следующей причине. Ведь мы считаем, что все наши идеи имеют свои причины во внешнем мире. Например, идея линии треугольника должна иметь причину: в мире есть линии и есть треугольники. Но, скажет Декарт, в мире ни одна линия не является прямой. В мире вообще нет правильных треугольников, и, более того, их нет и на моем рисунке, исходя из которого я рассуждаю о прямых линиях. Каким же образом я вижу прямую линию? Узнаю (если воспользоваться более психологическим выражением), глядя на явно непрямую линию — и она не может быть прямой,— узнаю, что она прямая? Или вообразите, что из этих нарисованных черточек складывается лицо какого-нибудь знакомого вам человека. Задайте вопрос (для психологов это банальность): детерминировано ли этими черточками то, что я узнал здесь Иванова? Я узнал его именно по этим черточкам, в них увидел Иванова, но узнавание Иванова не детерминировано этими черточками. То есть я знаю до узнавания». Вот это очень важно (именно поэтому мы и привели столь пространную цитату): *узнаю до узнавания*. (К этой идее Декарта—Мамардаш-вили мы еще раз вернемся в курсе этнопсихолингвистики.) 3) *Принцип использования* разных видов *опор*, которые способны «выводить» субъекта на индивидуальную картину мира. Принцип опоры на признаки и признаки признаков есть условие и средство: узнавания объектов и их категоризации, ориентировки при встрече с расплывчатыми множествами и плохо сформулированными задачами, взаимопонимания при общении, формирования и понимания метафор и т. д. Вспомним портреты-зарисовки К. Васильева, к примеру, портрет Д. Д. Шостаковича, на котором изображены

только очки великого композитора, но «за ними», за их «полетом» легко «читается» образ самого их хозяина. К этому принципу мы еще раз обратимся опять же в курсе этнопсихолингвистики.

4) *Принцип (механизм) глубинной предикации* — установление, констатация факта связи некоторого компонента психической деятельности человека с другими компонентами. Соотносим с идеей «имплицитных предикативностей» С. И. Бернштейна, с пропозицией С. Д. Кацнельсона, с актом апперцепции А. А. Потевни.

Предицирование в данном случае понимается как приписывание субъекту некоторого действия, свойства, состояния. Об этом чуть подробнее поговорим, когда будем обсуждать феномен внутренней речи.

5) *Принцип смысловых замен* (по Жинкину — механизм).

6) Смысловые замены давно привлекают внимание исследователей: «Понимание есть упрощение мысли, переложение ее... на другой язык» (А. А. Потевня); «переход на более высокую ступень понимания характеризуется освобождением от скованности словесной формулировкой» (А. А. Смирнов); «понимание знака есть отнесение данного понимаемого знака к другим, уже знакомым знакам» — Волошинов; смысловые замены нельзя сводить только к использованию вербальных единиц, так как специфическая характеристика продукта понимания — его предметность: в мозге наличествуют проекционные структуры, с помощью которых мозг «разворачивает целый модельный мир, объекты которого для мозга сенсорно эквивалентны объектам окружающего мира», и это «относится не только к объектам как таковым, но также к их свойствам и отношениям» — Дорфман, Сергеев.

7) *Принцип регуляции I контроля* (Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, Г. В. Ейгер используют термин «механизм»). Многие исследователи говорят о двойном контроле: контроль исполнения (качества речевого продукта) и

контроль конечного продукта (смыслового содержания высказывания) (И. А. Вартанян). Это соотносится с механизмами когнитивного и коммуникативного контроля по А. А. Залевской.

При порождении текста принцип регуляции (контроля) имеет особое значение на последнем этапе, т. е. на этапе формулирования высказывания — на этапе *проверки* (правильности выбора языковых средств) и — при необходимости — *корректировки* (выбора). Этот этап имеет 2 фазы: 1) внутреннюю — до произнесения (автором осуществляется самоконтроль); 2) внешнюю — в процессе и после произнесения (автором осуществляется контроль за восприятием и реакцией реципиента и оценивается адекватность и успешность общения).

В научной литературе можно обнаружить *различные подходы к описанию работы речевого механизма*. Рассмотрим два основных: модульный и коннекционистский.

Модульный подход связан с именами таких ученых, как Дж. Фодор (J. A. Fodor), Биллем Левелт (W. J. M. Levelt), Х. Патнем (Hilary Putnam). В названии скрыта компьютерная метафора *последовательной* переработки информации *автономными* подсистемами, в основе этой метафоры, по мысли Дж. Кесса, лежит аналогия между переработкой языка человеком и переработкой языка компьютером. Основная идея — в языковом/речевом механизме наличествует ряд независимых друг от друга и автономно работающих систем обработки входной информации — *модулей*. Решение, принятое каждым модулем после обработки специфической для него и только для него информации, передается центральной перерабатывающей системе (центральному процессору), где коррелируется информация, поступающая от других модулей. Нельзя не согласиться с осторожным замечанием А. А. Залевской, что данные различных исследований в области нарушений речи, например, разных форм афазии, когда нарушается одна их речевых

функций при сохранности других, в определенной мере могут говорить в пользу относительной автономности работы языковых подсистем.

Коннекционистский подход связан с такими именами, как Х. Дрейфус (H. Dreyfus), Д. Румельхарт (D. E. Rumelhart), Дж. Мак-Клиланд (J. L. McClelland), Дж. Лейкофф (G. La-koff). Он базируется на результатах исследования того, как мозг человека перерабатывает информацию. Основная идея — *параллельность, одновременность* переработки информации, получаемой из разных источников, при *взаимодействии, интеракции* всех подсистем. Отсюда и другое название подхода — интеракционный. Иначе говоря, переработка информации на любом уровне идет с учетом любой и всей информации от других уровней.

При таком подходе все формы знания предстают в виде сетевой структуры. Сеть состоит из узлов и связей между ними (поэтому — коннекционизм). Эффективное функционирование сетевой системы обеспечивается с помощью механизма распространяющейся активации. Представим себе болото и пружинящую «почву» под ногами: когда наступаешь, идет волнение, где-то оно сильнее, так как внизу больше воды, где-то оно затихает, потому что меньше воды или попалась кочка. То же самое происходит и в сетевой системе: связи между узлами имеют варьирующуюся степень потенциального возбуждения, активации (толще слой воды) или блокировки (кочка). Активация может передаваться от одних узлов к другим, суммироваться или затихать. Активация некоторого узла дает толчок для распространения активации в сети с учетом налагающихся запретов.

Как Вы понимаете, сторонники этих подходов / моделей вели и ведут до сих пор яростные споры. Но истина, как всегда, где-то посередине, и поэтому в последнее время стали развивать идею гибридной системы обработки информации: сращение коннекционистских сетей с модуль-

ными системами (тех, кого особенно заинтересовала эта проблема, отсылаю к обзору В. А. Цепцова).

Итак, повторим основные положения лекции.

Механизм есть некоторое устройство для осуществления определенных процессов. А теперь перейдем к рассмотрению механизмов речевой деятельности.

Языковые /речевые механизмы суть устройство для осуществления процессов, связанных с речевой деятельностью. Существуют различные принципы функционирования речевых механизмов

Два **основных подхода** к описанию работы речевого механизма — модульный и коннекционистский (интерак-ционнный).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная *Залевская А А* Введение в психолингвистику. М., 1999.

Дополнительная

Жиньин Н И Механизмы речи М , 1958

Жинкин Я Я О кодовых переходах во внутренней речи // ВЯ, 1964, № 6 С. 26—38, Риторика, 1997, № 1 (4). С. 13—21

Зачевская А А Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977

Цепцов В А От критики коннекционизма к гибридным системам обработки информации//Познание Общество. Развитие М , 1996. С 136—148

Щерба Л В О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л , 1974.

ЛЕКЦИЯ 6

Модели порождения речи Модели восприятия речи

МОДЕЛИ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

Стохастические модели порождения речи Стохастические модели — это вероятностные, т. е. «множество элементов сообщения может быть представлено при помощи распределения вероятностей» (Дж. Миллер и Н. Хомский). Заинтересовавшихся отсылаю к работам Н. Хомского, Дж. Миллера, Дж. Селфридж.

К числу стохастических ПЛ моделей иногда относят и грамматики с конечным числом состояний. Грамматика с конечным числом состояний — это любая модель, в которой в качестве элемента выступает грамматический класс (например, часть речи) и определяется характер зависимости между последовательно появляющимися грамматическими классами. Эта зависимость может не носить вероятностного характера, и сама модель может не быть стохастической. Однако в практике ПЛ исследований рассматриваются именно вероятностные модели с конечным числом состояний. Вспомним исследования вероятностных зависимостей между словами разных классов: различные ассоциативные эксперименты.

Следует отметить, что, как показывают многочисленные эксперименты, в процессе порождения речи обязательно используется в той или иной степени вероятностный принцип, скрытое знание того, какие новые элементы появятся вслед за предыдущими, т. е. знание условных (обусловленных предыдущими элементами) вероятностей появления нового элемента. Например, расшифруйте фразу:

Ле-ал о-ел, ле-ал он среди -орных -уч и с-ал... Начало Вашей расшифровки (*летал орел* или *лежал осел*) предопределяет и ее продолжение ¹ (эксперимент Н. Л. Элиава из Грузии). Эксперименты американского исследователя Мак-Корко-дэйла также показывают, что начало фразы может обусловить ее продолжение. В эксперименте требовалось продолжить предложение *Дети заметили, что снег начал покрывать землю, когда они покинули...* Если в предложении использовался глагол *to hide* (*покрывать*), то типичным продолжением было *школу, автобус, дом*. Если же использовался глагол *to blanket* (ассоциируется с *одеялом*), то типичным продолжением оказывалось *постель*.

Остановимся более подробно на классической осгудов-ской модели порождения, в которой вероятностный принцип также играет важную роль. По концепции Осгуда, порождение осуществляется параллельно на нескольких уровнях в соответствии с определенными закономерностями каждого из этих уровней. При этом закономерности распределения единиц *высшего уровня учитывают закономерности распределения единиц низших уровней*. *Высший уровень* — уровень мотивации, основная единица — предложение. *Второй уровень* — семантический, основная единица — функциональный класс (при кодировании), ядро, «нуклеус» (при декодировании). Функциональный класс соотносим с тем, что Л. В. Щерба называл «синтагмой» в более поздних работах и «фразой» в более ранних трудах и определял как простейшие элементы связной речи, отвечающие единым и далее в момент речи *неразлагающимся представлениям*. Ядро соотносимо с основой слова, по русской грамматической традиции, т. е. словоформа минус флексия. Во многих работах А. А. Леонтьев использует эталонный пример *Талантливый художник пишет интересную картину*.

¹ *Летал орел, летал он среди горных туч и скал или Лежал осел, лежал он среди сорных куч и спал.*

Если эту фразу представить единицами кодирования — функциональными классами, то мы получим: *Талантливый художник — пишет — интересную картину*. Если эту же фразу разделить по ядрам (нуклеусам), то получим: *Талан-тлив-ый-художник-пиш-ет-интересн-ую-картин-у*.

Третий уровень — уровень последовательностей, основная единица — фонетическое слово.

Четвертый уровень — интеграционный, основная единица — слог (при кодировании) и фонема (при декодировании).

Стохастические модели и грамматики с конечным числом состояний (т. е. системы, построенные по принципу «слева направо») релевантны, когда мы говорим о взаимоотношениях отдельных слов в процессе порождения связной речи. Но они не подходят для моделирования грамматических процессов. Во-первых, потому что существуют конструкции, которые в принципе не могут быть порождены по этим моделям (сюда относятся self-embedding, т. е. «самовставляющиеся», и nesting, т. е. «гнездящиеся» конструкции, соотносимые с русскими сложноподчиненными предложениями). Во-вторых, эти модели абсолютно невероятны с точки зрения онтогенеза детской речи. По признанию Дж. Миллера, Е. Галантера и К. Прибрама, чтобы научиться говорить и понимать по-английски, ребенок должен выслушать приблизительно 10^{30} предложений. При этом если предположить, что каждую секунду ребенок воспринимает 3×10^{10} предложений и полностью усваивает каждый ряд из 20 слов после одного предъявления, то в этом случае детство должно длиться 100 лет без перерывов на сон, обед и т. д. Понятно, что это совершенно не соответствует естественному положению вещей.

Следует ли из этого, что указанные модели вообще неприемлемы? Нет. И А. А. Леонтьев считает, что есть ряд коммуникативных ситуаций, когда именно грамматика с ограниченным числом состояний оказывается наиболее

оптимальной для их моделирования (детская речь, когда словарь усвоен, а морфосинтаксис еще отсутствует; жесто-вый язык глухих; креолизованные жестовые языки для межкультурного общения людей, говорящих на разных языках). Кроме того грамматика с конечным числом состояний может моделировать процесс порождения речи на изолирующих языках (типа китайского), в которых порождение основывается не на морфосинтаксисе, а на линейной организации семантических классов.

Модели непосредственно составляющих

Эта модель предполагает выполнение операции деривации, т. е. последовательной подстановки на место более крупной единицы двух (только двух —!) более мелких компонентов, из которых она состоит. В результате этих последовательных подстановок образуется «терминальная (окончательная) цепочка», т. е. само предложение. Происхождение каждой цепочки может быть изображено в виде математического графа — «дерева непосредственных составляющих» (см. сх. 3):

Схема 3. Дерево непосредственных составляющих

В модель порождения по непосредственно составляющим входят и так называемые контекстные ограничения — грам-

магические правила: (талантлив) + род + число + падеж + + (художник) + число + падеж + (ниш) + лицо + число...

Что особенно важно в этой модели по сравнению с грамматикой с конечным числом состояний? Здесь порождение идет по двум направлениям: не только «слева направо», но и «сверху вниз», т. е. происходит не только последовательное появление компонентов, но и их «расширение».

Специфические черты грамматики непосредственно составляющих:

1. она дихотомична;
2. вершину дерева представляет предложение как единое синтаксическое целое, т. е. фиксируется последовательность операций, необходимых для выявления синтаксических связей;

3. были разработаны два важных понятия:

- a) направление ветвления дерева — правое (регрессивное) и левое (прогрессивное); кстати, в большинстве европейских языков доминирует регрессивное ветвление, а в японском, армянском, в тюркских языках преобладает прогрессивное;

- b) глубина предложения; она определяется по максимальному числу узлов левого ветвления дерева.

Популярность грамматики непосредственных составляющих в ПЛ началась в 60-е годы с работ Виктора Ингве. Суть его концепции сводится к следующему: чтобы построить высказывание в процессе психолингвистического порождения, необходимо осуществить операции того же рода и в той же последовательности, что и в лингвистической модели. Однако выяснилось, что теоретически возможные структуры в реальных условиях естественных языков практически не встречаются: так, не встречаются предложения, имеющие глубину более 7—9. В. Ингве предположил, что это связано с «магическим» числом Дж. Миллера: человек может одновременно оперировать не более чем 7-ю символами (плюс-минус 2). На самом деле, 7 ± 2 —

это верхний предел объема оперативной памяти, а реальная глубина предложений лежит в пределах 3—4. Это с одной стороны. А с другой, мы можем построить предложения и большей глубины, если измерять ее не лингвистически, а с точки зрения языкового сознания. И тогда две или более «лингвистических» единиц будут соответствовать одной «психолингвистической» единице: *кот ученый*, *Медный всадник*, *барон Мюнхгаузен*, *Ромео и Джульетта* и др. А. А. Леонтьев говорит о таких единицах как о «клише». Я же считаю их единицами (в данном случае это — прецедентные феномены), за которыми стоят фрейм-структуры сознания (но об этом — в курсе этнопсихолингвистики). Далее В. Ингве ввел понятие «грамматических обязательств»: если я говорю *талантливый*, то далее должно быть определяемое в форме муж.р. ед.ч. им.п. В процессе порождения мы «погашаем» старые обязательства и берем на себя новые. И следовательно, глубину предложения В. Ингве определяет как максимальное число обязательств, которые мы берем на себя одновременно в данном предложении.

Чарльз Осгуд также писал о модели непосредственно составляющих. Основные идеи сводятся к следующему:

1. стохастические закономерности связывают не элементы терминальной цепочки, а операции, необходимые для получения этой цепочки;

2. любое предложение может быть представлено в виде последовательности «ядерных утверждений», т. е. пропозиций, которые имеют вид «субъект — связка — объект» и семантически эквивалентны исходному предложению (художник талантлив, картина интересна, художник пишет картину);

3. грамматические сочетания могут быть или квалифицирующими, или квантитирующими; ядерные утверждения — всегда квалифицирующие сочетания, при любой их трансформации они сохраняют свой смысл: *талантливый художник* - *художник талантлив*; в отличие от *очень ин-*

тервсную (картину), что никак не может быть представлено в виде предикативной единицы;

4. появление квалифицирующих признаков в воспринимаемом нами предложении влечет за собой процесс семантического «свертывания». Анализируя талантливый художник, мы приписываем художнику дополнительный семантический или смысловой «обертон». Эту операцию мы проделываем со всеми ядерными утверждениями. В результате семантическая информация, приписываемая субъекту, образует, по Ч. Осгуду, «моментальное значение слова (в нашем случае — *художник*). Аналогично строится и порождение речи, но в обратном направлении.

Идеи Ч. Осгуда развивались Н. Джонсоном, В. Левел-том, М. Брэйном, И. Энгелькампом. В лингвистическом плане идею ядерных утверждений (пропозициональных функций) развивали Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Золотова.

Естественно, что грамматика непосредственно составляющих, как любая интересная концепция, не обошлась без критики. Много критиковали ее Н. Хомский и Дж. Миллер. Суть критики этой грамматики сводилась к тому, что грамматика непосредственно составляющих не столько ошибочна, сколько недостаточна.

Модели на основе трансформационной грамматики

О трансформационной грамматике написано много работ, поэтому мы не будем останавливаться на этом сколько-нибудь подробно. Напомним лишь, что структура модели Н. Хомского включает четыре компонента:

1. *синтаксический* компонент;
2. *семантический* компонент (теория разработана Дж. Кацем — J. Katz, и Дж. Федором — J. A. Fodor), он включает два звена:
  - а) лексикон (состоит из грамматической, генерирующей и семантической части, которая обеспечивает собственно семантику);

б) правила соотнесения лексикона с грамматической структурой, т. е. проекционные правила;

3. *фонологический* компонент (подробно описан в работе Н. Хомского и М. Халле), он служит для интерпретации результатов действия синтаксического компонента, но не на глубинном, а на поверхностном уровне; основывается на концепции дифференциальных фонетических признаков Якобсона-Халле;

4. *прагматический* компонент — прагматические правила, т. е. правила соотнесения грамматической структуры с контекстом (ситуацией) (G. F. Miller, S. Isard); не упоминается уже даже в литературе 70-х годов.

Эта модель вызвала немало критических замечаний. При этом критика шла и справа, и слева (о критике подробно — см. учебник А. А. Леонтьева). ПЛ модели на основе трансформационной грамматики разрабатывались в рамках ПЛ второго поколения (по А. А. Леонтьеву).

Когнитивные модели

В рамках ПЛ третьего поколения (по А. А. Леонтьеву) в 70-е годы выделилась когнитивная ПЛ как особое направление когнитивной психологии. Когнитивная психология — та часть психологической науки, которая, по определению Р. Л. Солсо, изучает то, как человек получает информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на внимание и поведение человека.

Применительно к ПЛ когнитивный подход трактуется А. А. Леонтьевым как такой подход, при котором изучается роль познавательных процессов в речевой деятельности. Но я бы рассматривала когнитивный подход в ПЛ более широко, отталкиваясь от определения когнитивной психологии Солсо, которое было только что приведено.

Модель порождения *И. Шлезингера* (I. M. Schlesinger) предполагает, что в основе порождения лежит система про-

стейших семантических пар. Пример: *Mary had a little lamb*. В основе этого высказывания лежит представление о соотношении «владельца» и «имущества» (посессивные отношения). С «ягненок» соотнесена идея маленького размера. Эти взаимосвязанные содержательные характеристики (посессивные отношения и связь предмета и его размера) И. Шлезингер называет «протовербальными элементами». К этим элементам прилагаются 4 вида правил реализации: /.

- 1. *реляционные* правила, они приписывают каждому протовербальному элементу грамматическую и фонологическую характеристику;

- 2. правила *лексикализации*, они выбирают нужные лексемы;

- 3. правила *согласования*;

- 4. *интонационные* правила.

Вводится понятие «коммуникативное взвешивание»: соответствующий компонент модели определяет, какой из компонентов предложения является коммуникативным центром (логическим субъектом, фокусом, темой).

И. Шлезингер полагает, что за протовербальными элементами стоят невербальные когнитивные структуры. Эти невербальные структуры переходят в протовербальные элементы в результате процесса коагуляции, т. е. в результате выбора из банка знаний того, что говорящий намерен выразить в общении. Эти когнитивные структуры репрезентированы в психике в виде образов. А теперь вспомните, что мы с Вами говорили о ЛКС и ФКС. Конечно, понимание «когнитивной структуры» несколько различно, но главное для нас состоит в том, что за речью стоят невербальные КС, которые хранятся в виде образов и представлений и которые определенным образом влияют на порождение высказывания.

В 80-е годы Ч. Осгуд создал модель, которую он назвал «абстрактной грамматикой языковой активности» (*abstract performance grammar*). Суть этой концепции сводится к

тому, что процесс речепорождения напрямую связан с неязыковыми (когнитивными) факторами, в частности, с непосредственно воспринимаемыми актантами (участниками описываемой ситуации). Первичной последовательностью компонентов высказывания является «субъект — объект — предикат» (интересно, что те же идеи еще с 1965 г. высказывал и А. А. Леонтьев). Итак, основой для порождения и восприятия высказываний служат базовые «естественные» когнитивные структуры (КС). Эти КС образуются благодаря взаимодействию языковой и неязыковой информации. Чем ближе поверхностная структура соответствующего предложения к этим когнитивным структурам, тем легче оперировать с предложением, тем оно более «естественно». На что следует обратить особое внимание в когнитивных моделях? Во-первых, на идею доречевых КС. Во-вторых, на идею пропозиционального характера КС и на идею определенной организации этих пропозиций, которая не всегда совпадает со структурой предложения. В-третьих, на идею существования такого компонента, который определяет соотношение синтаксической структуры предложения и его топиком (фокусом и т. п.). И наконец, в-четвертых (а для нас — «в-главных»), на то, что в психолингвистических исследованиях была введена идея фрейма ситуации, т. е. взаимосвязанной системы когнитивных компонентов ситуации (хотя у каждого исследователя свое представление о фрейме).

*Психолингвистическая теория порождения речи
по Московской психолингвистической школе (МПЛШ)*

Взгляды МПЛШ восходят к взглядам Л. С. Выготского и к концепции деятельности А. Н. Леонтьева. Непосредственные предшественники МПЛШ — А. Р. Лурия и Н. И. Жинкин.

Основные взгляды *А. Р. Лурии* изложены в его трудах «Основные проблемы психолингвистики» (1975), «Речь и

мышление» (1975), «Язык и сознание» (1979). Вкратце представим важнейшие идеи ученого.

Процесс порождения, «формулирования» речевого высказывания имеет ряд этапов. В начале процесса порождения находится мотив. Затем возникает мысль — общая схема содержания, которое будет воплощено в высказывании, или замысел. Далее в действие вступает внутренняя речь. Она свернута, сокращена, но носит предикатный характер. Внутренняя речь участвует в перекодировании замысла в развернутую речь и в создании порождающей схемы развернутого речевого высказывания. Внутренняя речь есть механизм, который превращает внутренние субъективные смыслы в систему внешних развернутых речевых значений. Речь как средство общения является не столько комплексом лексических единиц (слов), сколько системой синтагм (целых высказываний). А. Р. Лурия четко противопоставлял парадигматические и синтагматические лексические значения.

А. Л. Лурия предложил различать «коммуникацию события» (сообщение о внешнем факте, доступном наглядно-образному представлению), напр., *Мальчик ударил собаку*, и «коммуникацию отношения» (сообщение о логических отношениях между вещами), напр., *Собака — животное*. Так вот, с коммуникацией события он соотносил синтагматические соотношения лексических значений, а с коммуникацией отношения — парадигматические.

Итак, по концепции А. Р. Лурии, путь от мысли к речи 1) начинается с мотива и общего замысла, который с самого начала в самых общих чертах известен субъекту; 2) проходит через стадию внутренней речи, которая опирается на схемы семантической записи с ее потенциальными связями; 3) приводит к формированию глубинно-синтаксической структуры; 4) разворачивается во внешнее речевое высказывание, которое опирается на поверхностно-синтаксическую структуру.

Наиболее известные работы *Н. И. Жинкина* — «Механизмы речи» (1958), «Внутренние коды языка и внешние коды речи» (в кн.: То Ногог Roman Jakobson, 1967), «Грамматика и смысл» (в кн.: Язык и человек, 1970), «О кодовых переходах» (работа уже разбиралась на предыдущих лекциях), «Речь как проводник информации» (1982).

Изложу вкратце основные идеи исследователя. Внутренняя речь пользуется особым внутренним кодом — «предметно-схемным». Отбор на всех уровнях порождения является универсальной операцией. Слова не хранятся в памяти в полной форме, но каждый раз синтезируются по определенным правилам. При порождении высказывания действуют особые семантические правила (сочетаемости слов в семантические пары), которые гарантируют осмысленность высказывания. Порождение текста начинается с зарождения замысла целого текста и предстает как его развертывание. С точки зрения содержания текст предстает как иерархия предикаций разного уровня (подтем и субподтем), ориентирован на реципиента и предполагает у последнего наличие некоторых знаний, общих для обоих коммуникантов, не выраженных в тексте и домысливаемых реципиентом.

Организующим и мозговым центром *МПЛШ* выступил А. А. Леонтьев. *МПЛШ* считает *первым этапом* собственно порождения *внутреннее программирование высказывания*. Внутренняя программа соответствует содержательному ядру будущего высказывания и представляет собой иерархию пропозиций, лежащих в его основе. Эта иерархия формируется у говорящего на основе определенной стратегии ориентировки в описываемой ситуации, которая зависит от «когнитивного веса» того или иного компонента этой ситуации. А. А. Леонтьев ввел понятия ситуации общения и ситуации-темы (ситуации, о которой говорится) (ср. «язык, на котором мы говорим» и «язык, о котором мы говорим»). Ситуация-тема имеет свою внутреннюю структуру, в том числе свои тему и рему. Внутренняя программа

высказывания отражает именно психологическую структуру ситуации-темы. Кодом внутреннего программирования является предметно-схемный (предметно-изобразительный) код. Другими словами, в основе программирования лежит образ, которому приписывается некоторая смысловая характеристика (личностный смысл по А. Н. Леонтьеву). Эта смысловая характеристика и есть предикат к данному элементу. Так, талантливость приписывается образу художника, интересность — образу картины. Далее художнику приписывается («преддицируется») написание картины: (*талантливый* + *художник*) + *пишет* + (*интересную* + *картину*). Такая же иерархизация предикаций во внутренней программе происходит и при порождении целого текста. Внутренняя программа и есть то содержание высказывания, которое удерживается в оперативной памяти при порождении дальнейших высказываний и которое является инвариантом перевода. Она же является конечным звеном при смысловом восприятии высказывания.

Следующий этап — *грамматика-семантическая реализация*. На этом этапе выделяются: 1) тектограмматический подэтап, 2) фенограмматический подэтап, 3) подэтап синтаксического прогнозирования, 4) подэтап синтаксического контроля.

На *тектограмматическом подэтапе* важнейшими операциями являются операции перевода программы на объективный код. Единицы субъективного кода заменяются минимальным набором семантических признаков слова (обычно имени), которые ограничивают семантический класс и позволяют при дальнейшем порождении выбирать внутри этого класса различные варианты. Данным единицам приписываются дополнительные семантические признаки, которые потом воплотятся в преддицирующие компоненты высказывания (глаголы, прилагательные). В результате тектограмматического подэтапа порождения получается набор иерархически организованных единиц

объективно-языкового кода, которые еще не обладают полной семантической характеристикой, но уже нагружены дополнительной семантикой.

При переходе к *фенограмматическому подэтапу* вводится линейный принцип. Здесь важны следующие операции: распределение семантических признаков, ранее приписанных одной кодовой единице, между несколькими единицами (зависит от структуры конкретного языка); линейное распределение кодовых единиц в высказывании, которые еще не имеют, однако, грамматических характеристик. Очевидно, именно с этим подэтапом соотнесено актуальное членение высказывания.

Практически одновременно с фенограмматическим подэтапом, как только выделится исходный элемент высказывания (его топик, логический субъект), начинается *синтаксическое программирование*. Этому подэтапу соответствует лексико-грамматическая характеристика высказывания в ходе движения по нему слева направо. Последовательным элементам приписываются все недостающие им для полной языковой характеристики параметры: 1) место в общей синтаксической схеме высказывания; 2) грамматические обязательства — конкретная морфологическая реализация места в общей схеме, а также синтаксически нерелевантные грамматические признаки; 3) полный набор семантических признаков; 4) полный набор акустико-арти-куляционных (или графических) признаков.

Как только складывается некоторое предположение о синтаксическом строении высказывания, включается механизм *синтаксического контроля*. Полученный прогноз соотносится с разными имеющимися данными: с программой, контекстом, ситуацией общения и т. д. Если противоречия нет, то происходит дальнейшее движение слева направо: на основании различных признаков выбирается очередное слово, ему приписывается полная характеристика и производится проверка на соответствие программе и другим

факторам. Если возникает несоответствие, то наблюдается несколько иная картина и здесь возможны варианты:

1. если причина несоответствия в неверном прогнозе, то прогноз просто заменяется и высказыванию приписывается другая синтаксическая схема, и так происходит до тех пор, пока не получится совпадения;

2. если при переборе всех возможных прогнозов совпадения все-таки не происходит, то необходимо перейти к новому классу прогнозов, вернувшись к исходному слову и приписав ему иную синтаксическую характеристику; тогда происходит трансформация высказывания;

3. если трансформация невозможна, то происходит возврат на внутреннюю программу и высказывание программируется заново.

Если достигнуто совпадение прогноза и имеющейся информации, то высказывание достраивается до конца. При этом возможна линейная инверсия отдельных слов и предикативных пар.

На выбор слов влияют ассоциативно-семантические характеристики слов, их звуковой облик и их субъективная вероятностная характеристика.

Помимо внутреннего семантико-грамматического программирования высказывания, происходит его моторное программирование (см. работы Л. А. Чистович), которое осуществляется уже после того, как произведено синтаксическое прогнозирование.

Таким образом, синтаксическая структура высказывания если и задана с самого начала, то лишь частично, и достраивается в самом процессе порождения. На «входе» блока реализации имеются сведения о программе, контексте, ситуации; кроме того, заданы классы прогнозов, сами прогнозы и их вероятность, правила соотнесения прогноза и грамматических обязательств и некоторая другая информация. На этой основе и происходит конструирование высказывания.

Т. В. Ахутина (Рябова) предлагает следующую последовательность уровней порождения:

- * уровень внутренней или смысловой программы высказывания — здесь осуществляется смысловое синтаксирование и выбор смыслов во внутренней речи;
- * уровень семантической структуры — здесь происходит семантическое синтаксирование и выбор языковых значений слов;
- * уровень лексико-грамматической структуры — здесь имеет место грамматическое структурирование и выбор слов (лексем);
- * уровень моторной программы — здесь осуществляется моторное (кинетическое) программирование и выбор артикулом.

На нейролингвистическом материале построена модель Т. В. Черниговской и В. Л. Деглина, которая предполагает несколько глубинных уровней речепорождения:

- * уровень мотива;
  - * уровень глубинно-семантический, на котором происходит глобальное выделение темы и ремы;
  - * уровень индивидуальных смыслов, начала внутренней речи;
  - * уровень пропозиционирования, выделения деятеля и объекта, здесь происходит перевод смыслов в значения;
  - * уровень глубинно-синтаксический, на котором формируются конкретно-языковые синтаксические структуры.
- Говоря о порождении, И. А. Зимняя выделяет три уровня:
- * мотивационно-побуждающий уровень (при этом различаются мотив и коммуникативное намерение);
  - * процесс формирования и формулирования мысли (разграничиваются смыслообразующая и формулирующая фазы);
  - * реализующий уровень.

МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Как пишет А. А. Леонтьев, все существующие теории восприятия речи могут быть классифицированы по двум основным параметрам: 1) *моторный* или *сенсорный* принцип восприятия; 2) его *активный* или *пассивный* характер.

Моторный принцип предполагает, что в процессе слушания реципиент определяет значения управляющих моторных сигналов, которые необходимы для производства сообщения, подобного услышанному.

Основным механизмом при *сенсорном* подходе является сопоставление сигнала с эталоном по акустическим признакам, моторное описание при этом рассматривается как побочное явление.

Пассивные теории восприятия — это теории пошагового принятия решений, близкие к модели с конечным числом состояний; например, «грамматика слушающего» Ч. Хокетта (Ch. Hockett). Пассивным теориям противостоит модель «анализа через синтез», предложенная М. Халле и К. Стивенсом (M. Halle, K. Stevens) и поддержанная Н. Хомским и Дж. Миллером. Суть этой теории сводится к следующему: чтобы воспринять высказывание, необходимо построить синтаксическую модель, которая полностью или частично совпадала бы с той моделью, которую мы использовали бы при порождении этого высказывания. И поскольку, с такой точки зрения, механизм понимания в своей основе ничем не отличается от механизма порождения (Э. Леннеберг — E. Lenneberg), то целый ряд моделей, представленных в первой части лекции как модели порождения, по сути являются и моделями восприятия. И последнее маленькое замечание: теория анализа через синтез не считает необходимо обязательным полное тождество семантических и грамматических операций при порождении и восприятии речи. При восприятии важную роль играют эвристические приемы.

В *когнитивной модели* восприятия У Кинча (W. Kintsch) концепция понимания речи основывается на идее пропозиций. При этом пропозиция состоит из предиката (может быть представлен глаголом, прилагательным, наречием или некоторыми другими частями речи) и одного или нескольких аргументов (обычно представлены существительными). Именно предикату принадлежит ведущая роль. Следовательно, высказывание — это система пропозиций, которые организуются в семантическую сеть «правилами согласования». В структуру модели У. Кинча входит «целевая схема», которая определяет, что более и что менее существенно для читателя в процессе понимания текста, восстанавливает пропущенные умозаключения, определяет содержательную «макроструктуру» высказывания на глубинном уровне. Эта структура является типичной структурой «семантических падежей» (Ч. Филмор), т. е. описывает взаимодействие актантов в рамках ситуации У. Кинч полагает, что оперирование компонентами высказывания при его понимании и интерпретации происходит на основе некоторого абстрактного представления о содержательной структуре ситуации. И система пропозиций как бы накладывается на это представление.

Более подробно о восприятии мы поговорим в лекции, посвященной порождению и восприятию текста.

Итак, в современной ПЛ разработаны *различные модели порождения и восприятия речи*, стохастические модели порождения, модели непосредственно составляющих, модели на основе трансформационной грамматики, когнитивные модели порождения (Шлезингера, Осгуда) и восприятия (Кинча), моторная vs сенсорная и активные vs пассивные теории восприятия, теория порождения и восприятия московской ПЛ школы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная *Леонтьев А А* Основы

психолингвистики М , 1999

Дополнительная

Исследование речи Новосибирск, 1968

Леонтьев А А Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания М, 1969

Модели восприятия речи Л , 1966

Сотсо Р Л Когнитивная психология М , 1996

Чистович Л А Психоакустика и вопросы теории восприятия речи//Распознавание слуховых образов Новосибирск, 1970

Osgood Ch E On Understanding and Creating Sentence // American Psychologist V 18 № 12 1963

Osgood Ch E Lectures on Language Performance NY, 1980

G A Miller, N Chomsky Finitary Models of Language User // Handbook of Mathematical Psychology V 2 NY, 1963

G A Miller, J A Selfndge Verbal Context and the Recall of Meaningful Material//American Journal of Psychology V 63, 1951

Kan J, Fodor J A The Structure of Semantic Theory // Language V 39 №2 1963

Chomsky N, Halle M The Sound Pattern of English NY, 1968

Knitsch W The Representation of Meaning in Memory Hillsdale, 1974

Knitsch W, Dijk T A van Towards a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review V 85 1978

ЛЕКЦИЯ 7

Виды знаний Когнитивные структуры

виды знаний

1) Первая классификация представляет в самом общем виде разграничение знания на *научное* и *ненаучное* (обыденное, житейское). Данные виды знаний не всегда противоположны, но достаточно различны. Научное знание распадается на естественнонаучное и гуманитарное.

Вкратце заметим, что А. А. Потебня писал о поэтическом и мифическом мышлении в связи с отношением сознания к образу. Если сознание относится к образу так, что образ считается объективным и поэтому целиком переносится в значение и служит основанием для дальнейших заключений о свойствах означаемого, то мы имеем дело с мифическим мышлением, при господстве которого научное мышление невозможно. Если же сознание относится к образу так, что образ рассматривается лишь как субъективная связь для перехода к значению и ни для каких дальнейших заключений не служит, то мы имеем дело с мышлением поэтическим; этот способ мышления выделяет научное мышление, так как объективное противопоставляется субъективному. Мышление мифическое определенным образом соотносится с мышлением недискретным, которое современные исследователи отграничивают от дискретного, помимо этого в современной литературе разграничивают дискурсивное vs недискурсивное сознание.

2) Следующая классификация также является классификацией общего типа. В ее рамках разграничиваются знание *социальное* и знание *индивидуальное*. К социальному

знанию относятся знания: философское, экономическое и/ или естественнонаучное, гуманитарное). Некоторым образом это соотносится с социальной vs индивидуальной психикой, о которых мы говорили ранее. Социальное и индивидуальное знание противопоставлены по степени известности, т. е. как континуум с градуальной шкалой (В. Я. Ша-бес). Данное разграничение не следует путать с противопоставлением коллективного и индивидуального знания А. А. Залевской, которое учитывает формы существования знания, их организации и функционирования (тех, кого заинтересовала концепция Залевской, я отсылаю к ее работам).

3) Если в центре внимания находится продуктивная деятельность человека, то разграничиваются знания *предметные* и *методологические*. Предметные знания — это знания о некоторой предметной области объективного мира. Методологические знания — знания о знаниях и о способах деятельности, о процедурах оперирования знаниями (И. П. Калошина). Это может быть представлено на следующей схеме (А. А. Залевская) (см. сх. 4):

Схема 4. Знания предметные vs методологические

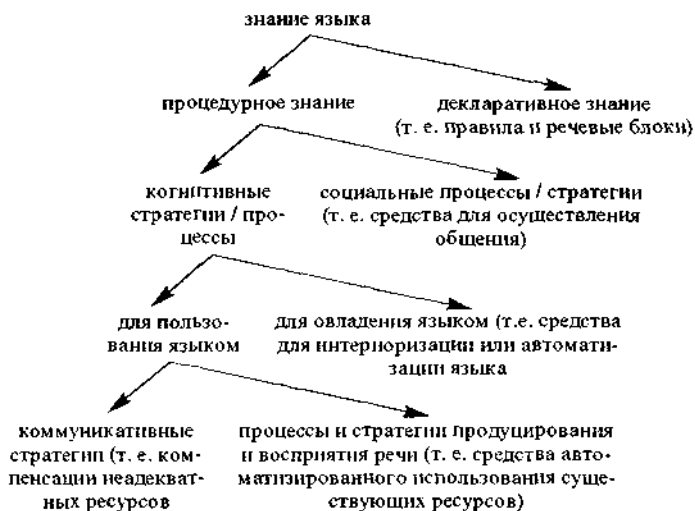

4) При овладении языком разграничивают знания *языковые* и *метаязыка вые*. К последним относятся знания:

- о коммуникативных ситуациях, в которых встречаются те или иные языковые формы;
- о языковых единицах и типичных ошибках;
- о языковых общностях и о принадлежности элементов языка и языка в целом к определенной общности носителей языка (Г. В. Ейгер).

5) Из информатики и исследований искусственного интеллекта пришло разграничение знаний *декларативных* и *процедурных*. Декларативные знания — это знания о чем-либо, проявляются на уровне вербального описания. Знания процедурные — это знания, как сделать что-либо, они проявляются на уровне реального действия. Данное противопоставление оказывается особенно актуальным при рассмотрении вопросов, связанных с овладением и использованием языком. Так, Р. Эллис (R. Ellis) предлагает следующую схему (см. сх. 5).

Схема 5. Знания процедурное vs декларативное

Данное разграничение опирается на концепцию Андерсона (J. R. Anderson), который предложил противопоставление: знание фактов vs знание процедур.

б) По содержанию знания делятся на *энциклопедические* и *языковые*. К энциклопедическим относятся знания о мире, неязыковые, прагматические, фоновые. К языковым относятся знания о языке. Но здесь заложена определенная сложность: языковые и неязыковые знания могут разграничиваться по содержанию (т. е. знание о чем?) и по форме (т. е. вербализованные vs невербализованные).

К этому разграничению энциклопедических (неязыковых) и языковых знаний мы вернемся, когда будем рассматривать феномен когнитивных структур. И кроме того, отметим, что последние 3 разграничения (языковые vs мета-языковые, декларативные vs процедурные и энциклопедические vs языковые) имеют для обсуждаемых проблем особое значение, и впоследствии мы увидим это. А сейчас продолжим разговор о видах знаний.

7) Знания *врожденные* vs *приобретаемые*. В 1966 г. на Эдинбургской психолингвистической конференции Д. МакНил (D. McNeill) в своем докладе сказал приблизительно следующее: удивительные успехи детей при усвоении языка (имелся в виду родной язык) заставляют предположить наличие у них врожденной способности к овладению языком. Дети каким-то непостижимым образом постигают абстрактную грамматическую информацию, которая прямо не манифестирована в поверхностной структуре речи. После этого в научных кругах развернулась дискуссия: как ребенок овладевает языковыми закономерностями? В результате сформировались 2 подхода: эмпирический и рационалистский.

Эмпирики отрицают наличие врожденного знания, но допускают существование врожденных средств (механизмов и процедур) овладения языком. В принципе этот подход соотносим с идеями отечественных психологов и психо-

лингвистов, говоривших, что знания не даны ребенку, а лишь заданы (А. Н. Леонтьев). Решающая роль в процессе овладения языком отводится прижизненному опыту, благодаря которому формируется знание.

Рационалисты полагают, что человек от рождения обладает определенным «базовым» знанием. Правда, «в товарищах согласия нет», т. е. нет единого мнения о характере этих знаний и нет единого объяснения, как эти знания «извлекаются» и используются.

Некоторые ученые (Дж. Локк и его последователи) полагают, что любое знание выводится из чувственного опыта. Другие (начиная еще с Аристотеля) считают, что только чувственного опыта явно не достаточно, необходимы еще врожденные средства и условия для усвоения языка.

Известный психолог Ж. Пиаже писал, что при рождении у ребенка есть «недифференцированные» схемы. Благодаря этим схемам через опыт формируется интеллект, который в свою очередь обеспечивает овладение абстрактными грамматическими знаниями. Из этого следует, что знание языка есть продукт интеллекта.

Х. Патнем (H. Putnam) также увязывает освоение языка с интеллектом, однако она допускает врожденный характер интеллекта и постулирует наличие у ребенка базовых многоцелевых стратегий научения.

И вот мы подошли к рассмотрению концепции Н. Хом-ского, влияние идей которого на развитие лингвистики и ПЛ, пожалуй, трудно переоценить (как бы к ним ни относиться). В книге «Aspects of the Theory of Syntax» (Cambr. Mass., 1965) и в более поздних работах он проанализировал аргументацию представителей обоих подходов и в рамках пересмотренного и уточненного рационалистского подхода сформулировал свою идею врожденного знания.

Содержанием врожденного знания, по Хомскому, является универсальная грамматика. Она предстает как набор глубинных синтаксических структур. Вот эти глубин-

ные синтаксические структуры и являются базой для овладения языком. Эта база задает определенную подсистему правил и множество разнообразных условий. Подсистема правил составляет каркас структуры любого языка. А задаваемым базой условиям, формальным и субстанциональным, должна отвечать любая дальнейшая разработка грамматики.

Тот факт, что ребенок легко овладевает языком, Хомский объясняет следующим: врожденная универсальная грамматика задает схему, которой должна подчиняться любая конкретная грамматика. Таким образом, овладевая языком, не нужно изобретать высоко абстрактную и сложно структурированную теорию на основе не полных («дефектных») данных речевого опыта. Нужно лишь решить значительно более легкую задачу: установить, какому из весьма ограниченного набора языков принадлежат эти данные. В более поздних работах Хомский выдвинул идею «переключателей» (switches), суть которой сводится к следующему: человек обладает врожденными знаниями об определенных языковых принципах (параметрах), которые по-разному реализуются в разных языках. Дети «заранее знают», что тот или иной параметр может иметь разные проявления, но они должны «открыть», какие именно проявления характерны для их языка, т. е. поставить «переключатель» в нужное положение.

Эти (равно как и другие) идеи Хомского имели и имеют по сей день немало последователей. Среди ярких сторонников Хомского можно назвать С. Пинкера (S. Pinker), который основывается на модульном подходе к трактовке речевого механизма и постулирует существование специфического «языкового инстинкта», встроенного в мозг человека в результате эволюции.

Но идеи Хомского имеют не только сторонников, но и противников. И не известно, кого больше и кто из них более непримирим. Сошлемся в этой связи на работы

Н. В. Уфимцевой, в которых не только дается аргументированная критика идеи врожденных знаний, но и представлены взгляды отечественной психологической школы, базирующейся на трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. Суть отечественной концепции такова: структуры языка не являются врожденными, они есть результат отражения основных отношений объективной действительности; основания для овладения языком лежат вне индивида, в санкционированных обществом нормах и способах общения; носителем этих норм и способов для ребенка является взрослый.

Схожие идеи высказывают и другие исследователи. Так, Б. М. Величковский подчеркивает, что идеям врожденного знания и модульности работы языкового механизма противопоставляется коннекционистская аргументация в сочетании с *экологическим подходом* и *культурно-исторической психологией*. При этом экологический подход имеет дело с физическими аспектами окружения, а основной идеей культурно-исторической психологии, опирающейся на концепцию Л. С. Выготского и восходящей к его идеям, является следующая: культура оказывает влияние на поведение, мозг, сознание. Таким образом, по мысли Величковского, внимание обращается не на то, «что есть внутри вашей головы», а на то, «внутри чего находится ваша голова». Структуры и значения, которые существуют в культуре до рождения ребенка, усваиваются им через когнитивные и социально-когнитивные навыки с помощью взрослых, которые эти навыки передают детям (М. Tomasello). Овладение языком начинается на досознательном уровне, осуществляется путем постепенного включения ребенка во взаимодействие с окружающими людьми и в результате обеспечивает полноправное участие в межличностном общении.

Д. Стейнберг (D. D. Steinberg) отмечает, что споры между эмпириками и рационалистами идут уже тысячи лет и могут идти еще столько же, но первые не могут убедитель-

но объяснить, как знания извлекаются из опыта, а вторые — откуда берется врожденное знание.

М. Тернер (M. Turner) считает, что часть усваиваемого ребенком опыта (благодаря окружению и регулярности) настолько устойчива и универсальна, что может выглядеть как врожденная.

8) Знание *выученное* vs *освоенное*. Данным видам знания посвящена обширная литература. Р. Эллис на основе обзора существующих работ выделяет три основные точки зрения: 1. эти типы языкового знания четко разграничиваются и автономны; 2. данные виды знаний различны, но не автономны; 3. модель овладения вторым языком базируется на двух взаимодействующих видах знания.

Первая точка зрения связана с именем С. Крашена (S. Krashen), который четко разграничивает, с одной стороны, знание *выученное* (learnt knowledge, pedagogical rules) и с другой — знание *освоенное*, (благо)приобретенное (acquired knowledge, internalized rules). *Выученное знание* приобретается в результате целенаправленного обучения; внимание фокусируется на формальные признаки изучаемого языка. Выученное знание состоит из метаязыковых правил, которые могут использоваться только в качестве «монитора», регулирующего оперирование приобретенными знаниями. Выученное знание соотносимо с метаязыковыми, декларативными знаниями. *Знание освоенное* — «благоприобретается» автоматически, через естественную коммуникацию; внимание фокусируется на значении сообщения. Освоенное знание соотносимо с языковыми, процедурными знаниями. По идее С. Крашена, данные виды знаний автономны, так как выученное знание не гарантирует владение правилами, а освоенное знание может приобретаться без выучивания правил. Кроме того, выученное знание никогда не переходит в освоенное.

Вторая точка зрения представлена работами Х. Селид-жера (H. Seliger) и Е. Стевика (E. Stevick). Суть ее сводится

к тому, что обучаемый использует в процессе *обучения разные виды знаний, но они не являются автономными.*

Х. Селиджер считает, что у каждого обучаемого формируются его собственные, индивидуальные репрезентации тех правил, которые он выучивает в школе. Кроме того, выученные правила не описывают того внутреннего знания, которое функционирует в естественной коммуникации, и поэтому такие правила не могут рассматриваться как обеспечивающие речевое поведение как таковое. Но вместе с тем, такие правила фокусируют внимание обучаемых на тех «критических» признаках понятий, которые им предстоит вывести самим. Следовательно, выученные правила являются «облегчителями» усвоения знаний. И общий пафос — выученное знание не может переходить в приобретенное.

Е. Стевик же допускает переход от выученного знания к приобретенному и обратно. Выучивание связано с «вторичной» памятью, которая удерживает информацию дольше двух минут, но, если материал не используется время от времени, он постепенно утрачивается. Освоение связано с «третичной» памятью (иным видом памяти), которая удерживает материал, даже если он не используется. Как и С. Крашен, Стевик считает приобретение продуктом коммуникативного опыта, но допускает, что при этом может использоваться и недавно выученный материал, представляющий собой фрагмент вторичной памяти. Если это происходит, то происходит переход от вторичной памяти к третичной, т. е. от выученного к освоенному.

Третьей точки зрения придерживается Е. Бялысток (E. Bialystok). Эта точка зрения сводится к следующему: модель овладения вторым языком базируется на двух *взаимодействующих* видах знания — *имплицитном и эксплицитном.* Противопоставление указанных видов знания можно найти также и у С. Гэсс и Л. Селинкера (S. M. Gass & Selinker L.). При этом имплицитное знание трактуется

как интуитивная информация, которой оперируют обучаемые, а эксплицитное понимается как осознаваемое знание о языке, т. е. вербально формулируемые правила. Эксплицитное знание может перейти в имплицитное через практику. Из этого делается вывод, что имплицитное знание может формироваться и что существует два пути для подобного формирования имплицитного знания: 1. главный путь — «неосознаваемое приобретение»; 2. вспомогательный путь — через автоматизацию эксплицитного знания.

В отечественной психологии и лингводидактике возможность / невозможность перехода выученного в освоенное обсуждается как проблема взаимоотношения знаний и навыков. Б. В. Беляев выстраивает следующую цепочку: языковые знания переходят в первичные умения, которые, в свою очередь, через речевую практику, многократное повторение соответствующего умения переходят в речевые навыки (компоненты речевых умений), на основе которых формируется вторичное умение, т. е. речь.

Противопоставление выученного и освоенного, эксплицитного и имплицитного, декларативного и процедурного знания, знаний и умений соотносимо с оппозицией «знание языка (knowledge) vs владение языком (proficiency)» (и здесь я снова должна назвать имя Н. Хомского, которого уже упоминала). Знание языка связано с базирующейся на изучении / усвоении знаний (learning) языковой компетенцией, *linguistic competence* (по Хомскому). Она понимается как ментальные репрезентации языковых правил, которые выступают в роли внутренней грамматики идеального говорящего-слушающего. Владение языком связано с коммуникативной компетенцией, базируется на овладении умениями (acquisition), с *linguistic performance* Хомского, трактуемой как понимание и продуцирование речи.

9) И наконец, *выводное знание*. Оно стоит несколько особняком и связано с феноменами, о которых мы будем говорить несколько позднее, при обсуждении факторов,

обуславливающих понимание текста. Выводное знание связано с такими феноменами, как внутренний контекст, им-пликатура, фоновые знания, пресуппозиция, когнитивные структуры. Подробно мы остановимся на указанных понятиях в последующих лекциях, а сейчас представим только самое общее понимание.

Как следует из самого термина, выводное знание выводится из того материала, который получает реципиент в качестве исходного материала. А. А. Залевская отмечает, что выводное знание правильнее было бы называть выводным знанием / отношением, так как личностная интерпретация выводимых фактов всегда сопровождается их эмоционально-оценочным переживанием. Это переживание является к тому же мощным фактором, который направляет внимание индивида и нередко заставляет его делать «не те» выводы, заполняя пробелы между явно выраженным в тексте «не теми» промежуточными переменными.

Выводное знание может основываться на языковых или энциклопедических знаниях. При этом интегрирование выводного знания и того, что непосредственно дано в тексте, может приводить к забыванию синтаксической структуры самого текста и к сохранению только его смысловой сути (Дж. Кесс). Это определенным образом соотносится с концептом текста Н. И. Жинкина, о котором мы будем говорить при обсуждении текста как объекта ПЛ, сейчас мы просто констатируем данный факт.

Многие исследователи (F. Ungerer, H.-J. Schmidt, A. Garnham) отмечают, что проблема выводного знания приобрела особенное значение в связи с исследованиями искусственного интеллекта, развитием методик общения «человек — машина», разработкой компьютерных программ понимания текста на естественном языке. Связано это с тем, что машина часто не в состоянии расшифровать скрытые в тексте смыслы именно в силу того, что в нее (машину) не заложена информация, которой владеет каждый

говорящий на том или ином естественном языке: знание целостного контекста, знание фактов, знание того, как обычно происходит то или иное событие, знание «ожидаемых» результатов общения и т. д.

А. Гарнхам полагает, что из всех существующих классификаций видов выводного знания наиболее интересными для теории понимания текста являются следующие три:

1. выводное знание ранжируется от логического вывода, зависящего только от значения слов (напр., *машина красная, значит, она покрашена*), до использования детализированных знаний о мире;

2. в некоторых случаях выводное знание абсолютно необходимо для увязывания событий в тексте (в других случаях его можно привлекать, но это не является обязательным), в лингвистике это принято называть *bridging inference*, т. е. выводное знание выступает в роли мостика, который позволяет увязывать разные высказывания в тексте, обеспечивая его связность;

3. выводное знание об описанных в тексте ситуациях, обозначенное в (1) и (2), может противопоставляться выводному знанию о намерениях автора, т. е. прагматической интерпретации; это связано с импликатурами дискурса, на чем мы и остановимся сейчас более подробно.

Мы уже говорили, что выводное знание связано с понятиями импликации, пресуппозиции, внутреннего контекста, фоновых знаний. Сейчас мы остановимся подробно только на понятии импликации.

Для начала отметим, что термины «импликация» и «пресуппозиция» пришли в лингвистику из логики и непосредственно связаны с понятиями истинности / ложности некоторых суждений. Под *импликацией* в логике понимается операция, связывающая два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связки, которой в обычном языке соответствует союз «если... то...»: «Если А, то Б» (т. е. А влечет за собой Б) (Н. И. Кондаков). Соответ-

ственно, в логике «имплицитная посылка» есть посылка, опущенная, но подразумеваемая в том или ином умозаключении, а «имплицитное» есть нечто, неявно содержащееся в чем-либо. В лингвистике «импликация» есть подразумевание, а «имплицитный» обозначает подразумеваемый, невыраженный (О. С. Ахманова), не выраженный в явном виде (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский). Лингвистические импликации «работают» только в одну сторону (Л. Карттунен), т. е. к ним неприменимо правило обратного вывода, и их необходимо отличать от логических отношений. Для облегчения данной задачи и во избежание терминологической путаницы лингвисты используют термин Г. Грайса (Н. Р. Grice) — имплицатуры речевого общения, или коммуникативные имплицатуры (*conversational implicatures*). При этом имплицатура понимается как часть смысла высказывания, которая выводится по определенным правилам из буквального значения сказанного (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский); при этом в случае конвенциональных имплицатур вывод может основываться на общих знаниях о мире (соотносимо с обобщенными имплицатурами Г. Грайса, действие которых универсально, т. е. учитывается всегда), в случае неконвенциональных имплицатур вывод делается на основе знаний о ситуации (соотносимо с имплицатурами дискурса, по Грайсу, которые действительны только в определенном ситуативном контексте).

Дженни Томас (J. Thomas), разбирая концепцию Г. Грайса, отмечает, что необходимо различать импликацию и выводное знание (в наших терминах). Так, фраза *«Она живет в Лондоне»* предполагает вывод *«Она живет в Англии»*. Но это не является импликацией в точном смысле этого термина. Сравните только что приведенный пример и следующий: фразой *«Здесь так душно!»* автор может непрямо просить (намекать) открыть окно. Таким образом, *имплицировать — это намекать, непрямым способом указывать на что-то языковыми средствами*. При опоре на вы-

водное знание реципиент выводит некоторое заключение из очевидного, последнее может иметь языковой, паралингвистический и экстралингвистический характер, а имплицуемое автором может приводить реципиентов к весьма различающимся выводам. Исходя из того, что пишет Дж. Томас, можно сделать вывод, что *импликация — это то, что входит в сферу автора, а выводное знание принадлежит сфере реципиента.*

Говоря о различных видах знания, необходимо вкратце остановиться на понятиях *интериоризация* и *экстериоризация* знаний. Обычно при обсуждении указанных понятий исходят из работ Ж. Пиаже и Л. С. Выготского, но, несмотря на единые источники, данные понятия до сих пор трактуются неоднозначно. Так, А. Г. Асмолов выделяет 3 грани интериоризации:

1) индивидуализация; через раскрытие этой стороны интериоризации Выготский отразил основной генетический закон культурного развития: от интерпсихического (социальной, коллективной деятельности) к интрапсихическому (индивидуальному, собственно психологическим формам деятельности ребенка);

2) интимизация; переход от «мы» к «я»; самосознание личности;

3) производство внутреннего плана сознания; при этом, по Выготскому, «при вращивании, т. е. переходе функции внутрь, происходит сложнейшая трансформация всей ее структуры», иначе говоря, не может идти и речи о прямом механистическом переводе внешнего во внутреннее.

По А. Г. Асмолову, интериоризация есть механизм социализации. В наши дни интериоризация понимается более узко: как механизм превращения материального в идеальное, внешнего во внутреннее.

Соответственно, экстериоризация есть переход, перевод внутреннего во внешнее, переход от интра- к интерпсихическому, вербализация, логическая обработка и т. д. На-

пример, всем известно, как трудно подчас осваивать ребенку грамматику родного языка — овладевать метазнаниями — при активном и свободном оперировании ею и владении языком. Или, другими словами, формирование эксплицитного знания может сопровождаться значительными трудностями даже при наличии знания имплицитного. Отметим, что при экстерииоризации также имеют место сложнейшие процессы трансформации всей структуры.

ФОРМА ХРАНЕНИЯ ЗНАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А теперь попробуем разобраться в том, как *хранятся знания*, различные виды которых мы только что рассмотрели, *и представления*. Примем в качестве рабочей следующую гипотезу: знания и представления хранятся в сознании в виде *когнитивных структур (КС)*, которые представляют собой некую «содержательную» (т. е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования¹ и хранения информации. Информация, кодируемая и хранимая в виде КС, включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знание языка и знание о языке, т. е. связана с языковыми знаниями и энциклопедическими (в широком смысле — неязыковыми). Следовательно, различаются феноменологические и лингвистические когнитивные структуры.

Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т. е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т. д.

¹ Под кодированием мы, вслед за психологами, понимаем «перевод информации, воспринятой органами чувств, на язык, понятный мозгу», по формулировке Р. С. Немова.

Лингвистические когнитивные структуры (ЛКС) лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фоне-тико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке.

Когнитивная структура — неделимая и нечленимая когнитивная единица, хранящая «свернутое» знание и/или представление. КС — это своего рода «элементарные» единицы, т. е. базисные, основные, с одной стороны, и далее неделимые и нечленимые — с другой. Если мы попытаемся «развернуть» КС, то мы вынуждены будем проделать практически то же, что мы делаем, переводя внутреннюю речь во внешнюю. При разворачивании КС имеет место вербализация, т. е. активизируются не только когнитивная структура-«объект», но и когнитивные структуры-«посредники», т. е. те, с помощью которых и происходит вербализация, т. е. ЛКС. С этим связаны определенные (и большие!) трудности в изучении самих КС, которые, как «поручик Кижэ, фигуры не имеющий», предстают исследователю лишь в опосредованном виде.

Когнитивные структуры определенным образом соотносятся с разными видами компетенции: они формируют нашу компетенцию и лежат в ее основе. В лингвистической, психолингвистической, лингводидактической литературе выделяются в первую очередь языковая, речевая и предметная компетенции. В последнее время особо пристальное внимание исследователей привлекает компетенция культурная. В докторской диссертации И. В. Михалкина предлагает некоторую классификацию типов компетенций, в которую входят языковая, речевая, социолингвистическая, цивилизационная, предметная, стратегическая, дискурсивная и коммуникативная компетенции. Последняя предстает как высшая форма владения языком, как итоговая цель обучения, т. е. может быть определена как кон-

гломерирующая форма компетенции (И. В. Михалкина). Указанные виды компетенции представляют собой некую иерархическую структуру, в которой могут быть выделены не только высший уровень, но также и базовый и промежуточный. Иначе говоря, языковая, речевая, предметная и культурная компетенции являются элементами базового уровня данной системы, они достаточно самостоятельны и независимы (первые две, разумеется, в большей степени связаны между собой, нежели другие виды компетенции из последнего перечня). Определенное сочетание данных компетенций позволяет говорить о компетенции более «высокого» порядка, например:

(языковая + речевая) + предметная = социолингвистическая;
 предметная + социолингвистическая = стратегическая; и т. д.

Нельзя не согласиться с И. В. Михалкиной, что венчает эту «пирамиду» компетенция коммуникативная. Если говорить о «базовых» видах компетенции (языковой, речевой, предметной, культурной) и «высшей» компетенции — коммуникативной, а также об их соотношении с феноменологическими и лингвистическими когнитивными структурами, то можно, очевидно, выявить некоторые параллели (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение вида компетенции и типа КС

компетенция	когнитивные структуры
языковая речевая	ЛКС
предметная	ФКС
культурная	ФКС ЛКС
коммуникативная	ЛКС + ФКС

Иначе говоря, языковая и речевая компетенции формируются в первую очередь именно лингвистическими когнитивными структурами (с ЛКС связана и языковая способность). Предметная (профессиональная, научная и т. д.) компетенция самым тесным образом связана с феноменологическими когнитивными структурами, хотя трудно говорить о ФКС «в чистом виде», без задействования ЛКС. Однако если мы понаблюдаем за межкультурным общением² коллег в области, например, математики, физики или химии, имеющих общий код в виде формул, то окажется, что их предметной компетенции и, следовательно, ФКС, которыми обладают коммуниканты, вполне достаточно для адекватного общения (хотя и в весьма специфической ситуации, разумеется). Культурная компетенция формируется как ЛКС, так и ФКС в их взаимосвязи, т. е. лингвистическими КС, за которыми стоят феноменологические, и наоборот, феноменологическими, вербализуемыми определенными ЛКС. В первую очередь это связано с различными культурными предметами, которые рассматриваются в совокупности их формы (вербального выражения — ЛКС) и содержания (образа, представления — ФКС). И, наконец, коммуникативная компетенция необходимо включает в себя в качестве компонентов все только что указанные виды компетенции и, следовательно, самым непосредственным образом формируется и ФКС, и ЛКС.

С различными когнитивными структурами связаны и разные «картины мира», о которых мы говорили ранее: очевидно, что ЛКС самым непосредственным образом участвуют в формировании языковой картины мира, в то время как «материалом» формирования (концептуальной) картины мира служат в первую очередь ФКС. Последние име-

² Имеется в виду общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ.

ют (или могут иметь) вербальную «оболочку», т. е. выступают в паре с ЛКС.

Поскольку ЛКС и ФКС, как правило, неразрывно связаны, то и функционируют они, так сказать, «в связке», однако в определенные моменты человеческой деятельности на первое место могут выступать либо феноменологические, либо лингвистические когнитивные структуры. Так, например, если мы, забегая несколько вперед, обратимся к проблеме восприятия текста, то окажется, что уровни восприятия речевого сообщения (по А. Р. Лурии) тоже, по-видимому, связаны с задействованием когнитивных структур разных типов: на первом уровне имеют место процессы расшифровки воспринимаемых «языковых кодов и, следовательно, активизируются в первую очередь ЛКС; на втором уровне происходят процессы расшифровки глубинного смысла, который лежит за воспринимаемым сообщением, и основная «нагрузка» приходится на ФКС. То же справедливо, на наш взгляд, и когда мы обращаемся к проблеме разграничения понимания и интерпретации текста (по Е. С. Кубряковой): в понимании главную роль играют ЛКС, при интерпретации — актуализируются ФКС (вкратце разница между пониманием и интерпретацией может быть определена следующим образом: «*Интерпретация* происходит в общем контексте познавательной и оценочной деятельности человека в отличие от *понимания*, происходящего в опоре на язык»). И наконец, для формирования выводного знания как языкового, так и энциклопедического необходимы как ЛКС, так и ФКС. Иначе говоря, для распремечивания речевого текста требуются лингвистические знания (ЛКС), а для распремечивания предметов, на которые указывается в тексте, требуются также и энциклопедические знания (Е. Ф. Тарасов, М. Л. Соснова), т. е. ФКС (в скобках заметим, однако, что только «энциклопедических» знаний зачастую бывает недостаточно, для указанной процедуры могут оказаться необходимыми как

раз не энциклопедические знания, но «знания» образов и представлений, коннотаций и оценок, бытующих в том или ином национально-лингво-культурном сообществе).

Итак, повторим основные положения лекции. **Виды знаний.**

Общие классификации: научное/ ненаучное знание; социальное / индивидуальное.

Оппозиции видов знаний, актуальные для лингвистических и психолингвистических исследований: предметные / методологические; языковые / энциклопедические; врожденные / приобретенные

языковые	метаязыковые;
процедурные	декларативные;
освоенные (acquired)	выученные (learnt);
имплицитные	эксплицитные;
владение языком (proficiency)	знание языка (knowledge);
умения	знания
linguistic performance ментальные репрезентации языковых правил, внутренняя грамматика идеального говорящего	linguistics competence понимание и продуцирование речи

Импликатура, по Грайсу, есть часть смысла, выводимая из буквального значения высказывания. При разграничении импликации и выводного знания: импликация — это то, что автор «закладывает» в высказывание, то, на что он намекает, импликация принадлежит сфере автора; вы-

водное знание — это некоторое заключение реципиента из очевидного, выводное знание входит в сферу реципиента

Интериоризация — механизм социализации, превращение внешнего во внутреннее *Экстериоризация* — переход внутреннего во внешнее, от интрапсихического к интерпсихическому

Когнитивная структура есть содержательная форма кодирования и хранения информации Различаются ЛКС и ФКС
Разные типы КС соотносятся с разными видами компетенции

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Горелов И Н Седов К Ф Основы психолингвистики М , 1997

Залевская А А Введение в психолингвистику М , 1999

Леонтьев А А Основы психолингвистики М , 1999

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность⁹ Человек
Сознание Коммуникация М , 1998

Дополнительная

Ахманова О С Словарь лингвистических терминов М , 1966

Потебня А А Из записок по теории словесности Харьков, 1905

Потебня А А Из записок по русской грамматике Т I—II М 1958

Потебня А А Мысль и язык // Слово и миф М , 1989

Chomsky N Syntactic Structures The Hague 1957

Chomsky N Aspects of the Theory of Syntax Cambr MA 1965

Chomsky N Language and Mind NY 1968

Chomsky N Knowledge of Language Its Nature Origin and Use NY, 1986

Garnham A Psycholinguistics Central Topics London NY, 1985

Grice H P Logic and Conversation // Syntax and Semantics Vol 3 Speech
Acts NY, 1975 P 41—58

Grice H P Presupposition and Conversational Implicature // Radical Prag
matics NY, 1981 P 183—198

Krashen S Principles and Practice in Second Language Acquisition Oxf
1982

Putnam H Against the New Associationism// Speaking Minds Interviews
with Twenty Eminent Cognitive Scientists Baumgartner P & S Payr (Eds)
Princeton W 1995 P 177—188

ЛЕКЦИЯ 8

Процесс социализации Феномен языковой личности Человек говорящий Знания и представления

ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ

Мы с Вами уже говорили, что человека отличает наличие сознания — сознательного отражения действительности. Повторим, что сознание 1) есть высшая функция мозга, 2) свойственно только человеку, 3) реализуется с помощью механизмов речи, 4) состоит в целенаправленном отражении объективного мира, регуляции действий и оценке их результатов, в контроле отношения к действительности (А.А. Брудный). При этом мы можем выделить и еще одну особенность специфически человеческого отражения — его социальный характер. Социальное отражение дает возможность регулировать, координировать и направлять свои действия к определенной цели, а также предвидеть их последствия (Р. Ше-ралиева). Социальная психика есть система взглядов, убеждений, этических оценок, эстетических вкусов, эмоций, чувственных настроений и т.д., присущих большим группам людей, классам, обществу в целом (Н.И. Смирнова) (интересующихся отошлю к книге А.Н. Леонтьева 1994 г.)

Если рассматривать сознание с точки зрения его социального характера, то психика личности предстает как отображение в сознании личности ее взаимодействия с другими людьми, при этом психика служит инструментом социальной регуляции актуальной деятельности, а сама деятельность осуществляется по образцам, в которых воплощен опыт общества. Иными словами, психика личности

хранительница образцов деятельности, канал социальной регуляции деятельности личности, независимо от ее произвола (Е. Ф. Тарасов).

«Индивидуальное сознание как высшая специфически человеческая форма психического отражения формируется, развивается в предметно-практической деятельности человека, в его общении с другими людьми. В такой трактовке индивидуальное сознание человека есть определенная проекция общественного» (И. А. Зимняя). Вместе с тем, может иметь место и «обратное» влияние, когда образы индивидуального сознания становятся достоянием общественного сознания, когда они отображаются на культурные предметы и квазипредметы (тела знаков), означаются через общественно закрепленные знания (значения) (Е. Ф. Тарасов). При этом взаимопереход между индивидуальным и общественным сознанием осуществляется в процессе *общения* (А. А. Брудный).

Носителем индивидуального сознания является личность как член общества, способная к коммуникации (общению) и осуществляющая таковую. А. Н. Леонтьев предложил следующее разграничение «субъекта»: 1) особь (как отдельный субъект); 2) индивид (как генотипическое образование, отличное от других представителей того же вида); 3) личность. Личностью может быть только человек. Как пишет Е. С. Никитина: «Что такое человек? — спрашивал Выготский. Для Гегеля — это логический субъект. Для Павлова — организм. Для психологов и психолингвистов — *социальная личность, совокупность общественных отношений, воплощенная в индивиде*».

Генезис личности не может быть полностью объяснен биологически, хотя в основном и предопределен анатомическим и физиологическим складом индивида. Но не менее важными, чем биологические, и обуславливающими развитие личности следует считать социально-психологические факторы — детерминанты детства (Э. Сепир). Та-

ким образом, индивид становится личностью в *процессе социализации*. Отмечу сразу, что термин «социализация» употребляется здесь по отношению к процессу становления личности, к процессу вхождения ребенка в социум (этнос, национально-лингво-культурное сообщество). Вместе с тем, существует иное понимание (иногда представленное, например, в некоторых трудах Э. Сепира), при котором под «социализацией» понимается обретение тем или иным феноменом статуса социального явления; ср.: «в различных мировых культурах социализация личностных черт постепенно формирует предрасположенность к специфическим психологическим свойствам в культурах мира».

Процесс социализации является главным процессом, который характеризует психическое развитие ребенка. Социализация — это специфический процесс, в ходе которого ребенок усваивает (или присваивает) достижения развития предшествующих поколений. Эти достижения в отличие от достижений филогенетического развития животных не фиксируются морфологически и не передаются путем наследственности. По мысли А. Н. Леонтьева, *человеческие способности формируются в самом этом процессе*. Мышление и знания людей каждого последующего поколения не передаются в порядке биологической наследственности, но формируются у них прижизненно, в процессе усвоения ими культуры, созданной предшествующими поколениями. Как пишет Дж. Дьюи (J. Dewey), «мы живем от рождения до смерти в мире людей и вещей, который в большой мере таков, каков он есть, благодаря тому, что было порождено и передано нам предшествовавшей человеческой деятельностью. Когда этот факт игнорируют, опыт трактуют как нечто, происходящее внутри тела или души отдельного человека. Нет необходимости говорить, что опыт не возникает в вакууме, вне индивида существуют источники, порождающие развитие опыта». Таким образом, в процессе социализации осуществляется трансляция

культуры, и именно трансляция культуры представляет собой, на наш взгляд, «содержание» процесса социализации (заметим в скобках, что с трансляцией культуры и во многом посредством ее происходит становление культуры; но об этом аспекте процесса социализации мы будем говорить более подробно в курсе этнопсихолингвистики).

Итак, биологически унаследованные свойства не определяют психических способностей человека, не содержащихся виртуально в его мозгу. Мозг заключает в себе не те или иные специфические способности, а лишь *способность к формированию этих способностей* (А. Н. Леонтьев) (ср. также с идеей Э. Сепира: «Справедливо, конечно, что человек в некотором смысле предназначен к тому, чтобы говорить, но это всецело связано с тем, что рождается он не только в природе, но и в лоне общества, которое не может не приобщить его к своим традициям»). Само развитие и формирование психических функций и способностей, свойственных человеку как существу социальное, происходит в совершенно специфической форме — в форме процесса усвоения, овладения. Данный процесс — это всегда *активный* процесс. Объективно действия и операции, необходимые для того, чтобы ребенок научился правильно пользоваться предметом¹, воплощены, *даны* в предмете, но для ребенка, субъективно, они только *заданы* (А. Н. Леонтьев). Иначе говоря, решающим фактором в развитии психики человека мы можем признать социальное наследование (Н. В. Уфимцева).

Таким образом, чтобы «социализироваться», стать членом того или иного общества и, следовательно, личностью, индивиду необходимо усвоить, присвоить опыт, накопленный членами данного общества, достижения (духовной и материальной) культуры, научиться пользоваться объек-

¹ При этом предмет действия есть не что иное, как его осознаваемая цель (А. Н. Леонтьев).

тивными материальными предметами, созданными в процессе развития человечества. Иными словами, чтобы стать членом того или иного национально-лингво-культурного сообщества, необходимо «присвоить» сознание этого сообщества. Осуществляется это в основном «посредством общения с и приспособления к обладающему своими смыслами большому и устойчивому социальному миру, в котором они [индивиды] родились» (J. G. Delia, B. J. & D. J. O'Keef). При этом одним из основных каналов получения информации в процессе социализации ребенка, или, как назвал этот процесс А. Н. Леонтьев, «врастания ребенка в цивилизацию», является язык (А. М. Шахнарович) (ср. с идеей Э. Сепира: «Язык — мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих»). Это обуславливается тем, что в системе языковых знаков смоделировано, отображено социальное бытие людей (Е. Ф. Тарасов). Язык (как языковая компетенция) не сводим к ряду или к системе чисто формально лингвистических правил и категорий типа тех, с которыми мы имеем дело на уроке родного языка. Язык есть часть социальной памяти, совокупность значений (не языковых), составляющих ориентировочную основу деятельности (не только речевой, но и другой, например, познавательной) (А. Н. Леонтьев), поскольку речь по природе своей — «неинстинктивная, приобретенная», «культурная» функция (Э. Сепир). Ср. с идеей В. Н. Телия о том, что «концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение и в естественном языке». Отсюда вывод: в иноязычной аудитории «надо преподавать язык как отображение *социокультурной реальности*» (А. А. Леонтьев) (выделено мною. — В. К.). Иначе говоря, необходимо формировать различные компетенции: языковую, речевую, коммуникативную, а также компетенцию культурную. Отмечу, однако, что однозначно согласиться с приведенными высказываниями А. А. Леонтьева можно, если признать нерелевантным в данном случае раз-

граничение языка и дискурса (которое в целом для нас принципиально важно, но в ряде случаев, подобных рассматриваемому, может «игнорироваться», не учитываться, чтобы не приводить к излишней дробности понятий и не уводить нас в сторону).

О том же писал и Л. В. Щерба (вспомним его концепцию): психофизиологическая речевая организация индивида не равняется просто сумме его речевого опыта, но предстает как своеобразная переработка данного опыта и вместе с обусловленной этой речевой организацией речевой деятельностью является *социальным* продуктом, т. е. складывается в процессе социализации.

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Интерес к личности, к «Я» (Ego) нашел свое отражение в многочисленных и разнообразных трудах исследователей, работающих в самых разных отраслях знания: философии, психологии, социологии, лингвистики и т. д. Современный взгляд на «Ego» характеризуется пониманием человеческого «Я» (личности) как многоуровневого, многоаспектного явления, представляющего в различных формах: «Я» феноменологическое, биологическое, материальное, интерактивное, языковое, идеологическое и т. д. (например, G. H. Mead, C. H. Cooley, A. L. Strauss, G. J. McCall, J. L. Simmons, S. Stryker, C. J. Couch S. L. Saxton, J. H. Turner, N. K. Denzin; см. обзор различных точек зрения в книге М. Л. Макарова).

В последнее время все большую популярность среди исследователей приобретает учение о *языковой личности* (например, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, Е. В. Сидоров, С. А. Сухих, А. А. Пушкин, С. Taylor, Н. White, Т. К. Fitzgerald, М. Keith, S. Pile, J. Shelter, К. J. Gergen и др.).

Сам термин «языковая личность» был введен в повседневный научный лексикон Ю. Н. Карауловым, хотя автором термина многие считают Г. И. Богина, который пред-

ставил и обосновал данное понятие в докторской диссертации 1984 г. («Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов»). Термин «языковая личность», безусловно, относится сегодня к числу «модных», его используют к месту и не к месту, но до сих пор не существует единой, принятой и признанной всеми его трактовки. Разброс при этом — от субъекта, индивида, автора текста, носителя языка и даже просто информанта (пассивного или активного) до языковой картины мира и знаний о мире, знаний языка и знаний о языке, вплоть до языкового сознания, (национального) самосознания, менталитета народа. Однако еще в 1989 г. Ю. Н. Караулов предложил структуру языковой личности, которая представляется состоящей из трех уровней: 1) *вербально-семантического*, 2) *когнитивного*, 3) *прагматического*.

1. *Вербально-семантический уровень* предполагает для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений.

2. *Когнитивный уровень*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражает иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания — к знанию, сознанию, процессам познания человека.

3. *Прагматический уровень* включает цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.

Первым уровнем ученые занимаются давно и успешно, последние два стали объектом пристального внимания исследователей в последние десятилетия, что связано с развитием психолингвистики, теории речевой коммуникации, теории речевых актов, когнитологии и когнитивной лингвистики.

В связи с проблемой языковой личности вновь оказался актуальным вопрос, над которым размышляли многие ученые еще со времен Соссюра и о котором мы уже говорили, — вопрос о соотношении языка и речи. Сегодня эта проблема рассматривается рядом исследователей сквозь призму языковой личности, а языковая личность, соответственно, осмысливается в свете указанной дихотомии. Логичным результатом подобных исследований стал тезис о наличии не только феномена языковой личности, но и феномена речевой личности. При этом «любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей» (Л. П. Клобуко-ва). Иначе говоря, «если языковая личность — это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения» (Ю. Е. Прохоров).

А теперь вспомним, что писал А. А. Леонтьев о речевой деятельности и о языке как предмете, как процессе и как способности. Предложенная А. А. Леонтьевым система содержит феномены, с которыми можно, на наш взгляд, соотнести явления, о которых мы говорили ранее: языковая личность соотносится с языком как предметом, а речевая личность — с языком как способностью.

При этом языковая личность и речевая личность суть феномены парадигматические, и если языковая личность есть сама парадигма, то речевая личность представляет собой элемент такой парадигмы. Но, как известно, система проявляет себя в функционировании, следовательно, помимо системного аспекта, существует и аспект функ-

циональный. Функционирование системы (парадигмы) — это (в различных лингвистических традициях) «реализация, Parole, речь», или — в терминах А. А. Леонтьева — «язык как процесс». И этому компоненту соответствует не языковая личность и не речевая личность, но личность, участвующая в коммуникации, причем не вообще, но здесь и сейчас, т. е. «коммуникативная» личность.

И вот теперь приведем все совокупность «личностных» феноменов и дадим им определения:

- * *«человек говорящий» — личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений);*
- * *языковая личность — личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;*
- * *речевая личность — личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);*
- * *коммуникативная личность — конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.*

Краткий комментарий: во-первых, сочетание «человек говорящий» (правда, не в качестве термина) встречается в работах И. А. Зимней, И. Н. Горелова, в работах же Н. Д. Арутюновой встречается латинское сочетание homo loquens, что уже явно может претендовать на статус термина; во-вторых, «человек говорящий» оказывается достаточно широким термином, поскольку обозначает не только автора (т. е. собственно «говорящего»), но и реципиента (т. е. «слушающего»); в-третьих, единицы «проявлять себя» и «реализовать себя», используемые в приводимых определениях, не являются синонимичными.

Данная предлагаемая система «личностных» феноменов непосредственно соотносится с системой «языковых» феноменов А А Леонтьева (см сх. 6)

Схема 6 Системы понятий (а) предложенная А А Леонтьевым, (б) предлагаемая нами

Понятно, что подобное разграничение возможно исключительно в целях теоретического осмысления, поскольку очевидно, что каждый человек, как «человек говорящий», в каждый момент своей речевой деятельности выступает одновременно в трех ипостасях как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность

Остановимся на явлении языковой личности более подробно, так как именно эта ипостась человека говорящего связана с когнитивными феноменами, актуализирующимися и проявляющимися в процессе коммуникации, и человек говорящий, рассматриваемый в первую очередь как языковая личность, является носителем определенных знаний и представлений

ЗНАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Но что есть *знания и представления* с точки зрения когнитивной лингвистики и ПЛ?

Знания — это некие «информационные», «содержательные» единицы, которые требуют не столько интеллектуально-творческой работы, сколько работы памяти, их совокупность представляет собой некоторую, определенным образом структурированную и иерархизованную систему (например, то, что $2 \times 2 = 4$, нужно знать, а не считать каждый раз заново, к знаниям же относятся и та информация, которой обычно обучают в школе математические правила, физические и химические законы, географические сведения, точная информация о событиях что, когда, где произошло, — имена исторических деятелей и годы их жизни и т д) О том же пишет и психолог Ришар «Знания — это конструкции, обладающие постоянством и существенно не зависящие от выполняемой задачи *Знания хранятся в дочговременной памяти*, и до тех пор пока их специально не модифицировали, предполагается, что они имеют *ту же самую форму*» (Ж Ф Ришар) В «Кратком словаре когнитивных терминов» читаем «Знание — то, что уже отложилось в сознании и составляет часть *памяти* Знание — это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную *систему*» (выделено мною — В К)

И в этом смысле при строгом подходе к терминам «знания» и «информация» их необходимо четко разграничивать информация есть совокупность *упорядоченных* единиц, знания же представляют собой систему единиц *структурированных* и *иерархизованных*, информация есть *элементы*, единицы системы, знания же есть *система* таковых Подчеркнем, что сейчас мы с Вами говорим о знаниях именно в последнем понимании данного термина Знания имеют необходимым условием максимально возможную «объективность», «адекватность», «истинность» (последние 3 слова в кавычках в силу несколько скептического отношения к идее полного знания и абсолютной истины)

Термин «*представления*» используется в широком смысле, т. е. «представления» включают в себя собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации. Ср. с идеей А. М. Шахнаровича и Н. М. Юрьевой: «Представление — субъективное отражение связей и отношений действительности, и это субъективное отношение эмоционально». Таким образом, для представлений оказывается важным образность, функциональная компенсаторность, эмоциональная окрашенность и оценочность.

Можно полагать, что «объективные» знания противопоставлены «субъективным» представлениям, при этом знания по сути своей всегда есть достояние коллективное²; что касается представлений, то они могут быть как коллективными, так и индивидуальными. Ср. с идеей Готт-лоба Фреге о том, что представление есть внутренний образ предмета, «возникший из воспоминаний о чувственных впечатлениях, которые человек имел раньше. Представление субъективно: оно часто проникнуто эмоциями, ясность его отдельных частей различна и постоянно меняется; даже у одного и того же человека представления, связанные с одним и тем же смыслом, в различное время различны; представление одного не есть представление другого». Таким образом, представление для Фреге субъективно, так как индивидуально и лабильно, на основании чего представление противопоставляется смыслу, как категории объективно-логической (А. А. Леонтьев). Мы же, говоря о «субъективности» представлений, берем сам термин в кавычки, так как предполагаем существование представлений не только индивидуальных, но и коллективных. Для нас оказываются важными «чувственные впечатления», т. е.

² Отметим, однако, что в лингвистической литературе есть работы, в которых рассматриваются различия между коллективным и индивидуальным знанием (напр., А. А. Заленская).

эмоции, оценки и коннотации, связанные с тем или иным феноменом.

Здесь представляется необходимым сделать следующую оговорку: понятие «социальные представления» ввел Серж Московичи (S. Moscovici), и изначально речь шла о социальных формах представления научного знания. По мысли М. Л. Макарова, данная теория исторически восходит к разграничению индивидуальных и коллективных представлений в социологии Э. Дюркгейма. Излагая теорию Дюркгейма, С. Московичи пишет: «Согласно Дюркгейму, каждый из нас двойственен. С одной стороны, мы обладаем коллективным сознанием, включающим в себя верования и представления, которыми мы владеем совместно с другими либо по традиции, либо по согласию. С другой стороны, мы обладаем индивидуальным сознанием, содержащим идеи и образы, которые нам присущи и которые мы получили с помощью опыта или рассудка. Эти два состояния сознания разделяются и противостоят друг другу, и наше существование было бы в значительной степени осложнено, если бы общество не гармонизировало их. Оно достигает этого или благодаря соответствию индивидуальных сознаний коллективному сознанию, или через соответствие индивидуальных сознаний, которые поддерживают друг друга и взаимно дополняют друг друга».

Наиболее часто приводимая дефиниция указанного понятия принадлежит Д. Жоделе (D. Jodelet): категория *социальное представление* обозначает специфическую форму познания, а именно, знания «здравого смысла», содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления — это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения.

Для С. Московичи социальные представления — явление более социальное, чем когнитивное, они представляют

собой многоуровневую систему действий, идей и ценностей, которая обладает двойственной функцией: во-первых, установить порядок, позволяющий индивидам ориентироваться в материальном и социальном мире и воздействовать на них; во-вторых, обеспечить членам сообщества возможность общения, снабдив их кодом для социальных обменов, наименований и классификации различных аспектов жизни, индивидуальной и групповой истории (U. Flick) (см. подробный анализ теорий, рассматривающих социальные представления, в книге М. Л. Макарова). Применительно к лингвистическим исследованиям о разграничении социального и индивидуального писал еще И. А. Бо-дуэн де Куртенэ, различая в языке «как *индивидуально-психическое*, так и коллективно-психическое» (выделено мною. — В. К.).

Говоря об индивидуальных и коллективных представлениях, разграничиваемых в рамках предлагаемой концепции, я, конечно, не беру пограничные случаи, как, например, гипотетически возможный спор об устройстве вселенной между представителем современного цивилизованного, как принято говорить, общества и племенем, находящемся на уровне развития каменного века, какие еще можно найти в джунглях Африки, Америки или Океании. Например, в древности люди верили, что Земля покоится на трех слонах и одной черепахе (как один из вариантов устройства мироздания). Тогда это были *знания*, основанные на общих представлениях о сути предмета. То, что Солнце вращается вокруг Земли, являлось до Н. Коперника элементом *знаний* и считалось объективным, единственно возможным постулатом, своего рода аксиомой, не требующей каких бы то ни было доказательств, этому учили и это не нуждалось в проверке и подтверждении. Но сегодня, имея новые *знания о* мироздании (аксиоматичные, «объективные» на сегодняшний день), мы говорим о *представлениях* древних или средневековых ученых (в этом случае критерием

разграничения является «объективность», «адекватность» первых и отсутствие данных качеств у вторых).

Что касается различий между индивидуальными и коллективными представлениями, то совершенно очевидно, что они далеко не всегда совпадают. Так, мы можем не соглашаться с «общепризнанной» и/или «официальной» оценкой того или иного произведения, того или иного события, того или иного персонажа. Вспомним в связи с этим, например, ситуацию, имевшую место в советские годы, когда официальная оценка была единственно разрешенной, но при этом, пожалуй, далеко не всегда являлась «общепризнанным» коллективным представлением (в нашем понимании), но она была хорошо известна и являлась безусловно коллективным достоянием. Так, столь неоднозначные персонажи советской истории, как Павлик Морозов и Павлик Корчагин, как показывают результаты анкетирования, получают диаметрально противоположные оценки информантов (от абсолютного «плюса» до абсолютного «минуса»), при этом «плюсы»/«минусы» не обуславливаются возрастом информантов или местом их проживания. Таким образом, можно предположить, что и в советские годы данные персонажи имели несколько «вариантов» представлений: во-первых, официальное — абсолютно положительное, оно закладывалось в процессе «официального» воспитания и образования, представляло собой «официальное» коллективное представление; во-вторых, индивидуальное — могло совпадать с официальным представлением и быть положительным, но могло и значительно отличаться от него и носить сугубо негативный характер; такие индивидуальные отрицательные представления также могли складываться в некоторое коллективное представление. При этом каждый представитель того или иного сообщества, имея свое собственное представление, несомненно, знает и о том, как воспринимается тот или иной «культурный предмет» (термин Н. В. Уфимцевой) в контексте той или иной,

в нашем случае — русской, культуры. Например, я могу не любить творчества Л. Н. Толстого и не считать «Войну и мир» гениальным произведением, но я, как русский человек, безусловно, не могу не знать, что этот роман признается таковым в истории русской литературы; в данном случае речь идет о разнящихся индивидуальных и коллективных представлениях, и именно представлениях, потому что они включают в себя оценки и коннотации, субъективные по природе своей. Более того, у меня могут вообще отсутствовать индивидуальные представления (сложившиеся на основе собственного индивидуального опыта), но для адекватной коммуникации я обязательно должна владеть представлениями коллективными. К примеру, некто может считать главного героя романа Сервантеса «Дон Кихот» глупым, жалким стариком и не разделять симпатий автора или же считать его милым, но странным и неадекватным человеком, а некто может оценивать его просто как опасную личность (наличествуют индивидуальные представления). Так, актриса Т. Васильева, безусловно, симпатизируя и сочувствуя Дон Кихоту, назвала его «клоуном номер раз в мире» (передача «Времечко. Ночной полет» от 27.02.99), а известный актер, режиссер и писатель В. Ливанов считает Дон Кихота достаточно страшным персонажем, предтечей кровавых диктаторов (та же т/п от 13.05.99; см. данную трактовку образа в фильме В. Ливанова «Дон Кихот возвращается»). Итак, некто может иметь свое собственное представление как о самом романе, так и о главном герое или вообще не читать этого произведения (индивидуальных представлений нет), но если кто-либо назовет кого бы то ни было *Дон Кихотом*, то этот «некто», безусловно, поймет, что имеет в виду собеседник. Так же, как если бы кого-то назвали *Колобком*, *Сусаниным* или *Моцартом* (разумеется, за каждым из данных имен стоит свой комплекс представлений, который может быть более или менее сложным, но самый общий принцип функционирования данных единиц в речи один и тот же).

Итак, если говорить о разграничении знаний и представлений на уровне синхронии и попытаться обобщить только что сказанное, то основные различия могут быть представлены в виде следующих оппозиций:

знания	представления
формируются информационными ~~единицами~~ коллективны	представлены образами (в самом широком смысле)
характеризуются «объективностью»	коллективны и/или индивидуальны
«аксиоматичны», т. е. не требуют доказательств	характеризуются «субъективностью» (внешней и внутренней ³)
хранятся в «развернутом» виде (в виде единиц информации)	«теоретичны», т. е. могут требовать доказательств и объяснений
требуют работы памяти, лишены коннотаций; «рациональны»	хранятся в «свернутом» виде (в виде образов)
	необходимо включают коннотации, оценки; «интуитивны»

И напоследок одна забавная история, случившаяся с Юрием Ростом, о которой он когда-то написал в «Литературной газете» и которая иллюстрирует расхождения между коллективными, «общепризнанными» знаниями и представлениями и представлениями индивидуальными. Итак,

³ Внешняя субъективность характерна для коллективных представлений, внутренняя — в первую очередь для индивидуальных.

будучи в командировке по делам газеты в российской глубинке, Ю. Рост оказался в глухой провинции, в маленькой деревне, где ему и предстояло переночевать. Из всех жителей в деревне осталось несколько стариков. С одной такой семьей, где вместе жили «старик со старухой», он договорился о ночлеге. Хозяева оказались людьми гостеприимными. Истопили баньку, пригласили к столу. Пока хозяйка хлопотала по хозяйству, мужчины вели неторопливую беседу. Старик, посмеиваясь над своей женой, рассказывал, что та, отсталая женщина, верит в каких-то кикимор, леших и домовых. И это в конце XX-го века! Вот недавно жаловалась на домового, который сметану съел и плошку разбил, а это была их кошка. Так неспешно текла беседа. Ужин подошел к концу, и хозяева решили, что пора гостю и почивать отправляться. Вот только дом у них маленький, и потому постелили они гостю в баньке. Провожая гостя, старичок смущенно сказал, что, возможно, ночью гость услышит какие-то шаги, поскрипывания и другие странные звуки, так вот пугаться не стоит, ничего страшного в том нет. Естественно, что Ю. Рост поинтересовался, кто может производить странные звуки в бане ночью, на что старичок, хитро усмехнувшись, заговорщицки сообщил: «Так то наш банничек»

Итак, повторим основные положения лекции

Социализация — процесс вхождения ребенка в цивилизацию, основной процесс, в ходе которого ребенок усваивает (присваивает) опыт, накопленный предшествующими поколениями, в процессе социализации индивид становится личностью, человеком говорящим, членом определенного национально-лингво-культурного сообщества

Человек говорящий предстает как совокупность личностных феноменов — как личность *языковая, речевая и коммуникативная*.

Человек говорящий обладает совокупностью **знаний и представлений**, которые он получает в процессе социализации.

зации Знания и представления разграничиваются по природе, структуре, форме хранения и способу активизации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

- Караулов Ю Н* Русский язык и языковая личность М , 1987
Караулов Ю Н Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность М, 1989 С 3—8
Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность" Человек Сознание Коммуникация М , 1998
Леонтьев А А Язык, речь, речевая деятельность М , 1969

Дополнительная

- Брудный А А* Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) Фрунзе, 1972
Коул М Культурно-историческая психология Наука будущего М , 1997
Краткий словарь когнитивных терминов (Под общ ред Е С -Кубряковой) М,1996
Леонтьев А Н Человек и культура М , 1961
Леонтьев А Н Проблемы развития психики Изд 3-е М , 1972
Леонтьев А Н Деятельность Сознание Личность М , 1975
Леонтьев А Н Философия психологии М , 1994
Макаров М Л Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь, 1990
Московичи С Век толп Исторический трактат по психологии масс М , 1998
Общая и прикладная психолингвистика М, 1973
Проблемы психолингвистики М , 1975
Прохоров Ю Е Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев М , 1996
Ришар Ж Ф Ментальная активность Понимание, рассуждение, нахождение решений М , 1998
Сепир Э Избранные труды по языкознанию и культурологии М , 1993
Язык и личность М , 1989
Язык и сознание парадоксальная рациональность М , 1993

ЛЕКЦИЯ 9

Когнитивные пространства и когнитивная база Структура знаний человека говорящего Коммуникация: природа, цель, условия, типы

КОГНИТИВНЫЕ СОВОКУПНОСТИ ЗНАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В предыдущих лекциях мы с Вами договорились, что каждый человек говорящий обладает некоторым набором знаний и представлений, которые могут носить как индивидуальный, так и коллективный характер. Приведем еще один пример. В русском фольклоре есть небезызвестный персонаж — *Баба-Яга* (вспомним, кстати, произведение Леонида Филатова «Про Федота стрельца, удалого молодца (сказка для театра по мотивам русского фольклора)»: «Ну, случайно, ну, шутя, Сбилась с верного пути! Дак ведь я — дитя природы, Пусть дурное, но — дитя!» или: «Я — фольклорный элемент, У меня есть документ, Я вообще могу отседа Улететь в один момент!»). Предположим, что я глубоко симпатизирую этой «старушке», она кажется мне вовсе не злобной, не отвратительной, а вполне добродушной, в чем-то даже интеллигентной, славной пожилой дамой, которую вечно обманывают разные Иваны — либо царевичи, либо дураки (часто, впрочем, в одном лице). Но, будучи воспитанной в русском на-ционально-лингво-культурном сообществе, я прекрасно понимаю, что для большинства русских *Баба-Яга* — ведьма в ступе или на помеле, только и знающая, что делать всякие гадости «добрым молодцам». Более того, если меня кто-либо назовет Бабой-Ягой, то я пойму это как откровенно грубое высказывание по поводу моей внешности (вспомним, что «классическая» *Баба-Яга* — старое, урод-

ливое существо, с крючковатым носом, да еще к тому же с «костяной ногой», что следует из текстов сказок) и, возможно, моего характера (вспомним, например, эпизод из фильма «Дорогой мой человек»: маленькая девочка с удивлением спрашивает своего отца: «*А разве д о б р ы е Бабки-Ежки бывают!*»), что предполагает существование только *злых* «Бабок-Ежек»). Таким образом, имеются как бы два разных «образа» одного и того же предмета: индивидуальное представление и коллективное, — которые базируются на знании текстов русских сказок и *инвариантах восприятия* самого персонажа. Однако если я специалист по фольклору, занимаюсь русским народным творчеством, то я, как профессионал в этой области, не могу не владеть дополнительной, специальной информацией о данном персонаже как таковом и о его месте в системе других образов русского фольклора. Иначе говоря, у меня будет еще и «третье» представление о *Бабке-Яге* — представление, присущее специалисту, сформированное на основе знаний, обязательных для члена профессиональной группы, профессионального социума. Вспомним, кстати, что помимо индивидуального опыта и конкретной ситуации, смысл в значительной мере связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека (А. А. Леонтьев) и что личность «входит» в общество через социальные группы (Е. Ф. Тарасов). Следовательно, мы имеем дело не с двумя, но с тремя «наборами» знаний и представлений: (1) индивидуальным и двумя коллективными: (2) социум-ным и (3) национальным. Как пишет О. Розеншток-Хюсс, «посредством говорения (и вот это уже к растениям и животным не относится) человек может в каждый данный момент радвигать границы внутреннего пространства, делая его все более и более емким. Роза всегда остается розой. Человек же принадлежит к ряду сообществ различной численности и предназначения — семье, городу, расе, цивилизации, церкви, роду человеческому — в той мере, в

какой он творчески относится к языку этих сообществ» Соответственно, выделяются¹

- * **индивидуальное когнитивное пространство (ИКП)** — *определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий,*
- * **коллективное когнитивное пространство (ККП)** — *определенный образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности входящие в тот или иной социум,*
- * **когнитивная база (КБ)** — *определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета*²

Сразу в двух словах определим разницу между нацио-нально-лингво-культурным сообществом и социумом социум объединяется по одному какому-либо признаку (профессия, конфессия, возраст, образование, хобби и т д), национально-лингво-культурное сообщество объединено комплексом признаков (язык, история, культура, религия и т д , в каждом конкретном случае набор данных при-

¹ Концепция была разработана в рамках деятельности научного семинара «Текст и коммуникация» (Д В Багаева Д Б Гудков И В Захаренко и В В Красных)

¹ Ср «Можно сделать вывод, что принадлежность к определенной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знания, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии» (Ю Е Прохоров) (выделено мною —В К) Термин «национально детерминированное минимизированное представление» принадлежит Д Б Гудкову

знаков индивидуален) Более подробно мы будем рассматривать данный вопрос в рамках курса этнопсихоллингвистики

Форма хранения информации, способ оперирования ею — это то, что «объединяет» ИКП и ККП, с одной стороны, и КБ — с другой Действительно, и ИКП, и ККП, и КБ формируются когнитивными структурами и представляют собой совокупности знаний и представлений, т е содержат феномены одной природы Но на этом сходство заканчивается Различия же касаются в первую очередь «единиц хранения» Их конкретный «набор» в когнитивных пространствах и в КБ будет отличаться не только по содержанию и по степени известности другим (языковым) личностям, но и по степени «обработанности»

В силу объективной минимизации хранящих феноменов сама КБ будет являть собой также «минимизированную», достаточно, но не жестко ограниченную совокупность феноменов-«культурных предметов», представляющую собой «открытое» множество «Открытое» не в смысле «бесконечное», но лишь как способное к изменениям, когда какой-либо элемент заменяется другим, аналогичным по природе и функциям Как проходит процесс минимизации⁹ Иными словами, каков путь приобретения тем или иным феноменом статуса элемента (единицы) когнитивной базы⁹ Думается, что этот процесс имеет двунаправленный характер подвергаясь определенной (заданной когнитивной базой) обработке, феномен входит в КБ, и становясь элементом КБ (вернее — став таковым), он задает «правила» обработки аналогичных феноменов при их восприятии, т е выступает как некий эталон

Данный алгоритм в некоторой степени аналогичен процессам анкоринга и объективизации (по С Московичи) Суть процесса анкоринга заключается в интегрировании новых феноменов впечатлений, отношений, объектов, действий — в рамки уже существующего мировоззрения и уже

известных категорий; это позволяет сократить до минимума «пугающее воздействие» всего нового, неизвестного. (М. Л. Макаров). Анкоринг не является «чисто» когнитивным процессом, поскольку в нем (в процессе анкоринга), по мысли Д. Жоделе (D. Jodelet), значения и смыслы интерпретативно приписываются, предидируются феноменам. Обработка, которой подвергаются новые феномены, ведет к изменениям последних и имеет социальную природу (U. Flick). Объективизация (по S. Moscovici) — это второй механизм превращения незнакомого знания в «знакомое», он сводится к преобразованию абстрактных концептов в «нечто почти конкретное». Процесс объективизации осуществляется в следующем порядке: сначала «извне» поступает иконическая сущность неясной идеи или предмета, и концепт переходит в образ; затем они соотносятся со структурой «фигуративного ядра» — комплексом образов, символизирующим комплекс идей, или прототипом (более подробно об этих процессах см., например, книгу М. Л. Макарова). Чтобы более четко представить себе, что это за процессы (анкоринг и объективизация), вспомните свои ощущения, когда Вы в первый раз читали научно-фантастическое произведение (в каждом из них немало новых для неискушенного человека феноменов). Или перечитайте роман Т. Толстой «Кысь»: вот уж где рассыпаны новых и квазиновых феноменов, которые необходимо вписывать в уже существующую систему категорий и соотносить это «новое» с уже существующим комплексом образов.

В связи с указанными совокупностями знаний и представлений возникает целый ряд вопросов. Во-первых, это вопросы, требующие подхода с точки зрения *синхронии*. Например, где проходит граница между разными трансформациями одной КБ, с одной стороны, и разными КБ — с другой (например, русской и украинской, русской и белорусской, белорусской и литовской); т. е., так сказать, го-

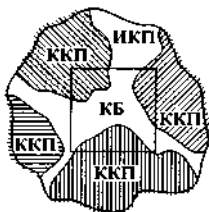
горизонтальный срез. Очевидно, имеет место некий континуум, в котором нет резких границ между разными когнитивными базами. Помимо этого, говоря о синхронии, мы должны также иметь в виду и, так сказать, вертикальный срез, который также ставит целый ряд вопросов, связанных с границами когнитивной базы и коллективных когнитивных пространств.

Во-вторых, вопросы, требующие подхода с точки зрения *диахронии*, «истории». Например, как следует рассматривать русскую КБ, современную и XIX века: как единую или как разные?

Следует отметить, что не только КБ, но и КП-ва являются национально-детерминированными и национально-маркированными. И в этом принципиальное отличие предлагаемой концепции от гномического (культурного) кода Р. Барта, ибо (энциклопедические) знания могут «объединять», но представления, за этими знаниями стоящие, могут значительно различаться и провоцировать конфликты (например, Суворов для русских и поляков, Бородино для русских и французов, Чингисхан для русских и монголов, Хиросима или Том Сойер для русских и американцев и т. д.). Национальная маркированность и детерминированность КП-в вполне объяснимы, так как их «ядром» (и ИКП, и ККП монокультурного социума) служит КБ того национально-лингво-культурного сообщества, которое является родным для носителя/носителей данного когнитивного пространства.

Таким образом, каждый человек обладает своим ИКП, набором ККП (семейное, профессиональное, конфессиональное ККП и т. д.) и КБ того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является. ИКП человека включает в себя и КБ и ККП всех социумов, в которые он входит. Схематично это может быть изображено следующим образом (см. сх. 7).

Схема 7. Структура совокупности знаний и представлений личности

ИКП содержит как личный опыт, так и «социальные» знания и коллективные представления, которые человек приобретает в процессе социализации, ибо «психика человека формируется как своего рода *единство* физиологических предпосылок и социальных средств. Лишь усваивая эти средства, *присваивая* их, делая их частью своей личности и своей деятельности, человек становится самим собой» (Л. С. Выготский). Основным каналом «присвоения» «социальных средств», «достижений развития предшествующих поколений», «культурной информации», т. е. основным каналом социализации — это общение, в которое оказывается включен ребенок.

КОММУНИКАЦИЯ: ПРИРОДА, ЦЕЛЬ, УСЛОВИЯ, ТИПЫ

Следовательно, мы переходим к рассмотрению того, **что есть общение**, или **коммуникация**, какова ее цель и каковы условия успешной коммуникации.

Выдающиеся отечественные психологи и психолингвисты (например, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев) считают, что речевые действия развертываются только в совместной неречевой деятельности людей, и их смысл может быть адекватно понят лишь в структуре неречевой деятельности (вспомним в связи с этим, что отечественная ПЛ понимается как теория речевой дея-

тельности в широком смысле и рассматривает речевую деятельность как один из видов деятельности человека; схожие идеи высказывают и зарубежные исследователи). При этом коммуникативная и умственная деятельности связаны отношениями взаимного проникновения: коммуникативная деятельность появляется или как результат или как исходная точка умственной деятельности (В. Хартунг).

Общение, или коммуникация, — одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. Общение есть необходимое и специфическое условие жизни человека в обществе. Общение «провоцируется» проблемной ситуацией и начинается с того, что человек испытывает какую-либо потребность, обычно лежащую за пределами собственно общения, в сфере той деятельности, которую это общение обслуживает. Общение в психологическом смысле всегда есть процесс решения коммуникативной задачи. Однако поскольку общение имеет двусторонний характер, то в процессе коммуникации решается также и перцептивная задача, которая опосредует процесс восприятия речи.

В рамках теории коммуникации общение есть процесс циркуляции информации в обществе (А. А. Брудный). На основании «точной адресованности» сообщения выделяются коммуникации аксиальная (точно адресованная) и ре-тиальная (например, в средствах массовой коммуникации) (А. А. Брудный, Э. Д. Шукуров).

С позиций конструктивизма коммуникация рассматривается как частный случай интеракции, которая опирается на интерпретацию, предполагает координацию действий во взаимодействии, а также удовлетворяет потребности выражения внутренних состояний (М. Л. Макаров).

Взаимодействие личностей не беспорядочно, а системно. В общении личности реализуют социальные отношения, которые накладывают ограничения на актуальное поведение, организуют его системно. В целом речевые действия совершаются в структуре специфической деятельно-

сти — в структуре *социального взаимодействия*, общение носит сугубо социальный характер (Е. Ф. Тарасов). По определению Г. В. Колшанского, коммуникация есть не что иное, как перенос информации в человеческом коллективе, т. е. в итоге коммуникация — реализация общественного характера сознания. С позиций социального конструкционизма, коммуникация представляет собой первичный социальный процесс (V. E. Cronen, J. Shorter, K. J. Gergen; тех, кого заинтересовала эта проблематика, я отсылаю к обзору, представленному в книге М. Л. Макарова).

Итак, коммуникация включена в социальные отношения общающихся. Вспомним в связи с этим слова Л. Блумфилда о том, что «речевой акт (и, как мы увидим дальше, его воплощение в слове), а также весь ход практических событий до и после речи зависят от всей истории жизни говорящего и слушающего». При этом для общения крайне важна корректировка с ориентацией на реципиента, обратная связь наиболее четко и полно проявляется в диалоге, когда говорящий постоянно ориентируется на слушающего, контролирует его реакцию и на основании этого регулирует свое речевое поведение (А. А. Мигачев). По своей природе речевая деятельность личности изначально контролируется присутствием собеседника (так как речевое сообщение в нормальном случае всегда имеет адресата) (Е. Ф. Тарасов). В книге «Психолингвистические проблемы массовой коммуникации» рассматриваются также последовательные этапы при решении коммуникативной задачи, в число которых входит контроль эффективности через обратную связь.

Как видим, многие исследователи настойчиво подчеркивают социальный характер коммуникации: «коммуникация есть не только и не столько взаимодействие людей в обществе, но и — прежде всего — людей как *членов общества*» (А. А. Леонтьев). Более того, А. А. Леонтьев полемизирует с коллегами, которые понимают коммуникацию «как

простую «передачу» информации от одного индивида к другому или, что то же, как обмен такой информацией».

Общение, по словам А. А. Леонтьева, есть процесс внутренней саморегуляции общества или другой социальной группы и лишь вторично межиндивидуальный процесс. Почему? Потому что общение есть система целенаправленных и мотивированных процессов, обеспечивающих взаимодействие людей в совместной деятельности, процессов, актуализирующих социальные отношения и индивидуально психологические взаимоотношения и использующих для этого специфические средства, прежде всего языковые.

Коммуникация, как всякая деятельность, имеет свои мотивы и цели. Ряд исследователей считает, что целью коммуникации является воздействие (вспомним, например, утверждение о том, что акт общения — это всегда психологическое воздействие), или тезис о том, что основная цель коммуникации — эффективное речевое воздействие (Р. Р. Каспранский). При таком подходе исходной фундаментальной функцией сообщения признается целенаправленное преобразование сознания адресата (А. П. Назаре-тян, В. Б. Розов).

Речевое воздействие в психологическом плане состоит в том, что на основе моделирования состояния сознания реципиента (по сути — двойного моделирования: наличного и желаемого состояния) и на основе знания о правилах оптимального перевода смысла (индивидуального) в значения (достояние общественное) говорящий кодирует желаемые изменения в сознании реципиента в виде языкового (речевого) сообщения. Реципиент, воспринимая данное сообщение, декодирует его и «извлекает» из него скрытую за внешним планом (планом значений) глубинную информацию, которая обуславливает реальное или потенциальное изменение его деятельности.

Изложив вкратце некоторые взгляды ученых на природу и цели коммуникации, предложу свое определение коммуникации. Итак:

человеческая коммуникация есть процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности.

Поскольку коммуникация при таком понимании предполагает процесс передачи / получения / обмена информацией, то число коммуникантов всегда больше или равно двум. Под предлагаемое определение подпадают и случаи вербализуемой внутренней речи, монологической автокоммуникации, если рассматривать данные случаи как «внутренний» разговор с предполагаемым собеседником или реальным партнером, в том числе и «общение» человека с самим собой, со своим alter ego; однако в этом случае имеется целый ряд особенностей, которые не позволяют однозначно считать или не считать подобное «общение» таковым в прямом смысле этого слова. Сравним с упоминавшейся нами идеей А. Н. Леонтьева о постоянной включенности человека, его деятельности в общение.

Коммуникация в предлагаемой трактовке — это не только сиюминутный акт общения, когда процессы порождения и восприятия практически одномоментны, но и общение, когда восприятие дистанцировано от порождения во времени и пространстве (например, личная переписка). Таким образом, канал передачи информации (устная или письменная форма общения) оказывается нерелевантен, хотя, справедливости ради, отметим, что для тех случаев коммуникации, о которых мы говорим, очевиден примат устной формы. Художественную или, скажем, научную литературу мы принципиально не будем рассматривать, так как в этих сферах действуют, со всей очевидностью, свои, во многом отличные и специфические законы.

Коммуникация может быть успешной или неуспешной. *Успешная коммуникация* — это адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обя-

зательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание. В случае неуспешной коммуникации возможны *коммуникативный сбой* (недостаточно адекватная коммуникация, недостаточно полное взаимопонимание участников коммуникации) и *коммуникативный провал* (неадекватная коммуникация, полное непонимание коммуникантами друг друга).

Среди факторов, обуславливающих адекватную коммуникацию, т. е. успешное ее протекание, в числе первых можно и нужно назвать определенную общность «знаний» коммуникантов. Представители теории речевой коммуникации говорят о необходимости определенной общности социального опыта, которая, правда, никогда не бывает полной (Е. Ф. Тарасов). Знак равенства между данными понятиями (общность социального опыта и общий фонд знаний) может быть поставлен, если: 1) рассматривать данные феномены с точки зрения конкретного акта коммуникации; 2) понимать социальный опыт как совокупность тех знаний и представлений, которые индивид получает в процессе социализации.

Итак, одним из важнейших факторов (не единственным, но, пожалуй, основным), которые обуславливают адекватность коммуникации, является наличие общего фонда знаний коммуникантов. Данная мысль высказывалась неоднократно различными исследователями.

Если исходить из того, что специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит

- 1) в специфике построения речевой цепи, которое осуществляется по грамматическим правилам этого языка, и
- 2) в специфике образов сознания, которые отображают предметы конкретной национальной культуры, то понятно, что для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме об-

разов сознаний (Е. Ф. Тарасов). Первое со всей очевидностью соотносимо с общностью лингвистических когнитивных структур, второе — феноменологических. Другими словами, совершенно очевидно, что для общения коммуникантам необходима общность знаковых средств и определенная общность социального опыта. И хотя «последняя никогда не бывает полной», все-таки можно говорить о потенциальной возможности зоны пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, достаточной для адекватной коммуникации. Более того, зачастую наблюдается такое взаимопонимание коммуникантов, которое часто называется пониманием с полуслова, когда, как писал В. М. Бехтерев, «один какой-нибудь, часто даже несущественный, а иногда и крайне преобразенный признак или часть предмета, явления или вообще, действия или движения становится знаком, или символом, вызывающим реакцию, равнозначную с реакцией, вызываемой цельным предметом, явлением, действием или движением».

О том, что необходимо для адекватной коммуникации, мы поговорим с Вами на следующей лекции.

Итак, выделяются *когнитивная база* национально-лин-гво-культурного сообщества и *два типа когнитивных пространств* — индивидуальное и коллективное. Исходя из этого, можно представить и структуру знаний и представлений человека говорящего.

Коммуникация понимается как процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи / получения/обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность "Человек Сознание Коммуникация М , 1998

Дополнительная

- Барт Р* «S/Z» М , 1994
Брудный А А , Шукуров Э Д Мир общения Фрунзе, 1977
Колишанский В Г Коммуникативная функция и структура языка М, 1984
Леонтьев А А Общение как объект психолингвистического исследования Методологические проблемы социальной психологии М, 1975
Леонтьев А Н Человек и культура М , 1961
Макаров М.Л Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь, 1998
Общая и прикладная психолингвистика М , 1973
Общение теоретические и прагматические проблемы М , 1978
Общение в свете теории отражения Фрунзе, 1980
Проблемы психолингвистики М , 1975
Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Отв ред А А Леонтьев М , 1974
Речевое воздействие Проблемы прикладной психолингвистики М, 1972
Речевое воздействие психологические и психолингвистические проблемы М , 1986
Речевое общение цели, мотивы, средства М , 1985
Тарасов Е Ф Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания М , 1996 С 7—22
Brown G, Yule G Discourse Analysis Cambr 1996 (1st ed —1983)
Moscovici S The Phenomenon of Social Representation // Social Representations Cambr, 1984 P 3—69

ЛЕКЦИЯ 10

Коммуникация: природа, цель, условия, типы (продолжение) Понятие пресуппозиции

КОММУНИКАЦИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Итак, что же необходимо для адекватной коммуникации? На первый взгляд ответ кажется очень простым и самоочевидным: надо знать язык (как совокупность лексики и грамматических правил), на котором происходит общение. В идеале еще хорошо бы знать правила этикета, немного историю, культуру и литературу того народа, на языке которого говоришь, но если первое еще можно признать более или менее обязательным, то второе — явно не из области «необходимых» знаний: они традиционно воспринимались или как некое средство продемонстрировать вежливость по отношению к представителям другой культуры или просто как то, что может помочь поддержать разговор (во всяком случае, если речь не идет о профессиональной подготовке филологов, историков или, скажем, искусствоведов). Однако все не так просто, как кажется.

По мысли Ю. А. Шрейдера, «идеальная коммуникационная ситуация» возникает не тогда, когда смысл и содержание совпадают (это, видимо, в принципе невозможно), но когда хорошо согласуются содержание, вкладываемое в текст автором, и извлекаемая адресатом семантическая информация. Для этого нужно не только и не столько наличие у автора и адресата общей структуры поля значений, сколько общность отмеченных элементов в этом поле, однозначно выделяемых участниками коммуникации элементов — «фокальных точек». Последние связаны не с языком, а с речью, с конкретной коммуникативной ситуацией.

В таких случаях, как отмечает Е. А. Земская, для выражения своей мысли, иногда достаточно сложной, говорящий употребляет условный знак-сигнал, который понятен слушающему в силу его знакомства с конситуацией, *общности каких-то предварительных сведений*, разъясняющего жеста и т. п. По существу мы имеем дело с явлением, при котором происходит сплав (синтез) звуковой речи и невербальных средств коммуникации (общности апперцепционной базы и/или конситуации, иногда жеста). *Общность апперцепционной базы* понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у собеседников (Е. А. Земская), вследствие чего многое можно не называть, не объяснять, оставлять невыраженным.

Исследования в области нейрофизиологии доказали, что геометрическая модель цвета, например, имеет форму многомерного шара (мы имеем в виду уже упомянутые нами работы, выполненные под руководством профессора Е. Н. Соколова). В связи с этим выскажем предположение, что когнитивное пространство человека также может быть представлено в виде «магического шара», заполненной сферы, каждая точка которой имеет определенное множество векторов деятельности: вербальной, ментальной, физической, эмоциональной. Следовательно, воздействуя на сознание по одному из векторов, т. е. создавая возбуждение в какой-либо точке сферы, можно вызвать определенную реакцию, идущую из той же точки, но по другому вектору (вектору другой деятельности). Например, вербальным воздействием вызывая определенное эмоциональное состояние, стимулируя умственную деятельность, понуждая к физическому действию и т. д. Отсюда и коммуникативные типы высказываний, и коммуникативная целенаправленность (виды воздействия).

Каждый человек обладает своим собственным уникальным «шаром» (ИКП). Однако определенные «традиции», существующие в каждом национально-лингво-культурном

сообществе и зафиксированные в виде знаний и представлений, входящих в КБ, способствуют тому, что определенные когнитивные структуры разных людей, принадлежащих данному сообществу, располагаются примерно в одних и тех же местах когнитивного пространства (впрочем, можно предположить, что универсальные понятийные категории, которыми обладает человек как таковой, также имеют приблизительно одинаковое местоположение на сфере когнитивного пространства). И следовательно, чем меньше площадь и толщина разброса, тем больше понимания между обладателями сравниваемых сфер, и наоборот. При соответствии определенных участков когнитивного пространства образуются участки пересечения, общий фонд знаний. Как справедливо замечают И. Н. Горелов и К. Ф. Седов, незнание действительности, которая стоит за высказыванием, может стать причиной коммуникативных недоразумений. Для успеха коммуникации необходим, по выражению М. Л. Макарова, *общий фонд знаний и верований*, иначе говоря, у коммуникантов в феноменологическом поле должен присутствовать общий набор контекстуальных пропозиций — *общий пресуппозиционный фонд*, без которого *совместная* деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или невозможна. Таким образом, говоря о корпусе знаний и представлений человека, мы выделяем собственно когнитивный аспект и аспект функциональный: КБ и КП-ва (индивидуальное и коллективные) реализуются и актуализируются в *пресуппозиции*.

ПРЕСУППОЗИЦИЯ

Прежде чем более подробно говорить о пресуппозиции в нашем понимании, позволим себе вкратце остановиться на истории данного термина. Впервые понятие пресуппозиции было предложено Г. Фреге в 1892 г. Однако в широкий научный обиход данное понятие вошло в середине XX века, и с тех пор оно пользуется определенной популярностью у представителей

разных школ и направлений: Н. Д. Арутюнова, Р. Стол-нейкер (R. Stalnaker), Л. Карттунен (L. Karttunen), Е. Ки-нен (E. L. Keenan), К. Бах (K. Bach), М. Харниш (M. R. Harnish), Ф. Динин (F. P. Dinneen), Дж. Гумперц (J. J. Gumperz), Д. Спербер (D. Sperber), Д. Уильсон (D. Wilson), Дж. Браун (G. Brown), Г. Юль (G. Yule) и многие другие.

В англоязычной литературе данное понятие часто обозначается разными терминами, например, presupposition, background knowledge, shared code, shared meanings и др. Общий фонд знаний при этом не является «механической» совокупностью индивидуальных фондов знаний коммуникантов. По мнению исследователей, занимающихся проблемой пресуппозиции, общий пресуппозиционный фонд постоянно меняется в каждом речевом акте и зависит от него. При этом основное внимание в данных работах уделяется пресуппозиции говорящего, элементы которой слушающий должен принимать на веру. Такое понимание пресуппозиции пришло из логики: Р имеет своей пресуппозицией Q в том случае, если Q верно всегда, когда Р имеет истинное значение. В лингвистике: Р имеет своей пресуппозицией Q при следующем условии: если утверждается, отрицается или спрашивается Р, то говорящий вынужден считать, что Q (Л. Карттунен). Классический пример лингвистической пресуппозиции пример, приводимый и анализируемый в очень многих работах: *Король Франции лыс* (см., например, книгу G. Brown & G. Yule).

Следует отметить, что в российской лингвистической традиции также широко представлены работы, рассматривающие феномен пресуппозиции. При этом пресуппозиция понимается как один из экстралингвистических факторов, которые вкупе с интралингвистическими факторами составляют предмет коммуникативной лингвистики. По В. Г. Колшанскому, пресуппозиция воплощает в себе тезаурус коммуникантов, который должен рассматриваться как

часть культурной и научной компетентности коммуникантов при их равной языковой компетентности. И раз так, то категориями пресуппозиции признаются личность коммуниканта, его жизненный опыт, его социальная характеристика. Помимо термина «пресуппозиция», в работах российский лингвистов встречается также и уже упоминавшийся термин «апперцепционная база».

Итак, обобщая различные точки зрения: *пресуппозиция* — это *общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения* (термины могут быть различны), *которыми обладают коммуниканты*. То понимание пресуппозиции, которое предлагаю Вам я, носит более широкий характер и позволяет анализировать фонд знаний с точки зрения и логичности, и уместности, и истинности высказывания, и успешности коммуникации, и многого другого.

Итак, *пресуппозиция* есть зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов, она актуализируется в процессе коммуникации, релевантна «здесь и сейчас». Выделятся три типа пресуппозиций, соотносимые с тремя когнитивными совокупностями, о которых мы говорили ранее:

когнитивная база (КБ)	↔	макропресуппозиция
коллективное когнитивное пространство (ККП)	↔	социумная, «константная» пресуппозиция
индивидуальное когнитивное пространство (ИКП)	↔	ситуативная, спонтанная, микропресуппозиция.

Макропресуппозиция — тот фрагмент когнитивной базы, который релевантен и актуален для осуществляемого акта коммуникации. Актуализация макропресуппозиции возможна только в случае общения коммуникантов, обладающих одной КБ, или в случае, когда коммуниканты, представители разных национально-лингво-культурных сообществ, знакомы с КБ друг друга, или по крайней мере с тем

фрагментом одной из КБ, который релевантен для данного конкретного акта коммуникации. Итак, данный тип пресуппозиции соотносим с КБ, т. е. с наиболее консервативным корпусом знаний и представлений человека, так как КБ наименее подвержена изменениям: последние происходят медленно и обусловлены во многом общим ходом развития цивилизации (человечества в целом и данного конкретного национально-лингво-культурного сообщества в частности), наиболее явные, яркие и быстрые изменения имеют место при смене эпох, при этом наиболее «болезненными» нам представляются изменения представлений, входящих в КБ. Думается, что в настоящее время именно такие изменения происходят в русской когнитивной базе.

Социумная пресуппозиция — фрагмент ККП, актуализирующийся в коммуникации. Этот тип пресуппозиции возможен при общении людей, входящих в один социум; при этом принадлежность коммуникантов к одному национально-лингво-культурному сообществу и наличие единой для них когнитивной базы не являются абсолютно обязательными. Данный тип пресуппозиции соотносим с ККП, которое менее консервативно, чем КБ, но носит значительно более константный характер, чем ИКП, которое постоянно претерпевает те или иные изменения.

Микропресуппозиция — общий фонд знаний коммуникантов о конкретной ситуации, в которой осуществляется конкретный акт коммуникации, это спонтанно возникающая «здесь и сейчас» зона пересечения ИКП-в коммуникантов. Данный тип пресуппозиции имеет место всегда, в любой ситуации общения, он не зависит от наличия/отсутствия общей для коммуникантов КБ или их ККП-в (хотя, безусловно, КБ и ККП могут определенным образом влиять на оценку ситуации коммуникантами). Микропресуппозиция включает в себя (1) знание конситуации, представление о ней; (2) знание контекста, т. е. понимание всех смыслов, релевантных для акта коммуникации; (3) понимание

речи, если таковая имеет место. Микропресуппозиция может претерпевать постоянные изменения в соответствии с изменениями реальной ситуации общения.

Социумная (константная) пресуппозиция и макропресуппозиция значительно более стабильны и, как правило, остаются неизменными в процессе протекания коммуникативного акта (особенно очевидно это в отношении макропресуппозиции, которая может изменяться, лишь отражая изменения в КБ, которые происходят крайне медленно и достаточно болезненно для членов национально-лингво-культурного сообщества). В отличие от микропресуппозиции социумная пресуппозиция и макропресуппозиция не всегда имеют место: они явно отсутствуют, если коммуниканты не принадлежат к какому-либо одному социуму и/или к одному национально-лингво-культурному сообществу. Наличие же данных пресуппозиций может оказывать определенное влияние на коммуникацию и в некоторой степени способствовать успешности ее протекания, так как макропресуппозиция и социумная (константная) пресуппозиция предопределяют вычленение коммуникантами одних и тех компонентов ситуации, представляющихся им наиболее значимыми, обуславливают одинаковость их оценок («верх/низ»; «+ /—»), диктуют отбор языковых средств и т. д.

Для адекватной коммуникации необходимым требованием (*conditio sine qua non*) является наличие не только микропресуппозиции, но и макропресуппозиции, т. е. знакомство коммуникантов с одними и теми же элементами КБ того национально-лингво-культурного сообщества, на языке которого осуществляется общение. Особенно очевидным это требование оказывается для межкультурной коммуникации. (Более подробно об этом и о проблемах, возникающих в процессе коммуникации и обусловленных отсутствием необходимой пресуппозиции, мы будем говорить в курсе этнопсихолингвистики.)

Мы использовали термин «межкультурная коммуникация». А что это такое? И какие еще *типы коммуникации* могут быть выделены?

Начнем с того, что различные типы коммуникации выделяются на основании того, что ставится во главу угла, какие аспекты коммуникации привлекают особое внимание и являются предметом рассмотрения.

Так, если для анализа не релевантна социумная и/или национальная принадлежность коммуникантов, если нас интересует только «общечеловеческое» в коммуникации, то в центре внимания оказывается межличностное общение как таковое (такой подход типичен, в частности, для психологических исследований). *Межличностное общение* понимается как общение личностей вне их принадлежности к тому или иному социуму (на до-национальном, национальном или сеерх-национальном уровнях). Однако если для анализа коммуникации важна социумная и/или национальная принадлежность коммуникантов (а данная принадлежность во многом обуславливает специфику общения на том или ином языке), то следует, очевидно, говорить о двух основных оппозициях:

— моносоциумная vs межсоциумная коммуникация и

— мононациональная/монокультурная vs межнациональная / межкультурная коммуникация.

Если для анализа релевантным оказывается вхождение личности в определенный социум, то *моносоциумная коммуникация*, понимаемая как общение членов одного социума, может быть противопоставлена *межсоциумной коммуникации*, понимаемой как общение представителей разных социумов. При этом социум понимается как группа личностей, объединенных *одним* признаком (напомним, что на основании этого, в рамках нашей концепции, социум противопоставляется национально-лингво-культурному сообществу, которое составляют личности, объединенные *совокупностью* признаков). Говоря о моносоциумном vs меж-

социумном общении, мы имеем в виду общение членов одного vs разных социумов вне их национально-лингво-культурной принадлежности (последняя в данном случае оказывается нерелевантной). Межсоциумное общение — основной объект, например, социолингвистических, частично — этнолингвистических исследований, теории речевой коммуникации. На этом уровне (на уровне межсоциумно-го общения) начинает работать принцип разграничения «свой/чужой». Оценка другой личности и «присвоение» ей того или иного статуса происходят через восприятие ее коммуникативного поведения, и через коммуникативное же поведение я заявляю себя и свое место: хочу я быть «своим» или я манифестирую и подчеркиваю свою «чуждость». Разумеется, коммуникативное поведение (а мы сейчас говорим именно о нем): проявление «стереотипов мышления и поведения», соблюдение определенных «норм и правил» (в терминах И. А. Стернина), привычки, система навыков и умений и т. д. — все это далеко не всегда поддается саморефлексии (особенно это касается неречевого поведения, хотя и речевому поведению данная «трудность» тоже не чужда). Вместе с тем аффектация (подчеркивание «я свой» или «я чужой») — это всегда осознанный процесс. Особую роль во всем этом — и при «неосознанном» проявлении, и при аффектации — играет речевое поведение (ср. со словами Э. Сепира: «Он говорит, как мы, — значит, он наш»).

Противопоставление «свой — чужой» и роль коммуникативного поведения оказываются релевантными, и когда мы рассматриваем общение представителей «социумов» иной природы — разных национально-лингво-культурных сообществ. На этом «уровне» разграничиваются *монокультурная коммуникация*, понимаемая как общение представителей одного национально-лингво-культурного сообщества, обладающих, соответственно, единой КБ, и *межкультурная коммуникация*, понимаемая как общение представителей разных национально-лингво-культурных сооб-

ществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными КБ. Вслед за И. А. Стерниним, определим межкультурную коммуникацию как процесс непосредственного взаимодействия культур, при этом сам процесс осуществляется в рамках несовпадающих (частично, в существенной степени, а иногда и полностью) национальных стереотипов мышления и поведения, что существенно влияет на взаимопонимание сторон в коммуникации.

В целом, думается, не будет преувеличением сказать, что между межсоциумным общением и межкультурной коммуникацией много общего (по большому счету, межкультурная коммуникация — один из видов межсоциумного общения). Однако между ними есть и принципиальные различия.

При межсоциумном общении первостепенное значение имеют 1) различия ККП тех социумов, в которые входят коммуниканты (например, профессиональные социумы), и 2) расхождения на уровне представлений (например, поколенческие социумы). Понятно, что при наличии единой КБ в условиях межсоциумной коммуникации существует большое «поле» для взаимопонимания, при этом возможно «прогнозирование» с определенной долей «попадания».

При межкультурной коммуникации различий может быть больше, чем совпадений, причем последние будут, скорее всего, квазисовпадениями; «прогнозирование» проблематично, более того, оно может создавать дополнительные проблемы: с одной стороны, если мы, например, предполагая, что собеседнику не известен феномен, к которому мы апеллируем, начинаем объяснять свои слова, это может вызвать обиду, так как данный феномен может входить в число «очевидных» для собеседника («я это знаю, не надо мне этого объяснять»); с другой стороны, если мы считаем, что феномен, к которому мы апеллируем, известен собеседнику («ну кто ж этого не знает!»), но на самом деле

этот «прогноз» ошибочен, то возможно непонимание. (Справедливости ради заметим, такое может случиться не только в межкультурной коммуникации, но в последнем случае это наиболее вероятно.)

Типы коммуникации, о которых мы говорили (межкультурная и межсоциумная), являются «основными», так сказать, «базисными». Однако каждая личность существует не сама по себе (если не брать в расчет маргинальную ситуацию Робинзона Круза сразу после кораблекрушения), но в обществе, т. е. входит в те или иные социумы и функционирует в поле того или иного национально-лингво-культурного сообщества. Следовательно, указанные типы коммуникации выступают не в «чистом» виде, но предстают как результат некоторого пересечения «осей»: $S = 1 \leftrightarrow S > 1$ (где S — число социумов) $nN = 1 \leftrightarrow N > 1$ (где N — число национально-лингво-культурных сообществ). Следовательно, в реальности мы имеем следующие типы коммуникации.

- (1) моносоциумная монокультурная коммуникация;
- (2) межсоциумная монокультурная коммуникация;
- (3) моносоциумная межкультурная коммуникация,
- (4) межсоциумная межкультурная коммуникация.

Совершенно очевидно, что в первом случае (1) вероятность коммуникативных сбоев и провалов стремится к нулю. Во втором случае (2) проблемы в коммуникации вполне возможны. Что касается случаев (3—4), то самым «опасным» с точки зрения потенциальных конфликтов окажется последний случай (4).

Представим себе гипотетическую ситуацию, что во всех случаях (1—4) коммуниканты одинаково хорошо и свободно владеют языком, на котором осуществляется общение (особенно актуально это требование для межкультурной коммуникации; тут для «чистоты картины» мы даже можем «заставить» коммуникантов говорить вообще на ка-

ком-нибудь языке, не являющемся родным ни для кого из них) Легко предположить в этом случае, что максимально затрудненной окажется межсоциумная межкультурная коммуникация (4), наиболее простой — моносоциумная монокультурная (1).

О проблемах, возникающих в межкультурной коммуникации (МКК), более подробно мы будем говорить в курсе этнопсихолингвистики, а о факторах, влияющих на МКК, — в курсах этнопсихолингвистики и теории МКК.

Итак, повторим вкратце самое основное *Пресуппозиция* есть зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, актуальная здесь и сейчас. Выделяются *3 типа пресуппозиции*: микропресуппозиция, социумная (константная) и макропресуппозиция.

На основании двух параметров (социумной и культурной принадлежности коммуникантов) выделяются *4 типа коммуникации*. Одним из важнейших факторов, влияющих на успешность коммуникации, является пресуппозиция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность⁷ Человек Сознание Коммуникация М, 1998

Дополнительная

Барт Р «S/Z» М, 1994

Брудный А А, *ЛНухурое Э Д* Мир общения Фрунзе, 1977

Земская Е А Русская разговорная речь лингвистический анализ и проблемы обучения М, 1979

Кочианский В Г Коммуникативная функция и структура языка М, 1984

- Леонтьев А А* Общение как объект психолингвистического исследования
Методологические проблемы социальной психологии М, 1975
- Леонтьев А Н* Человек и культура М, 1961
- Макаров М Л* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь,
1998
- Общая и прикладная психолингвистика М, 1973
- Общение теоретические и прагматические проблемы М, 1978
- Общение в свете теории отражения Фрунзе, 1980
- Проблемы психолингвистики М, 1975
- Психолингвистические проблемы массовой коммуникации Отв ред А А
Леонтьев М, 1974
- Речевое воздействие Проблемы прикладной психолингвистики М, 1972
- Речевое воздействие психологические и психолингвистические проблемы М
, 1986
- Речевое общение цели, мотивы, средства М, 1985
- Стернин И А* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры
// Этнокультурная специфика языкового сознания М, 1996 С 97—112
- Шрейдер Ю А* Семантическая информация и принцип фокализации //
Общение в свете теории отражения Фрунзе, 1980 С 32—48
- Brown G Yule G* Discourse Analysis Cambr 1996 (1st ed —1983)
- Moscovici S* The Phenomenon of Social Representation // Social Representations
Cambr, 1984 Pp 3—69

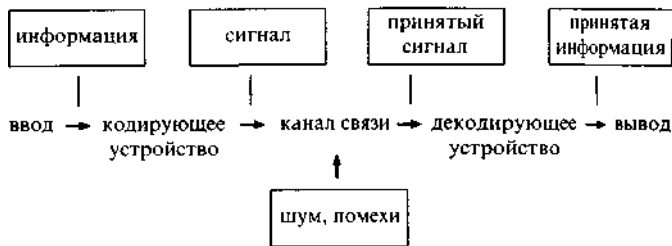
ЛЕКЦИЯ 11

Коммуникативный акт Дискурс

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ И ЕГО СТРУКТУРА

В лингвистической литературе, посвященной анализу общения, представлены три основные модели коммуникации *кодовая*, *инференционная* и *интеракционная* (более подробно — см книгу М Л Макарова)

Кодовая модель коммуникации предстает в следующем виде

Данная модель демонстрирует следующее, информация может быть воспроизведена на другом конце цепочки благодаря процессу коммуникации Сообщение само по себе не может преодолеть расстояния Следовательно, процесс коммуникации осуществляется как преобразование сообщения в сигналы кода, которые можно транслировать Некоторые ученые, однако, считают, что эта модель не может адекватно описать реальные процессы коммуникации на каком-то естественном языке, так как понимание предполагает не только декодирование, но и нечто боль-

шее. Данную модель в том или ином виде рассматривают, например, Шэннон и Уивер (С. Shannon, W. Weaver), Д. Г. Богушевич, О. Л. Каменская, О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина.

Инференционная модель коммуникации, в отличие от кодовой модели (где участники, сообщение и сигнал связаны симметричным отношением кодирования и декодирования), в качестве функционального основания имеет принцип выводимости знания. Иницирует общение желание личности не передать информацию, но сделать интенции понятными другим. Речевые средства для выражения намерений — высказывания. Их содержание не ограничено (в отличие от кодовой модели) репрезентативными сообщениями о положении дел, они могут выражать, например, эмоции. Интенции сами по себе совсем не пропозициональны, по своей природе они сродни установкам или мотивам, но содержание высказываний пропозиционально. Интенции определяют, как должно пониматься данное пропозициональное содержание. Сюда относятся и те случаи, когда в сообщении отсутствует пропозициональное содержание и не используется никакой код. Анализируя данные модели, М. Л. Макаров делает вывод о том, что ни информационно-кодовая, ни инференционная модель, отдельно взятые, не могут объяснить феномена языкового общения. Об этой модели писали Грайс (Н. Р. Grice), Бах и Гарниш (К. Bach, M. R. Harnish), Спербер и Уильсон (D. Sperber, D. Wilson).

Интеракционная модель коммуникации предполагает анализ речевого взаимодействия с учетом социально-культурных условий коммуникации. Общение, с точки зрения данной модели, может состояться независимо от того, намерен ли говорящий это сделать и рассчитано ли данное высказывание на восприятие слушающим. Оно происходит не как трансляция информации и манифестация намерения, но как демонстрация смыслов, не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом.

Практически любая форма поведения: действие, бездействие, речь, молчание — в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой. Данная модель предполагает ситуативную привязанность речи, что выражается в использовании широкого социально-культурного контекста. Прочитать об этой модели можно в работах Шиф-фрин (D. Schiffrin).

Возрастающий интерес к феномену языковой личности привел к тому, что «полюсы» «ставшей уже традиционной модели коммуникации, типа:

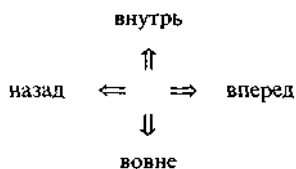

усовершенствованной Р. О. Якобсоном» и легшей «в основу всех коммуникационных моделей» (Ю. М. Лотман), привлекают все большее и большее внимание исследователей. Вспомним в связи с этим коммуникативную модель Н. Г. Комлева, «полюсы» которой представлены *сознанием* говорящего (на «входе») и *сознанием* слушающего (на «выходе»). В указанных моделях коммуникация рассматривается как триединство: порождение — речь — восприятие, — каждое звено которого равно значимо и равно важно.

В центре этой триады стоит речь, что закономерно, ибо «речь — это вид межчеловеческой коммуникации» (О. Ро-зеншток-Хюсси). Речь есть деятельность (о чем писали Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев и другие), которая осуществляется посредством общения. Деятельность же есть «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование» (по определению БСЭ). Таким образом, современный исследователь оказывается перед необходимостью изу-

чения «совмещенной» реальности, где вербальные феномены существуют в невербальном мире как его часть, а невербальный мир отражается в зеркале вербальности. Следовательно, когда мы анализируем коммуникацию, мы должны учитывать не только все аспекты механизма порождения, начиная с этапа мотивации, но и весь спектр факторов, «провоцирующих» порождение речи и обуславливающих ее восприятие и понимание. Иначе говоря, в центр внимания должен быть поставлен коммуникативный акт во всем многообразии своих проявлений.

Коммуникация (общение) есть процесс, разворачивающийся во времени и пространстве. «Всякий раз, когда мы говорим, мы утверждаем себя в качестве живых тем, что занимаем центр, из которого глаз смотрит назад, вперед, внутрь и наружу. Говорить — значит находиться в центре креста реальности:

Четыре стрелки указывают четыре направления, от которых не уйти никакому живому существу. Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве. «Здесь» он говорит в направлении из мира, что находится снаружи, в свое собственное сознание. А «теперь» он говорит в промежутке между началом времен и их концом» (О. Розеншток-Хюсси). Ср. с идеей Ю. М. Лотмана: «Во времени текст воспринимается как своего рода стоп-кадр, искусственно застопоренный момент между *прошедшим* и *будущим*. Отношение прошедшего и будущего не симметрично. Прошедшее дается в двух его проявлениях: *внутренне* — непосредственная память текста, воплощенная в

его внутренней структуре, ее неизбежной противоречивости, имманентной борьбе со своим внутренним синхронизмом, и *внешне* — как соотношение с внетекстовой памятью» (выделено мною. — В. К.).

Любой процесс в той или иной степени поддается сегментации. Коммуникация также позволяет проводить определенное разграничение внутри себя. Таким сегментом коммуникации, фрагментом общения может быть признан *коммуникативный акт* (КА).

Замечу, что в современной лингвистике термин «коммуникативный акт» понимается очень широко: от обмена текстами, произнесенными устно или написанными в принятой языковой системе, до ролевой ситуации, в которой роли регламентированы социальной и национально-культурной средой, регулирующей с помощью языковых и неязыковых стереотипов иерархию мотивов и, соответственно, личностных смыслов коммуникантов.

В данном случае «акт» понимается скорее в «театральном» смысле: как некое действие, происходящее в определенный момент в определенном месте, на пересечении осей пространства и времени, это некая «сцена» из жизни, в которой действуют персонажи. Вспомним слова О. Розен-штока-Хюсси: «...лингвистика скучна постольку, поскольку ее не занимают секреты *использования* имен и *ответное реагирование*. [...] Имена и ответы помещают сиюминутное усилие *двух* говорящих в один ряд со *всеми* подобными усилиями, которые производились когда-либо перед тем и будут производиться когда-либо после» (выделено мною. — В. К.).

И в связи с этим необходимо уточнение: коммуникативный акт и речевой акт — явления разные. Не буду останавливаться подробно на теории речевых актов (Дж. Остин (J. L. Austin), Дж. Серль (J. R. Searle), Дж. Барвайс (J. Bar-wise), Дж. Перри (J. Perry), Н. Фоушн (N. Potion), Е. В. Па-дучева, Н. Д. Арутюнова, Е. Э. Разлогова и др.). Надеюсь,

что данная теория Вам известна, и замечу лишь, что она рассматривает в первую очередь отдельные речевые действия (слово «акт» в названии данной теории является, на мой взгляд, калькой с английского языка, в котором «act» значит «действие»). Речевой акт понимается как коммуникативное *действие*, структурная единица языковой коммуникации, *дискретно* выделяемый *такт*, *квант* дискурса. Я же говорю о фрагменте коммуникации более крупном. Ядром такого фрагмента является текст, который может быть представлен монологом, диалогом или полилогом. И следовательно, теория речевых актов применима в данном случае в весьма ограниченном виде (только при рассмотрении отдельных речевых действий, входящих в анализируемый текст).

КА — единица реальная и в то же время условная. Парадоксальность такого положения дел обуславливается тем, что, с одной стороны, коммуникация, будучи процессом, обладает таким свойством, как членимость, но с другой — границы такой единицы подвижны, субъективны и в достаточной степени размыты. КА есть, говоря словами О. С. Ахмановой, «функционально цельный» фрагмент коммуникации. Каждый КА имеет два «плана», две составляющих: ситуацию и дискурс, — которые представляют собой две стороны одной медали.

Ситуация — фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт.

Дискурс — вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты.

Можно выделить четыре компонента и, следовательно, четыре аспекта каждого коммуникативного акта (см. сх. 8):

(1) экстралингвистический аспект; *конситуация* — объективно существующая собственно экстралингвистическая ситуация общения; условия (в самом широком смысле) общения и его участники (т. е. кто, что, где, когда);

(2) семантический аспект; *контекст* — имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта;

(3) когнитивный аспект; *пресуппозиция* — зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, включая и представления коммуникантов о конситуации;

(4) (собственно)лингвистический аспект; *речь* — продукт непосредственного речепроизводства, то, что продуцируют коммуниканты.

Схема 8. Структура коммуникативного акта

Конситуация и речь эксплицитно присутствуют в любом КА, представляя собой, так сказать, «поверхностные компоненты» его структуры. Можно с большей или меньшей долей уверенности сказать, что именно они (конситуация и речь) будут играть определяющую роль при выявлении границ и специфики того или иного КА. Пресуппозиция и контекст, будучи имплицитно представлены в КА, являют собой его «глубинные компоненты» и образуют некий макрокогнитивный пласт. Этот своего рода «теневой кабинет» будет участвовать в определении границ и специфики КА опосредованно: через речь, в ней проявляясь и на нее влияя.

Остановимся на указанных компонентах чуть подробнее

Конситуация важна для нас постольку, поскольку знания и представления о ней (т е где, когда, с кем и почему я говорю) так или иначе влияют на процесс коммуникации. Очевидно, что в процессе общения коммуниканты постоянно получают новую информацию о ситуации, дополняющую те знания, которые каждый коммуникант «получает» после первоначального «сканирования» конситуации, в которой протекает или должна протекать коммуникация. Подобное «сканирование» является обязательным, так как прежде чем начать говорить или писать, автор должен «оценить» саму ситуацию, условия предстоящего общения. Дальнейшие обращения в речи к имеющейся у каждого из коммуникантов информации базируются именно на этих сведениях, при этом такое обращение может осуществляться путем (а) непосредственной отсылки к конситуации или контексту (например, использование указательных или личных местоимений, апелляция к контексту-тени и т д) или (б) апелляции к пресуппозиции, зачастую через сравнение, сопоставление реальной ситуации с той, знания о которой входят в коллективное когнитивное пространство или когнитивную базу, например, обращение к знакомому, совершившему недостойный поступок *«Ну что, получишь свои 30 сребренников?»*

Экстралингвистические условия общения, в которых происходит тот или иной конкретный КА, как правило, не меняются быстро, поэтому конситуация — достаточно константный, стабильный компонент коммуникативного акта.

Проблемы в общении возникают при различной оценке коммуникантами одних и тех же феноменов, т е на уровне конситуации как таковой, но на уровне представлений о ней и ее оценки, т е пресуппозиции (напр , различная оценка социальной роли коммуникантов)

О *пресуппозиции* мы уже говорили, а вот на термине *контекст* следует остановиться чуть подробнее. Этот термин также относится к числу популярных и имеет энное количество трактовок. Представим некоторые основные точки зрения на природу данного явления. И так, основное деление может быть представлено следующим образом: *внешний контекст дискурса* — ситуация, тип деятельности, антропологические, этнографические, социологические, психологические, языковые и культурные переменные, *внутренний контекст дискурса* — ментальная сфера коммуникантов. Г. Парре (H. Parret) выделяет пять теоретических моделей контекста: 1) речевой контекст, или котекст, 2) экзистенциальный контекст (подразумевает мир объектов, состояний, событий, т. е. то, к чему отсылает высказывание в акте референции), 3) ситуационный контекст, 4) акциональный контекст (конституируется речевыми актами), 5) психологический контекст (включает ряд психологических и когнитивных категорий).

В рамках предлагаемой концепции выделяются три типа контекста: 1) микроконтекст (эксплицитно содержится в микротексте, ближайшем речевом окружении), 2) макроконтекст¹ (эксплицитно содержится в макротексте, отдаленном, дистанцированном речевом окружении) и 3) контекст-тень (имплицитно содержится в ситуации). Понимание контекста коммуникантом входит в его индивидуальное когнитивное пространство. Одинаковое понимание контекста коммуникантами является частью пресуппозиции. С другой стороны, сама пресуппозиция является частью контекста, актуализируясь в нем.

Проблемы в общении возникают, если один из коммуникантов не понимает смыслов, актуальных для данного

¹ Заметим, что данный термин иногда используется для обозначения совершенно иного вида контекста: например макроконтекст «для устноразговорной стилиевой сферы — это сама жизненная ситуация» (Ю. Ю. Авалиани).

коммуникативного акта, т. е. когда для одного из коммуникантов контекст остается закрытым («Я догадываюсь, что Вы что-то имеете в виду, но я не понимаю, что именно») или неосознанным и, следовательно, «несуществующим» («Я вообще не понимаю, о чем Вы говорите и что Вы имеете в виду»).

Что касается четвертого компонента коммуникативного акта — речи, то следует не только изучать совокупность языковых средств, т. е. собственно речь как компонент ситуации, но учитывать пресуппозицию и контекст, обуславливающие отбор данных средств, и анализировать все аспекты КА, включая прагматический (прагматика является не компонентом, но именно аспектом² КА и поэтому не включается в его структуру, изображенную на сх. 8). Итак, в центр внимания поставлен дискурс как структурная составляющая КА.

Термин «дискурс» сколь популярен, столь и малоопределен. Сам термин ввел в обиход Ю. Хабермас для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни. В научной литературе дискурс рассматривается как совокупность текстов с учетом их экстралингвистических параметров (в лингвистике); как общение, характеризуемое как реализация определенных дискурсивных практик (по Фуко) (в социологии, социальной семиотике и политологии); как

ДИСКУРС

² Аспект (от лат. *aspectus* — вид) — точка зрения, с которой рассматривается какое-либо явление, понятие, перспектива (СЭС, 1981: 85). Прагматика речи — зачем я говорю, с какой целью. Следовательно, прагматика как таковая относится не столько к системным явлениям, сколько к функциональным проявлениям системы и касается в первую очередь речевого поведения личности. В силу этого я говорю именно о прагматическом аспекте, но не о компоненте коммуникативного акта.

вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (по Хабемасу) (в логике, философии, социологии и социальной семиотике). Однако даже в рамках лингвистической науки термин «дискурс» используется исследователями для обозначения феноменов разного порядка: спектр его употребления весьма широк, понимание же его колеблется от почти синонимичного терминам *речь, связная речь* (Г. Г. Почепцов), *поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст* (В. Г. Бор-ботько), от *коммуникативно целостного и завершенного речевого произведения* (В. Клобуков) до *определенного типа ментальности* (Н. Д. Арутюнова), от *вербализованного работающего сознания* (О. Г. Ревзина, О. В. Жукова) до *сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие* (ван Дейк), от *реального, естественного текста* до *речевых жанров*. В целом следует отметить, что термин используется в узком и широком понимании. Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла (концепция О. Б. Сиротининой). Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедеятельностных возможностей отдельной языковой личности (П. В. Зerneцкий), как система коммуникации (Ю. А. Шрейдер, В. М. Сергеев) (см. обзор разных точек зрения в работах Н. А. Герасименко, Е. О. Менджерицкой, М. Л. Макарова, Дж. Браун и Дж. Юль (C. Brown, G. Yule), Н. Н. Мироновой, а также см. историю вопроса в докторской диссертации В. Г. Борботько). Обобщая существующий опыт анализа дискурса, Д. Шиффрин выделяет три подхода к определению данного понятия: во-первых, дискурс определяется с позиций формально ориентированной лингвистики, когда дискурс понимается как произведение, превыша-

ющее по объему предложение; во-вторых, дискурс с функциональной точки зрения определяется как любое употребление языка; в-третьих, дискурс рассматривается с точки зрения взаимодействия формы и функции, как совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка (см. обзор подходов к изучению дискурса в книгах D. Schiffrin и М. Л. Макарова).

Отмечу, что мне наиболее близко и симпатично понимание дискурса, представленное в работах, например, Т. А. ван Дейка, А. Е. Кибрика и Ю. Н. Караулова. Напомню, что последний понимает под дискурсом речевое произведение, которое рассматривается во всей полноте своего выражения (вербального и невербального, паралингвистического) и устремления с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия. Однако дискурс не только само произведение, но и деятельность (взятая в совокупности процесса и результата), в процессе которой речемыслительный продукт и порождается; ср.: дискурс по А. Е. Кибрику — «коммуникативная ситуация, включающая *сознание* коммуникантов (партнеров общения) и *создающийся в процессе общения* текст» (выделено мною. — В. К.). Это коррелирует с пониманием дискурса в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную деятельность в условиях реального мира (Д. Эдварде, Дж. Поттер, М. Уэзерелл — D. Edwards, J. Potter, M. Wetherell), а также с трактовкой дискурса как подчеркнуто интерактивного способа речевого взаимодействия. Итак,

дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами.

При рассмотрении дискурса с точки зрения *результата* он (дискурс) предстает как совокупность текстов, порож-

денных в процессе коммуникации. При анализе дискурса как *процесса* дискурс представляет собой вербализуемую («здесь и сейчас») речемыслительную деятельность. В силу только что сказанного в нашей дефиниции дискурса использована форма «*вербализованная*» деятельность. Дискурс имеет 2 плана — собственно лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и presupпозиции (дискурс как процесс).

Существуют ли разные типы дискурса? Многие исследователи положительно отвечают на этот вопрос, с одной стороны, разграничивая, так сказать, национальные дискурсы (например, русский, английский, испанский и т. д.), с другой — в рамках одного национального дискурса выделяя, например, дискурс поэтический, эстетический, научный, критический, педагогический, юридический, политический.

Вероятно, можно говорить о «национальном» дискурсе, и тогда *русский дискурс — это вербализованная рече-мыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата, обладающая как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами и осуществляемая на русском языке представителями русского национально-лингво-культурного сообщества*. При этом, очевидно, возможны пограничные, переходные случаи, когда общение осуществляется, например, на русском языке представителями разных национально-лингво-культурных сообществ (вполне вероятная ситуация, к примеру, в любом учебном заведении, где обучаются иностранцы). О каком дискурсе в таком случае можно говорить: о русском или каком ином? Я думаю, что в подобной ситуации не представляется

возможным определить дискурс как однозначно мононациональный, так как даже при идеальной русской лингвистической форме выражения когнитивные аспекты, т. е. то, что стоит за речью, за лингвистической формой, за языковыми средствами, будут весьма различны и отличны от русских.

Что касается выделения типов (или видов) дискурса в рамках одного национально-лингво-культурного «поля», то при нашем понимании термина, поэтический дискурс есть дискурс поэтических текстов, принадлежащих представителям конкретного национально-лингво-культурного сообщества и предназначенных для представителей того же национально-лингво-культурного сообщества, соответственно, политический дискурс в России, например, есть русский дискурс в русской политической сфере. Иначе говоря, это не есть отдельные типы (виды) дискурса, но лишь некоторые «модификации» последнего, определенным образом «адаптированные» в соответствии с той сферой, в которой он функционирует.

Дискурс, включающий в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется в коммуникации и в ней функционирует, коммуникация без дискурса невозможна

Таким образом, с точки зрения лингвистики, дискурс является единым организмом, в котором одновременно реализуются самые разнообразие аспекты не только языка, но и языкового мышления, поскольку «везде . за грамматическими и нормальными категориями скрываются психологические» (Л. С. Выготский). Текст же как реализация дискурса — это (по выражению Г Вайнриха) такое единство, в котором все взаимосвязано.

Итак, **коммуникативный акт** — это основная единица коммуникации, функционально цельный ее фрагмент. Каждый КА обладает двумя составляющими (*ситуация* и *дне-*

курс) и 4 компонентами (*конституация, контекст, пресуппозиция, речь*).

Дискурс понимается как вербализованная речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность" Человек Сознание Коммуникация М , 1998

Макаров М Л Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь, 1990

Дополнительная

Борботько В Г Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) Дисс доктора филологических наук Краснодар, 1998

Ван Дейк Т А Язык Познание Коммуникация М , 1989

Герасименко Н А Информация и фасцинация в политическом дискурсе//Политический дискурс в России-2 М , 1998 С 20—23

Менджеричкая Е О Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации М , 1977 С 130—133

Миронова Н Н Политический дискурс vs оценочный дискурс // Политический дискурс в России М , 1997 С 41—50

Миронова Н Н Оценочные характеристики дискурса // Политический дискурс в России-2 М , 1998 С 60—66

Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред А Е Кибрика и А С Нариньяни М , 1987

Розенток-Хюсси О Речь и действительность М , 1994

Brown G, Yule G Discourse Analysis Cambr, 1996

Schiffn D Approaches to Discourse Oxf , Cambr, Mass , 1994

ЛЕКЦИЯ 12

Понятие «текст»

Текст с точки зрения ПЛ

ЧТО ЕСТЬ ТЕКСТ?

Сегодня уже мало кто спорит с идеей П. Хартмана о том, что все носители языка говорят только текстами, а не словами и не предложениями, по меньшей мере предложениями из слов в текстах. Ср. с идеей А. А. Леонтьева: «Мы не просто подбираем слова в высказывании соответственно отдельно окружающим нас предметам и явлениям, а вместе с тем строим высказывание сразу как *целое*». Л. Ельмслев же считал, что исследователю языка в качестве исходного пункта дается именно текст «в своей нерасчлененной и абсолютной целостности». О том же писал и Е. Ф. Тарасов: «Текст как одна из форм фиксации речи (речь *post hoc*) является превращенной формой общения, предстоящей лингвисту в качестве единственного объекта исследования, в котором определе-чен и замещен весь процесс общения».

Многими лингвистами давно уже признано, что текст есть едва ли не основная единица коммуникации, ибо, по выражению Г. Вайнриха, «мы говорим нормально не разрозненными словами, а предложениями и текстами, и наша речь покоится на ситуации». Такое понимание текста характерно не только для «чистых» лингвистов и философов языка, но и для тех исследователей, которые изучают речевые произведения с точки зрения психологии и психолингвистики: текст есть «основная единица коммуникации», «феномен реальной действительности и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» (А. А. Леонтьев, В. П. Белянин), текст «со-

держит в себе как бы всю «картинку» ситуации общения в ее единстве и нерасчлененности» (В. И. Голод, А. М. Шахнарович). Именно референция (соотнесенность с соответствующей ситуацией, о чем говорил еще Бенвенист) отличает текст от иных единиц языка, сама же ситуация имеет «статус полноправного компонента структуры текста» (Р. Барт). Психолингвистика изучает процессы производства и понимания текста, социальные, коммуникативные условия протекания этих процессов с учетом экстралингвистических факторов и психологической значимости знакомых единиц языка (Л. В. Головина). Порождение текста зависит не только от целей и условий коммуникации, но и от ситуации, которую он отражает. Думается в связи с этим, что в определенной степени можно согласиться с идеей о том, что текст по сути является некоторой «единицей номинации» (Н. В. Мелихова) и что его наиболее важным аспектом является «номинативная сторона», т. е. соотнесенность языковых элементов с обозначаемыми ими внеязыковыми объектами, реально существующими или мыслимыми, так как всякий текст «говорит о чем-то» (В. Г. Гак). При моти-вационно-целевом анализе, в основе которого лежит концепция Т. М. Дридзе, текст рассматривается как иерархия разнопорядковых смысловых блоков — предикаций (под предикацией в данном случае понимается выраженные в тексте или обусловленные текстом семантико-смысловые связи, существенные с точки зрения реализации основного замысла).

Как отмечалось многими исследователями, текст как явление языковой и экстралингвистической действительности, представляет собой сложный феномен, выполняющий самые разнообразные функции: это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных

традиций и т. д. Все это обуславливает многообразие подходов, множественность описаний и многочисленность определений текста.

Специфика же *психолингвистического подхода* к тексту «состоит в рассмотрении текста как единицы коммуникации, как продукта речи, детерминированной потребностями общения». Поскольку цель любого общения состоит в том, чтобы некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т. е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную реакцию, то задачей любого текста является воздействие на реципиента¹, которое возможно только в том случае, если автор текста выбрал языковые средства, адекватные своему замыслу (коммуникативной программе), а реципиент понял текст адекватно замыслу автора. И поскольку текст существует не вне его создания и восприятия, но только в процессе его смыслового восприятия или в процессе его производства, то, следовательно, задачей психолингвистики текста признается исследование процессов и механизмов порождения и восприятия текста во всей совокупности текстовых элементов и категорий. При этом «основой построения психолингвистической модели того или иного типа текста должен быть учет не только лингвистических аспектов его организации, но и психологических мотивов его порождения. Построение психолингвистической модели восприятия текста должно строиться как на основе учета содержательных и формальных характеристик текста, так и психологических закономерностей восприятия текста различными реципиентами» (В. П. Белянин).

¹ Ср.: «Речь — это деятельность, предполагающая использование Языка с целью воздействия, регуляции мыслительной деятельности собеседника. Текст — это инструмент такого воздействия. Его природа, его устройство подчинены необходимости выполнения этой функции» (А. Н. Рудяков).

Я предлагаю Вам следующее понимание *текста* (в первую очередь — спонтанного, речевого). Текст есть:

1) *вербальный и знаково зафиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности;*

2) *вербальная и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию;*

3) *опосредованное и вербализованное отражение ситуации;*

4) *речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью;*

5) *речемыслительный продукт, который обладает тематическим, структурным и коммуникативным единством»;*

6) *нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видеоленки и т. д.);*

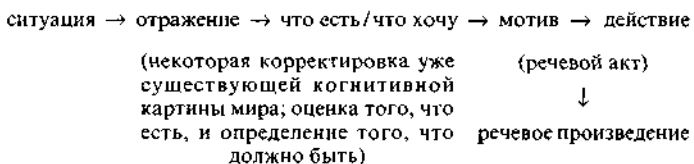
7) *некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего реального мира;*

8) *нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования;*

9) *с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое открывается единицей, с которой начинается вербализация речемыслительного потока, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный).*

Высказанные положения требуют некоторых комментариев. Во-первых, слово «реакция» намеренно взято в кавычки, дабы избежать путаницы и понимания его с пози-

ции бихевиоризма. Во-вторых, следует, очевидно, объяснить понимание текста как некоторой реакции на ситуацию и опосредованного ее (ситуации) отражения. По мнению психологов, даже у низших организмов реакция на раздражение проходит через «этап» ощущений. У человека данный процесс идет на более высоком уровне — через сознательное отражение действительности (вспомним первые лекции). Таким образом, (весьма грубо и приблизительно) цепочка может иметь следующий вид:

В-третьих, говоря о трех единствах, необходимо обязательных для текста, мы следуем идее О. И. Москальской о тематической, коммуникативной и структурной целостности текста. Однако критерий «коммуникативное единство» требует некоторых оговорок: этот критерий однозначно работает при анализе монологических текстов; при изучении же диалогических текстов (например, вопросно-ответных единств) он должен быть некоторым образом уточнен, что и будет нами сделано немного позднее. В-четвертых, тезис об объективном материальном характере текста соотносится с мнением о том, что «текст — нечто существующее объективно, материально, независимо от воспринимающего субъекта» (М. Н. Правдин) и, добавим от себя, от автора текста, т. е. текст есть нечто претерпевшее отчуждение. И наконец, в-пятых, предложенное понимание предикативности текста перекликается с определением предикации в современной психолингвистике, в соответствии с которым предикация есть интеллектуальный процесс, в ходе которого порождается новый элемент — смысл. Сле-

довательно, текст есть форма объективации субъектных смыслов автора во внешней, знаковой, языковой форме (А. М. Шахнарович, В. Б. Апухтин).

Представленное выше понимание текста некоторым образом соотносится с идеей И. Г. Торсуевой о том, что текст как объект реальной действительности существует в четырехмерном гносеологическом пространстве; иначе говоря, текст: 1) существует как качественная единица предметного мира, в которой системой является он сам; 2) существует как часть своей видо-родовой макросистемы и подчиняется ее закономерностям; 3) подчиняется закономерностям микромира, который действует в данных условиях, т. е. особенностям языкового материала; 4) включается в определенную среду, в систему внешних взаимодействий.

Будучи единицей дискурса, т. е. составляющей коммуникативного акта, текст обладает теми же особенностями (во всяком случае основными), которые характерны для коммуникативного акта как такового. Исходя из этого, правомерным будет выделить следующие аспекты, которые должны учитываться при изучении текста:

(1) *экстралингвистический*, текст есть реакция на ситуацию, одним из компонентов которой является конситуация, т. е. собственно экстралингвистическая реальность; конситуация может «провоцировать» порождение текста и в любом случае в нем отражается, но не непосредственно, а через представление о ней (о чем мы уже говорили), представление о ситуации входит в пресуппозицию;

(2) *когнитивный*; именно наличие широкой пресуппозиции предопределяет успешное протекание коммуникации, т. е. отбор адекватных средств при порождении текста и адекватное его понимание;

(3) *семантический*; контекст, наряду с пресуппозицией, влияет на отбор языковых средств и строение текста, с одной стороны, а с другой — обуславливает адекватное его восприятие;

(4) *(собственно)лингвистический*; совокупность языковых средств, формирующих текст, вербальный продукт, который, повторим, по мысли Л. Ельмслева, получает ученый в качестве исходного материала для своих исследований.

Таким образом, текст есть продукт речемыслительной деятельности, который первый раз рождается в момент порождения его автором и может переживать последующие рождения при восприятии его реципиентом. Текст живет именно в момент своего порождения и восприятия. И это не противоречит нашему тезису о «материальности» текста и возможности его «фиксации». Думается, аналогичная ситуация имеет место, когда речь идет, например, о музыкальных произведениях: музыка «живет», только когда звучит, но никто и ничто не мешает «фиксировать» ее с помощью нотных знаков и чисто технических средств (чернил, бумаги, пленки), и в таком виде она может храниться сколь угодно долго, пребывая как бы во сне. При этом если нотную запись возьмет музыкант или некто, кто знаком с музыкальной грамотой, вполне очевидно, что музыка оживет в его голове, для других же людей она останется некой «виртуальной реальностью»: вроде, она есть (мы ее «видим», можем «взять в руки»), а вроде, ее и нет (мы ее не слышим); в таком же «виртуальном» состоянии пребывает и текст вне процессов порождения и восприятия.

Текст объективно предстает как некий текстовый инвариант, который допускает некоторое число вариантов, причем число вариантов, соответствующих данному инварианту, всегда свободно, но не бесконечно. Проблема вариативности в целом представляется достаточно сложной, ибо что считать вариантным пониманием, а что непониманием (искаженным пониманием) текста? Когда речь идет о непосредственной коммуникации, то критерием может служить оппозиция: успешная коммуникация/коммуникативный провал. Когда же мы имеем дело с художественным текстом, то ситуация, на наш взгляд, намного сложнее. Что счи-

тать инвариантом в этом случае? Текст, как его понимает автор, или текст, как его понимают читатели? В связи с этим существуют и разные направления в изучении текста: первое исследует формирование замысла и порождение текста, т. е. идет от автора; второе анализирует восприятие текста и его замысла реципиентом, т. е. идет от читателя. Уже стало общим местом упоминание об известных литературе примерах, когда конечный продукт не (полностью) соответствует первоначальному замыслу. Не является ли в таком случае художественный текст не только абсолютно самодостаточной единицей, живущей по своим собственным законам, но и третьим — и едва ли не самым важным — участником коммуникации, предопределяющим и, если угодно, диктующим реципиентам определенное понимание (при этом и сам автор выступает в роли реципиента)? И обуславливается ли это неадекватным замыслу выбором знаковых форм? Или, напротив, полной адекватностью данного выбора, не зависящего от рационального замысла автора? Данная проблема представляется весьма интересной и заслуживающей особого разговора.

Текст «покоится на ситуации» (Г. Вайнрих): именно ситуация создает мотив и интенцию для порождения текста. Создавая текст, автор производит селекцию знаковых форм и отбирает те из них, которые, с одной стороны, максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел, а с другой — максимально соответствуют «типу» реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст. Таким образом, автор не только создает текст, но и некоторым образом прогнозирует его восприятие реципиентом (Н. И. Жинкин, В. А. Звегинцев, А. И. Новиков, В. П. Белянин, А. Д. Швейцер и др.). Будучи явлением не только лингвистическим, но и экстралингвистическим, текст связан с окружающей действительностью отношениями двунаправленной зависимости.

Определив, что есть текст и указав его основные аспекты, необходимо определить и те признаки, которые данную единицу характеризуют, отличают от единиц иного рода и выделяют из числа подобных, вычлняя в дискурсе. Иначе говоря, необходимо найти и обосновать дифференциальные признаки текста и обозначить его границы (что является едва ли не самым сложным). Для этого необходимо оговорить основные характеристики текста как определенной единицы, выявить текстообразующие категории и определить основные компоненты, формирующие текст.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЕКСТА И ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ

Говоря о дифференциальных признаках текста, о его основных характеристиках, мы используем идею О. И. Москальской о 3-х «целостностях», предопределяющих и обуславливающих цельность автономного речевого построения, определяемого как текст: смысловая целостность, коммуникативная целостность и структурная целостность.

Данные характеристики едины для всех текстов, равно как едины для всех текстов и те текстообразующие категории, которые лежат в основе данных признаков (см. табл. 2).

Таблица 2. Соотношение дифференциальных признаков текста и текстообразующих категорий.

ПРИЗНАКИ	КАТЕГОРИИ
тематическое единство	1) концепт текста 2) смысловое (семантическое) строение 3) логическое строение
коммуникативное единство	1) коммуникативное воздействие 2) эстетическое воздействие
структурное единство	1) синтаксические категории 2) лексические категории 3) фонологические категории

Как видно из таблицы, *тематическое единство* охватывает психологическую категорию (концепт), семантику и логику текста. Под *концептом текста* понимается глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста. Являясь своеобразной «точкой взрыва», вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой — конечной целью при его восприятии. Об этом в принципе писал еще Л. С. Выготский в своем труде «Мышление и речь», хотя он, конечно, не оперировал понятием «концепт». Если некоторым образом попытаться соотнести термины Л. С. Выготского и те, которыми оперируем мы с Вами, то можно сказать, что понятие концепта в нашей системе в некотором смысле соотносимо с «замыслом» текста по Л. С. Выготскому.

Предлагаемому понятию «концепт текста» близко понятие *концепции*, предложенное Т. М. Дридзе и используемое в трудах некоторых исследователей. Итак, по определению Т. М. Дридзе, текст есть некая система смысловых единиц разной степени сложности, комплектности и значимости (с точки зрения достижения целей коммуникационно-познавательной деятельности), функционально (т. е. для конкретной цели/целей) объединенных в единую семанти-ко-смысловую структуру общей концепцией (замыслом). Концепция («главная мысль», «основная идея») может иметь или не иметь словесно выраженной формулировки в тексте, т. е. быть как невербализованной, так и вербализованной. Самое главное — это то, что концепция *всегда* присутствует в тексте в виде определенной мотивации и, естественно, при любых обстоятельствах может быть словесно сформулирована. Если ее нет, то нет и текста (sic!).

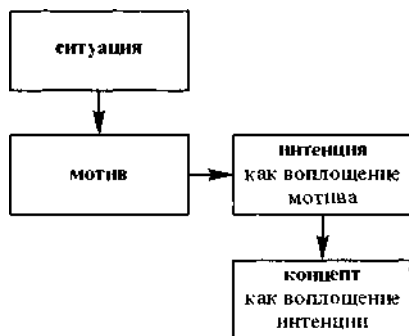
Такое понимание концепции близко к пониманию термина «концепт (концепт текста)», однако только на этапе

восприятия уже существующего (т. е. созданного, порожденного) текста. Концепт текста «зарождается» значительно раньше — до момента начала порождения текста как речемыслительного продукта. Фактически концепт соотносится с *представлением* по Н. И. Жинкину и принадлежит предметно-изобразительному коду: «...зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию». Другими словами, «зарождение мысли» (порождение концепта) происходит в предметно-изобразительном коде, «представление» (концепт текста) может иметь бесконечное число вербальных выражений — собственно текстов. Вместе с тем, в работах Н. И. Жинкина используется и термин «концепт», однако концепт по Жинкину — это «главная мысль», «основная идея», «концепция» (по Дридзе), т. е. опять-таки концепт релевантен только для уже порожденного текста, ибо, по Н. И. Жинкину, во внутренней речи текст сжимается в концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть оттуда восстановлен, при этом «реконструкция» не всегда полностью совпадает с оригиналом. Повторю еще раз, что в рамках предлагаемой Вам концепции и системы взглядов, концепт текста зарождается *до порождения* текста и «разворачивается» именно *в процессе порождения* последнего. При этом при порождении текста разворачивание концепта может носить и нелинейный характер (самоперебивки, уточнения, возвращение к уже сказанному, забегание вперед и т. д.). Однако после порождения концепт никуда не исчезает, он наличествует в самом тексте (хотя и в скрытом зачастую виде). И вот на этом этапе наше понимание концепта и понимание его по Жинкину абсолютно совпадают. Таким образом, концепт текста, будучи воплощением интенции, служит «отправной

точкой» для порождения текста, является целью при восприятии последнего, хранится в памяти (в долговременной памяти) в виде максимально свернутой структуры, некоего мыслительного сгустка, и может быть «повторно» развернут в абсолютно новый текст. Такое понимание концепта окажется нам весьма полезным, когда мы будем рассматривать систему прецедентных феноменов (и в частности — прецедентные тексты) в курсе этнопсихолингвистики.

Попытаюсь с помощью схемы показать, как я представляю себе «процесс порождения» концепта (см. сх. 9).

Схема 9. Отражение ситуации в концепте

В связи с этим возникает вопрос о «рациональности» концепта. (Особенно актуален этот вопрос для исследователя художественного текста, ибо уже ни у кого не вызывает сомнений и возражений идея о том, что художественный текст во многом создается автором интуитивно.) Представляется не совсем корректным ставить знак равенства между концептом и рациональным замыслом, с одной стороны, или концептом и «наитием» — с другой. Думается, что концепт в основе своей сугубо интуитивен и бессознателен, однако в процессе порождения текста, уже на начальном

этапе² концепт осознается автором на уровне «рацио». Однако данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения с точки зрения психологической науки.

Вместе с тем представляется достаточно очевидным уже сейчас, что монологические и диалогические, например, тексты различаются на уровне концепта. Специфика последних состоит в том, что в диалоге участвуют несколько коммуникантов, у каждого из которых имеется своя коммуникативная программа, своя тактика и стратегия коммуникации. У каждого из них рождается свой концепт, появляется свой мотив порождения текста. И следовательно, если они не могут (или не хотят) понять смысл и — через него — концепт текста собеседника, то они создают *параллельные* тексты (что весьма характерно, например, для «театра абсурда»). Если же участники диалога стремятся к успешной коммуникации, то они будут пытаться создавать *один* текст, отражающий ситуацию. При этом некоторый текст (макротекст) может содержать в себе несколько «субтекстов» (микротекстов). Роли коммуникантов в диалоге будут постоянно меняться: в каждый отдельный момент диалога кто-то один будет доминировать при создании текста. Доминирующий коммуникант будет выступать в роли «автора» текста, его собеседник будет выполнять роль реципиента, хотя и активно, возможно, участвующего в диалоге. Доминирующая роль будет определяться тем, чей концепт в данный момент развертывается в тексте. Так, если речь идет о вопросно-ответном единстве (представляющем собой текст), то доминирующая роль будет принадлежать тому, кто задал вопрос с неизвестным, определяющим (задающим) тему текста, ибо при правильном протекании диалога будет реализовываться именно концепт спраши-

² Вслед за А. А. Леонтьевым, будем считать процесс порождения речи поэтапно формируемым речевым действием, которое является составной частью целостного акта деятельности.

вающего (автора вопроса); например (из разговора с ребенком знакомых): *Привет, тебя как зовут? — Саша. — А, это что? Твои рисунки? — Да... я тут вот... А ты умеешь рисовать? — Нет, так у меня, наверно, не получится...* При этом реципиент должен понять смысл, реализующий концепт, «в середине» текста, т. е. как только вопрос задан, иначе не будет ответа или он будет неправильным. Следовательно, будет иметь место коммуникативный провал, и построение текста, адекватно отражающего ситуацию, окажется невозможным. Если вопрос продолжает (уточняет) тему текста, то в тексте разворачивается концепт автора первой (возможно, невопросительной) реплики. Данный концепт представляется реципиенту не (до конца) понятным, и поэтому последний уточняет смысл текста или фрагмент такового и — тем самым — концепт, лежащий в основе порождаемого текста; например: *Слышала, NN скоро приезжает? — Да ты что?! А когда? — На следующей неделе. Во вторник, что ли...*³

Семантическое строение есть содержательная структура элементов смысла текста. Семантическое строение учитывает также количество тем текста.

Логическое строение текста — это последовательность и структура представления смысловых элементов в процессе развертывания текста.

Коммуникативное единство предопределяется коммуникативной целенаправленностью текста. Можно согласиться с тем, что, «независимо от субъектов речевой деятельности, условия коммуникации требуют, чтобы речевой текст, являясь основной единицей общения, оказывал определенное воздействие» (В. П. Белянин). Однако представляется необходимым оговорить следующее: любой

³ Данные типы текстов — через классификацию неизвестного — я подробно анализирую в кандидатской диссертации. Если кого-то заинтересовала данная тема, отсылаю к этой своей работе.

текст (и «речевой», «импровизационный», и художественный, и какой бы то ни было еще) должен оказывать воздействие. Но воздействие это может быть различным в зависимости от коммуникативной программы автора, его интенций и концепта текста. *При коммуникативном воздействии* (что весьма характерно для речевых текстов) автор хочет сообщить информацию (рациональную или эмоциональную) или получить информацию (рациональную или эмоциональную), коммуникация осуществляется ради передачи/получения/обмена информацией и некоторого воздействия на реципиента. Иначе говоря, цель коммуникации в данном случае — воздействовать на реципиента, вызывая его ментально-вербальную или физическую реакцию. *При эстетическом воздействии* (которое особенно актуально, например, для художественных текстов) цель коммуникации — воздействовать на адресата-реципиента и вызвать его ментально-эмоциональную реакцию. Безусловно, такое разграничение является достаточно категоричным и в определенной степени грубым. В реальности оно едва ли может быть отмечено, так сказать, в «чистом» виде. Однако как некоторое принципиальное положение, задающее общее направление анализа и лежащее в основе системы «ядерных» категорий, оно вполне допустимо.

Структурное единство на сегодняшний день, пожалуй, наиболее изученный и описанный аспект, что обусловлено, думается, тем, что оно имеет конкретное формально-знаковое выражение в виде языковых средств, поддающихся инвентаризации и определенной классификации, и сегодня уже существует целый ряд работ, посвященных именно языковым единицам, обеспечивающим структурную целостность текста (Р. Барт, В. Кох, К. Э. Хайдольф, М. Беллерг, Б. Палек, Т. ван Дейк, Г. Вайнрих, Т. Гивон, О. И. Москальская, Г. Е. Крейдлин и др.).

Таким образом, анализируя тематическое и коммуникативное единство, мы имеем дело с текстообразующими

категориями (концепт текста, смысловое (семантическое) и логическое строение; коммуникативное и эстетическое воздействие). На уровне структурного единства текстообразующие *категории* (синтаксические, лексические, фонологические) соотносимы с текстообразующими *компонентами*, представленными различными языковыми средствами, которые в свою очередь имеют корреляты в виде текстообразующих *элементов*, в данных элементах и реализуются соответствующие текстообразующие компоненты в процессе создания (порождения) конкретного текста. Например, фонологические *категории* могут быть представлены такими *компонентами*, как интонация (тип ИК, место центра ИК), паузация, синтагматическое членение, тембр, темп, громкость, регистр и т. д.; *текстообразующими элементами* в данном случае будут конкретные реализации всех вышеуказанных компонентов. Аналогично и на уровне лексических и синтаксических категорий могут быть выявлены текстообразующие компоненты и элементы.

ТЕКСТ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЛ

Как мы уже говорили, текст отражает ситуацию и наша речь покоится на ситуации. Следовательно, в зависимости от ситуации:

1) в одинаковых условиях могут порождаться различные тексты: «Будь добр, открой окно!»; «Ты не откроешь окно?»; «Что, если нам открыть окно?»; «Как душно!»;

2) один и тот же текст может отражать разные ситуации и, соответственно, иметь разное «значение»:

«На улице дождь» — а) мы никуда не пойдем; б) не забудь взять зонт;

«Из окна сильно дует» — а) не садись туда; б) пересядь, а то простудишься; в) окно надо заклеить или отремонтировать.

Определенным образом в рамках ПЛ рассматриваются и актуальное членение (functional perspective) и предикативность.

Предикативность с точки зрения ПЛ — процессуальная комплексная функционально-семантическая категория, осуществляющая соотнесенность сообщения (высказывания) со стимулировавшей его появлению ситуацией. Предикативность воздействует на *весь* процесс порождения — от зарождения до звуковой реализации (А. Б. Скрозников).

Внутренний план речевого мышления идет по правилам «бинарного развертывания» пропозиции, т. е. от *известного (темы)* к *неизвестному (реме)*. Минимальной единицей мысли является *предикатема*, т. е. Т + R, это — единица психологического синтаксиса, которая может не соответствовать тема-рематической паре в поверхностной структуре языка. Каждая предикатема несет в себе один смысл. Смысл — идеальная сущность, которая порождается вступившими в состав предикатемы в предикативную связь элементами. Предикативная связь — основная ступень сложной иерархической системы смысловых связей между элементами развертывающейся в речи мысли. По данным исследований В. Б. Апухтина, глубина каждого блока по числу входящих в него предикатем не превышает 7 ± 2 .

Отметим, что с точки зрения психолингвистики выделяются две основные характеристики текста: связность и цельность.

Связность — категория, характеризующая особенности соединения внутри текста его элементов. Средства связи в тексте и проблеме связности текста особое внимание уделяет лингвистика текста, или транслингвистика. *Целостность* текста связана со смысловым единством. Следует сказать, что может быть текст связный, но не целостный, и наоборот, целостный, но не связный.

Пример первого рода — текст связный, не целостный (принадлежит известному бравому солдату Швейку):

Однако мне тоже хочется, господа, задать вам одну загадку. Стоит четырехэтажный дом, в каждом этаже по восьми окон на крыше два слуховых окна и две трубы, в каж-

*доп. эта же по два квартиранта А теперь скажите, господа, в каком году умерла у швейцара его бабушка?*⁷

Пример второго рода — текст не связный, целостный (ряд анекдотов, посвященных опыту семейной жизни)

На бракоразводном процессе

Судья (обращаясь к мужу) *Я все-таки так и не понял, почему Вы хотите развестись. Ваша жена не разрешала Вам встречаться с друзьями? Возражайте, когда Вы отправились на футбол или на рыбалку? Была ленива, неопрятна?*

Муж *Ну что Вы! Я мог ходить куда когда с кем угодно! У нее прекрасные отношения со всеми моими друзьями! Она прекрасная хозяйка, всегда следит за собой и за домом.*

Судья ?'

Муж *Ну вот представьте себе, Ваша честь. Весна. Майские праздники. Солнышко светит, птички поют. Красота! Настроение отличное! А она «Вынеси елку! Вынеси елку!»*

Анекдот от В Шендеровича о мире животных

По пустыне идут два верблюда. День идет, два, неделю, две недели. И тут один из них говорит: «Знаешь, что бы о нас не говорили, все-таки пить очень хочется!»

По этому же принципу строятся и многие квазигрузинские тосты

Многие ПЛ исследования преследуют цель проникновения в замысел текста, в ядро его смысла. Одна из методик — методика Л В Сахарного, которая в наше время разрабатывается А С Штерн. В основе этой методики лежит выделение ключевых слов. Например, если свести к 10 ключевым словам «Преступление и наказание», то получим следующее (эксперимент был проведен со студентами филологического факультета)

Раскольников Ницета Теория Убийство Расследование Психология Совесть Наказание Вера Возрождение

Раскольников Идея. Старуха. Топор. Преступление. Порфирий. Соня Сомнения. Муки Вера

При задании свести содержание романа к одному предложению (не больше 10 слов) были получены следующие результаты.

Из-за идеи Раскольников убивает старуху, проходит через муки и раскаяние к вере и очищению.

Герой по теории совершает преступление, но, раскаявшись, несет наказание и возрождается к новой жизни

В принципе это и есть в некотором смысле концепт текста по Н.И. Жинкину. И это есть некоторая вербализация того, что мы называем инвариант восприятия текста (об этом мы будем говорить в курсе этнопсихолингвистики).

Предложения и слова в составе текста вступают в смысловые связи, которые могут дать эффект, на который автор текста может вовсе не рассчитывать. Примеры из книги Л. В. Сахарного:

*Продается собака Ест любое мясо Очень любит маленьких детей
Кинолекторий Хочу все знать (Бесплатно)*

Пример из сочинений:

*Дедушка проснулся и наше ч на огороде совсем мало помидоров Они
вышли в море*

*Павел Петрович поехал на дуэль в клетчатых пантачо-нах Они
разошлись Раздался выстрел*

В целом связность текста понимается как категория лингвистики. Предложения, характеризуемые признаком связности, воспринимаются как единство. Связность не имеет степени либо она есть, либо ее нет. Цельность представляет собой категорию психолингвистики, она служит характеристикой текста как смыслового единства, единой структуры. Связность, как категория лингвистики, связана со структурным единством текста, а цельность, как категория психолингвистики, — с концептом и — через него — с психолингвистическими категориями текста.

Итак, повторим.

Текст — многоплановый феномен, основная единица дискурса, он принадлежит как собственно вербальному, так и экстралингвистическому миру; будучи ядром коммуникативного акта (КА), обладает теми же 4 аспектами, что и любой КА. Текст имеет свои *дифференциальные признаки* и *текстообразующие категории*.

Основными характеристиками текста с точки зрения ПЛ являются *связность* и *цельность*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность" Человек Сознание Коммуникация М , 1998

Дополнительная

Аспекты изучения текста М , 1981

Бечянин В П Психолингвистические аспекты художественного текста М , 1988

Гак В Г О семантической организации текста // Лингвистика текста Мат-лы науч конф М , 1974 Ч I С 61—66

Головина Л В Креолизованный текст закономерности построения//Речевое общение цели, мотивы, средства М , 1985 С 45—88

Голуб В И , Шахнарович А М Когнитивные и коммуникативные аспекты текста как инструмента общения // Текст как объект лингвистического анализа и перевода М , 1984 С 26—34

Горюхов И Н , Седов К Ф Основы психолингвистики М , 1997

Дридзе Т М Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текста М , 1981 С 129—136

Дридзе Т М Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации М , 1984

Жинкин Н И Речь как проводник информации М, 1982

Жинкин Н И О кодовых переходах во внутренней речи // Риторика 1997, № 1(4) С 13—21

- Леонтьев А А* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания М, 1969
- Лингвистика текста Мат-лы науч конф М, 1974 Ч I—II
- Лингвистика текста Уч зап МГПИИЯ Вып 103 М, 1976
- Лингвистика текста Куйбышев 1976
- Лингвистика текста Уч зап МГПИИЯ Вып 141 М, 1979
- Лот ван Ю М* Культура и взрыв М 1992
- Москачская О И* Грамматика текста М, 1981
- Р) бакин Н А* Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие Проблемы прикладной психолингвистики М, 1972 С 130—135
- Сахарный Л В Барина И А* Изучение цельности и связности текстов разговорной речи//Семантика целого текста Одесса, 1987 С 140—141

ЛЕКЦИЯ 13

Порождение и восприятие текста Модель коммуникативного акта

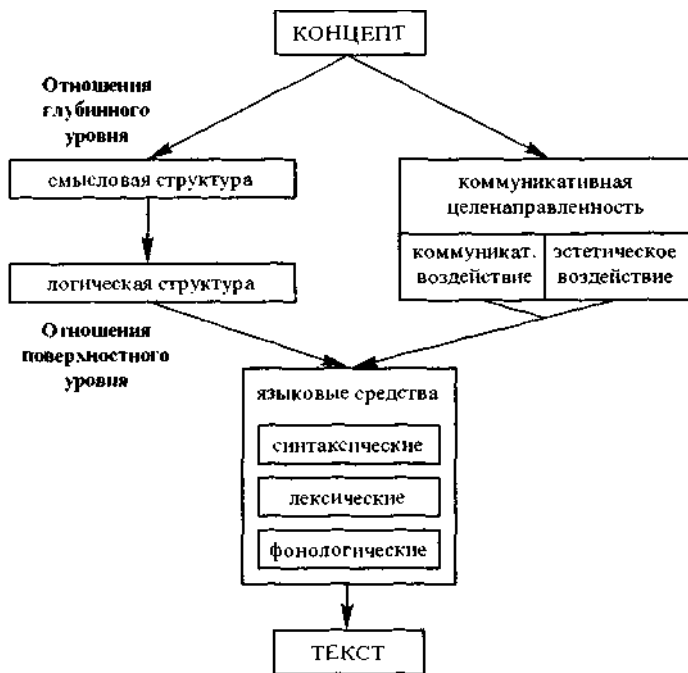
ПОРОЖДЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА, НАПРАВЛЕННЫЕ ЗАВИСИМОСТИ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ

При порождении текста отправной точкой является концепт, который предопределяет смысловое (семантическое) строение текста, а через него — логическое строение. Помимо этого, концепт, отражая интенции автора и будучи опосредованным (через интенции) воплощением мотива порождения текста, задает коммуникативную целенаправленность последнего коммуникативное или эстетическое воздействие (данный аспект является едва ли не самым важным в процессе коммуникации). Логическое строение и коммуникативная целенаправленность диктуют выбор того репертуара языковых средств, который реально используется при порождении текста. Таким образом, существующие зависимости можно представить в виде следующей схемы (см сх Юнастр 126)

Совершенно очевидно, что *при восприятии текста* реципиент идет в обратном направлении от текста (в его вербально выраженной форме) к концепту. При этом для адекватного восприятия концепта принципиально важны

— контекст в самом широком смысле этого слова (микроконтекст, макроконтекст, контекст-тень),
на поверхностном уровне
— общий фонд знаний автора и реципиента, или пресуппозиция

Схема 10. Связи текстообразующих категорий при порождении текста

О двух уровнях переработки речевого сообщения, двух уровнях восприятия писал А. Р. Лурия: на первом уровне происходят процессы расшифровки воспринимаемых языковых кодов, на втором — процессы расшифровки глубинного смысла, который лежит за воспринимаемым сообщением. Ю. С. Зеленев также выделял два уровня: поверхностный (грамматический) уровень, или уровень поверхностных структур, и глубинный (семантический) уровень, или уровень глубинных, смысловых структур, что некоторым

образом может быть объяснено и через задействие когнитивных структур определенного типа: лингвистических или феноменологических. Данные уровни не аналогичны тем, о которых говорим мы с Вами, однако некоторые параллели, безусловно, могут быть установлены.

Таким образом, для адекватного восприятия текста (от вербально зафиксированного плана выражения до глубинного плана содержания — концепта) крайне важна кон-ситуация в целом, охватывающая отношения как поверхностного, так и глубинного уровней (ср. с мыслью В. П. Белянина о том, что «реципиенту для понимания текста необходимо уметь понять его как знаковую упорядоченность смыслов, соотнести текст с действительностью, со своими знаниями и представлениями о действительности»).

В целом проблема восприятия, понимания, интерпретации речевого произведения широко отражена в литературе: В. Б. Апухтин, И. В. Арнольд, Е. Г. Биева, А. А. Брудный, В. З. Демьянков, Т. М. Дридзе, Н. И. Жинкин, Ю. С. Зеленев, И. А. Зимняя, Е. С. Кубрякова, С. В. Куликов, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. Л. Никифоров, В. К. Нишанов, А. И. Новиков, И. П. Панков, М. Полани, М. В. Попович, М. Н. Правдин, Т. В. Рябова (Ахутина), Л. А. Селицкая, Е. Ф. Тарасов, Г. Л. Тульчинский, А. М. Шахнарович, Дж. Моравчик (J. Moravcsik), П. Зифф (P. Ziff) и многие другие. В XX веке возникло и особое направление — библиопсихология, в центре внимания которой находится соответствие характеристик текста и его реципиента (основоположником этого направления является Н. А. Рубакин, интересное развитие эта концепция получила в работах В. П. Белянина).

Восприятие текста рассматривается многими учеными как психологический процесс. Его сущность заключается в создании у реципиента *образа содержания текста*, последний же всегда динамичен. Иными словами, он не *есть*, он *становится*, и лишь в постоянном становлении его бы-

тие. Действительным предметом восприятия текста является не текст как лингвистическая данность, а содержание текста в широком смысле, т. е. то в его содержании, что существенно для дальнейшего использования в «большой» деятельности.

Понимание есть процесс перекодирования, который позволяет осуществить переход от линейной структуры текста, образуемой последовательностью материальных знаков языка, к структуре его содержания. Понять текст — это значит совершить переход от его внешней языковой формы к модели предметной ситуации, составляющей его содержание. В процессе понимания реципиент создает одну или несколько мысленных моделей определенных фрагментов внешнего, внутреннего или воображаемого миров. В основе процесса понимания лежит механизм декодирования, результатом которого призвана быть модель состояний действительности, вычлняемая и интерпретируемая на основе данной семиотической системы — языка. Понимание — универсальная процедура осмысления действительности посредством рассмотрения ее через призму определенных нормативно-ценностных систем общественной практики. «Понять» означает не «усвоить» смысл, а «придать, приписать его». Каждый раз, когда осуществляется понимание чего-либо, субъект создает некоторые мыслительные конструкции, как-то связывая их с объектом понимания. Данные конструкции в самом объекте не даны. Нельзя «увидеть» смысл в тексте, цель — в действии, структуру — в предмете; их можно построить, установить, создать. Результат понимания имеет относительный, а не абсолютный характер, так как принципиально зависит от цели субъекта, его знаний о мире и т. д.

Следует отметить, что ряд исследователей разграничивают такие понятия, как восприятие и понимание речи, и тогда восприятие трактуется как получение некоторого продукта устройством, а понимание есть обработка тек-

ста, которая вызывает изменение внутреннего состояния устройства. При таком подходе в процессе понимания текста выделяются три этапа: 1) синтаксический анализ; 2) преобразование синтаксических структур текста в структуры внутреннего представления текста; 3) выбор единственной структуры внутреннего представления текста и присоединение ее к предметным знаниям. Если нет последнего этапа, то входной текст остается непонятным.

В литературе можно найти также и разграничение таких понятий, как понимание и интерпретация текста; например, Е. С. Кубрякова разграничивает:

<i>Понимание</i>	<i>Интерпретация</i>
<ul style="list-style-type: none"> — осмысление текста по его компонентам — соотнесение языковых форм с их значениями — выведение общего смысла текста на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установления отношений между ними 	<ul style="list-style-type: none"> — переход в восприятии текста на более глубокий уровень понимания, связанный с. 1) процедурами логического вывода и получением знаний выводного типа 2) соотнесением языковых знаний с неязыковыми

Интерпретация происходит в общем контексте познавательной и оценочной деятельности человека в отличие от *понимания*, происходящего в опоре на язык, поскольку интерпретация есть 1) совмещение понятого в языковом отношении текста со знаниями о мире, 2) умозаключение о содержании текста, пропущенное через предшествующий опыт человека, 3) всегда выход за пределы текста как непосредственной данности, в рамках которой человек остается при простом осмыслении высказывания текста.

Интерпретация текста — восстановление по тексту структуры общения (коммуникативного акта), т. е. «рас-

предмечивание» текста, а затем помещение текста (точнее, модели текста, построенной в ходе анализа и описания) в восстановленную структуру коммуникативного акта, в которой он получает качественную определенность (Е. Ф.Тарасов).

Многие исследователи, рассматривая процесс понимания (восприятия, интерпретации) текста, отмечают, как и Е. С. Кубрякова, важность предшествующего опыта реципиента (или, по нашей терминологии и в рамках нашей концепции, индивидуального когнитивного пространства — ИКП). Так, источники вариативности понимания вербальных текстов (по Е. Ф. Тарасову, М. Л. Сосновой):

1. текст — средство передачи информации о действительности, но отражает он ее непрямо, а косвенно, превращение (т. е. носит превращенный характер);

2. текст отражает не саму реальность, а знания автора текста о ней, т. е. его мир идеальных образов;

3. смысловые скважины текста (по Н. И. Жинкину), т. е. намеренное или ненамеренное опускание фрагментов информации при продуцировании текста.

Е. Г. Биева пишет, что восприятие и понимание текста происходит при взаимодействии двух компонентов: 1) семантической организации и смысловой структуры текста и 2) того, что содержится в сознании и памяти воспринимающего индивида и включает уровень его языкового развития и запас знаний о предмете описания, т. е. фактически того, что мы договорились называть ИКП. См. также: «...выделение информации из декодируемого текста и формирование его смысла определяется предшествующим опытом относительно референтов данной информации и его актуализацией в зависимости от прагматически значимых характеристик текста», и следовательно, прагматический аспект декодирования текста есть «информационно-смысловая интерпретация содержащейся в нем информации, актуальной для деятельности реципиента, реализующаяся

на основе его предшествующего опыта относительно содержания данной информации» (С. В. Никифоров). Однако для понимания, восприятия текста важно не только ИКП реципиента, но и общий фонд знаний коммуникантов, актуальный для данного конкретного акта коммуникации, т. е. пресуппозиция (в широком смысле — от микро- до макро-). И хотя авторы не пишут об этом прямо и делают акцент именно на знаниях реципиента, имплицитно наличие пресуппозиции предполагается, отсюда и признание необходимости наличия «социальных знаний», см.: «смысловое восприятие текста предполагает не только соотнесение физической субстанции языковых знаков текста с общими для всех носителей данного языка социальными знаниями, т. е. знания языковых знаков, но и предполагает также соотнесение с теми социальными знаниями реципиента, которые имеются у него как у исполнителя деятельности, в которой был продуцирован воспринимаемый текст» (Е. Ф. Тарасов). И еще более категорично: «Для распредмечивания речевого текста [понимания — по Е. С. Кубря-ковой] требуются лингвистические знания, а для распредмечивания предметов, на которые указывается в тексте [т. е. для его интерпретации] требуются также и энциклопедические знания» (Е. Ф. Тарасов, М. Л. Соснова).

Завершая наш обзор различных точек зрения, скажу, что в принципе термины «восприятие, понимание, интерпретация» могут трактоваться как синонимичные. Однако, если проводить некоторые границы между ними, то, пожалуй, следует признать, что первым этапом является именно *восприятие* текста как «прием» некоторого сообщения некоторым «устройством». Затем наступает этап осмысления, через анализ вербальной формы, который приводит к *пониманию* текста. И затем, путем соотнесения «декодированной», вычлененной из текста информации с имеющимися знаниями об экстралингвистической реальности (от знания конситуации общения до знания необходимых в данном

конкретном коммуникативном акте элементов когнитивной базы), происходит *интерпретация* текста. Смысловое восприятие есть процесс приема (рецепции) и осмысления, результатом которого является понимание (или непонимание) речевого сообщения (И. А. Зимняя). Иначе говоря, реципиент как бы «восходит» от восприятия текста к его интерпретации. Все три стадии крайне важны для осуществления адекватной, успешной коммуникации. Смысловое восприятие текста — это не только и не столько проблемы общего его понимания, как прежде всего проблема ориентации реципиента в том, что является целью или основным мотивом получаемого сообщения (т. е. адекватная интерпретация текста связана с пониманием концепта текста — sic! — В. К.), и в этой связи в концептуальной организации текста и текстовой комбинаторики (Г. М. Дридзе).

Говоря об адекватности восприятия и понимания текста, я имею в виду определенное соответствие между интерпретациями текста, которые даются автором и реципиентом, т. е. адекватная интерпретация имеет место, если реципиент трактует основную идею текста (основную концепцию, проводимую в нем) адекватно замыслу автора. И хотя я считаю, что каждый текст полипресуппозиционен (если использовать термин В. А. Звегинцева), можно, очевидно, говорить о некоем «пресуппозиционном инварианте», который максимально полно и точно соответствует содержанию текста. Данный инвариант обуславливается совокупностью знаний и представлений, которыми обладает «средний» носитель данного языка, данного менталь-но-лингвального комплекса, с одной стороны, а с другой — определенной системой знаковых форм, которые служат для выражения данных знаний и представлений. Иными словами, пределы вариативности толкований зависят от инвариантных смыслов всей структуры и ее элементов в их взаимодействии; за данными пределами начинаются искажения. Таким образом, наличие когнитивной базы обус-

ловливает существование некоего «пресуппозиционного инварианта». Запомним этот тезис, так как он понадобится нам в курсе этнопсихолингвистики, когда мы будем говорить об инварианте восприятия прецедентного текста и потенциального инварианта восприятия любого текста, ибо когнитивная база задает определенную систему координат, в которую «вписываются» и сквозь которую воспринимаются и оцениваются все новые порождаемые тексты.

Итак, повторим основные положения. *Текст* есть единица дискурса, манифестирующая лингвистические и экстралингвистические феномены, в которых проявляется языковое сознание и языковая личность как таковая. *Ситуация* как фрагмент объективно существующей реальности, частью которой являются как экстралингвистические, так и собственно лингвистические феномены, вызывает определенную психическую реакцию, побуждает к некоторому действию: вербальному или невербальному. Данная реакция «оформляется» в *мотив* (психическую реакцию на ситуацию), который, в свою очередь, может воплотиться в психолингвистическую реакцию на ситуацию — *интенцию* вербальной реакции (отклика) на внешний раздражитель. Вербальная реакция на ситуацию, продукт речемыслительной деятельности и есть *текст*.

Мотив и текст не связаны прямолинейно. Мотив, будучи импульсом создания речевого произведения (текста), воплощается в концепт порождаемого текста. *Концепт текста* есть мыслительный сгусток, максимально свернутая глубинная смысловая структура, развертывание которой происходит в процессе порождения текста. Концепт является отправной точкой непосредственного порождения текста и в этом смысле соотносим с внутренней динамической схемой высказывания, или с внутреннеречевым замыслом высказывания, который «является сокращенным внутреннеречевым эквивалентом будущей внешней речи. От внешней речи он отличается грамматической неформ-

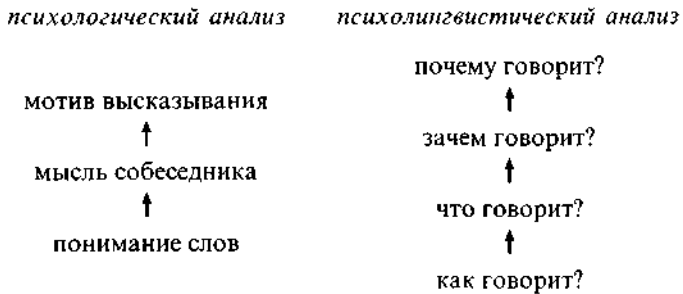
ленностью, особым семантическим строем и редуцированием звуковой формы» (Т. В. Рябова). Очевидно, именно в концепте осуществляется внутреннее программирование речевого высказывания, т. е. «неосознаваемое построение некоторой схемы, на основе которой в дальнейшем порождается речевое высказывание» (А. А. Леонтьев). Используя меткое сравнение А. А. Леонтьева, можно сказать, что концепт подобен поручику Кижэ, «фигуры не имеющему», т. е. еще не оформлен «ни лексематически, ни грамматически, ни тем более фонетически» (правда, А. А. Леонтьев привел это сравнение, говоря о «ядерных утверждениях» Ос-гуда). Развертывание концепта носит нелинейный характер, при порождении текста происходит «сканирование» развертывающейся семантической структуры (смыслового строения), которая может быть более простой или более сложной, одно- или многонаправленной, может реализоваться в микро- или в макротексте через раскрытие, вербализацию микро- или макротемы.

Микротема понимается как минимальное, нечленимое и неделимое смысловое ядро, «атомарная» тема. *Макротема*, соответственно, есть сочетание, совмещение микротем; плодом такого совмещения, слияния является некий феномен иного порядка — тоже смысловое ядро, но более сложной структуры, так сказать, «молекулярная» тема, если продолжить аналогию с естественнонаучными знаниями.

В *микротексте* имеет место только одна предикация, одно соотнесение темы текста, «идеи», выраженной вербальным актом, с экстралингвистической реальностью, что происходит в процессе вербализации идеи. Соответственно, *макротекст* характеризуется наличием нескольких предикаций. Таким образом, макротекст есть своего рода макроструктура, которая образуется «как некое многоуровневое целое, имеющее последовательность текстовых высказываний. Коммуникативные цели всех составляющих этой последовательности одни и те же, хотя конкретные ре-

ализации их разнятся, дополняют друг друга, имеют еще и «свои» цели, помимо общей» (К. Менг).

И еще одна оговорка, которая представляется необходимой. При анализе готового, уже существующего, «чужого» текста следует (да иначе, вероятно, и невозможно) идти тем же путем, которым идет обычно реципиент при восприятии текста: от формы (текстообразующих категорий, реализующих структурное единство) к содержанию (концепту). Иначе говоря, мы «восходим» от понимания слов и их значения к смыслу и мотиву высказывания, о чем писал еще Л. С. Выготский; а именно:

Рассмотрим текст максимально упрощенной структуры—микротекст, представленный монологической единицей.

Ситуация 1. На улице идет дождь. А. собирается выйти на улицу. Б. провожает А. в дверях:

(текст 1) *Возьми зонт: на улице дождь.*

(текст 2) *На улице дождь — возьми зонт.*

Ситуация 1 спровоцировала вербальную реакцию Б. (текст 1 или 2), которая может, кстати, сопровождаться и невербальной реакцией: например, если Б. протягивает зонт А. Тексты 1 и 2 являются микротекстами, так как характеризуются тремя единствами: тематическим, коммуникатив-

ным и структурным, — являющимися дифференциальными признаками текста. Данные признаки реализуются в текстообразующих категориях:

1. на уровне тематического единства (текстообразующие категории: концепт, смысловое строение и логическое строение текста): части текста могут легко меняться местами, поэтому тексты 1 и 2 являются синонимичными (различие в актуальном членении высказываний);

2. на уровне коммуникативного единства (текстообразующая категория в данном случае — коммуникативное воздействие): побуждение;

3. на уровне структурного единства (текстообразующими являются синтаксические, лексические и фонологические категории): тексты 1 и 2 представлены одним высказыванием; бессоюзию, но четко выраженные причинно-следственные отношения, легко восстанавливаемые из контекста; тексты произносятся как двусинтагменное, но единое высказывание, ибо в противном случае потеряется единая коммуникативная целенаправленность текста и его тематическая целостность.

Рассмотрим более сложный пример.

Ситуация 2. На улице идет дождь. А. собирается выйти на улицу. Б. провожает А. Б. смотрит в окно (текст 3), а потом обращается к А. (текст 4):

(текст 3) *На улице дождь.*

(текст 4) *Возьми зонт.*

Ситуация 2 спровоцировала вербальную реакцию Б. (тексты 3 и 4), которая также может сопровождаться невербальной реакцией (но: только текст 4). Тексты 3 и 4 являются самостоятельными микротекстами. Их принципиальное отличие от текстов 1 и 2 состоит в том, что:

1. на уровне тематического единства (текстообразующие категории: концепт, смысловое строение и логическое строение текста): тексты 3 и 4 не могут меняться местами,

ибо такая мена привела бы к полному нарушению логики и разрушению смысла;

2. на уровне коммуникативного единства (текстообразующая категория — коммуникативное воздействие): текст 3 — констатация факта; текст 4 — побуждение; таким образом, имеет место различная коммуникативная направленность;

3. на уровне структурного единства (текстообразующими являются синтаксические, лексические и фонологические категории): тексты 3 и 4 произносятся как самостоятельные высказывания, разделенные паузой значительно большей, чем в текстах 1 и 2.

В целом различия между текстами 1 и 2, с одной стороны, и 3 и 4 — с другой, в первую очередь касаются текст-образующих категорий двух «верхних» этажей (тематическое и коммуникативное единства) и фонологических категорий.

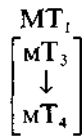
Вместе с тем тексты 3 и 4, будучи микротекстами, формируют текст более сложной структуры — макротекст.

Причины подобного утверждения следующие:

1. единая ситуация, провоцирующая порождение микро текстов и отражаемая в макротексте, т. е. одна и та же ситуация вызвала более сложную реакцию: макротекст разворачивается через сканирование-развертывание двух микротем;

2. определенная логическая последовательность развертывания микротекстов (мТ): один является логическим стимулом другого; структура макротекста (МТ) может быть представлена на следующей схеме (см. сх. 11):

Схема 11. Структура МТ.

3. причинно-следственные отношения, существующие между текстами 3 и 4, могут быть эксплицированы на лексико-синтаксическом уровне средствами связи.

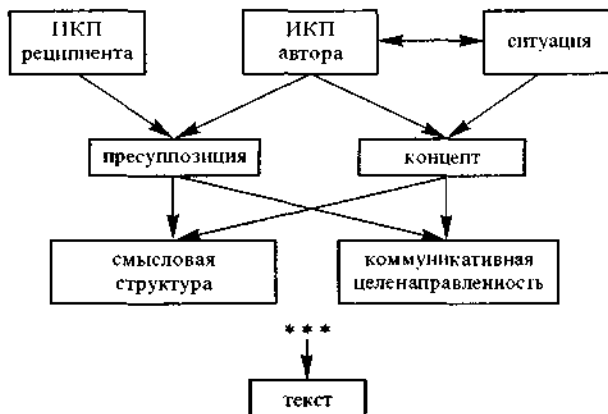
Возможны, однако, более сложные варианты, когда сканирование макроструктуры (концепта макротекста) реализуется также в развертывании микроструктур (микротекстов). Общее направление развертывания макротекста определяется аналогично тому, как определяется общее направление векторов в математике. Наиболее явно это видно в монологических текстах. Однако подобная картина наблюдается и в диалогических построениях.

Для данной модели в целом оказывается актуальным положение о том, что каждый коммуникант (будь то автор текста или его реципиент) обладает своим ИКП, неотъемлемой частью которого является, в том числе, и КБ (как минимум — ее ядро). На пересечении ИКП образуется некая зона «общих» знаний и представлений, актуальная «здесь и сейчас», которую мы называем пресуппозицией. Последняя же при порождении текста может в некоторой степени предопределять смысловую (семантическую) структуру и коммуникативную целенаправленность текста, а при восприятии оно — крайне важна для его понимания.

Ситуация, провоцирующая порождение текста, и ИКП-ва, лежащие «в основе» пресуппозиции, по отношению к концепту текста являются феноменами одного уровня, связанными отношениями взаимообусловленности. Повторим, что ситуация создает определенный мотив и каузирует определенные интенции порождения текста в соответствии с КП-вами, которые, с одной стороны, обуславливают восприятие самой ситуации, а с другой — предопределяют характер мотива и интенций. Таким образом, на «формирование» концепта текста оказывают влияние два фактора: ситуация и ИКП автора (его индивидуальный фонд знаний). Помимо этого ИКП автора «влияет» («через» пресуппозицию) и на смысловую структуру и на

коммуникативную целенаправленность самого текста (см. сх. 12').

Схема 12. Направленные зависимости при порождении текста

Более подробная схема с учетом всех компонентов (составляющих) коммуникативного акта и, следовательно, аспектов текста будет иметь несколько иной вид. Но сначала еще несколько коротких замечаний.

Ситуация как таковая важна на разных этапах² порождения текста:

¹ Значки «* * *», если они наличествуют в схемах, кодируют отношения, полностью представленные в схемах предыдущих. (Заметим в скобках, что все представленные схемы, как всякая попытка более или менее жестко иерархизовать явления языка и речи, в значительной мере «искусственны», так как приходится раскладывать на составные части единый, цельный, живой организм («музыку я разъял, как труп») и достаточно приблизительны, так сказать, «грубы».)

² Об этапах при порождении писали, например, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Т. В. Рябова, У. Чейф (W. Chafe) и другие лингвисты, психолингвисты и психологи.

1. на этапе *формирования* («рождения») концепта;
2. на этапе *отбора* языковых средств;
3. на этапе *проверки* (правильности выбора языковых средств) и — при необходимости — *корректировки* (выбора).

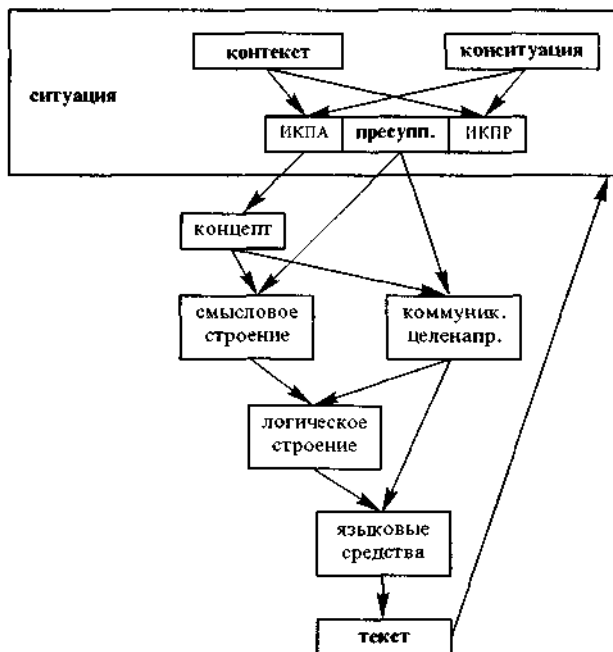
Последний этап имеет 2 фазы: 1) внутреннюю — до произнесения (автором осуществляется самоконтроль); 2) внешнюю — в процессе и после произнесения (автором осуществляется контроль за восприятием и реакцией реципиента и оценивается адекватность и успешность общения).

Конситуация (в процессе или после ее сканирования коммуникантом) и *контекст* (через актуализацию того или иного смысла) могут провоцировать рождение того или иного мотива и интенции речевой деятельности (порождения текста). Воплощением интенции является концепт — глубинная свернутая смысловая структура текста. В процессе порождения текста происходит «сканирование» концепта (аналогичное, по-видимому, сканированию «суперфокуса сознания», по У. Чейфу), результатом чего является его (возможно, нелинейное) развертывание в «поверхностную» смысловую структуру — смысловое строение, и задание (определение) коммуникативной целенаправленности текста или высказывания (как фрагмента текста, например, при диалоге). Для смыслового строения и коммуникативной целенаправленности текста актуальным и релевантным оказывается как индивидуальное когнитивное пространство автора в целом, так и тот его «участок», который входит в пресуппозицию (например, знание конситуации). Смысловое строение текста обуславливает его логическое строение, на которое определенное влияние оказывает и коммуникативная целенаправленность. Логическое строение и коммуникативная целенаправленность предопределяют тот репертуар языковых средств, которые и представляют текст как вербальный продукт речемыслительной деятельности. В выборе языковых

средств (синтаксических, лексических и фонологических) также «участвует» индивидуальное когнитивное пространство автора. На схеме³ это может быть представлено так (см. сх. 13):

Схема 13. Порождение текста

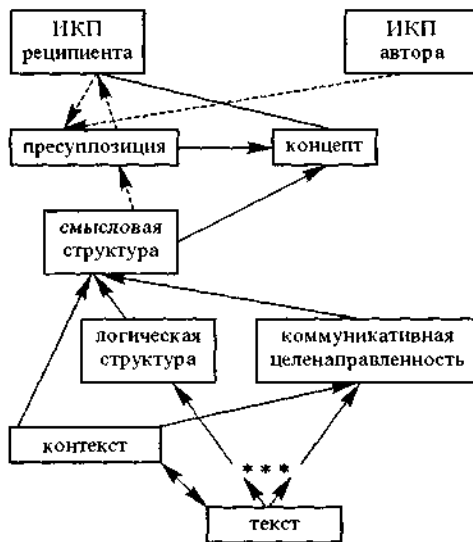

¹ Обозначения, используемые в схемах: *ИКПА* — индивидуальное когнитивное пространство автора; *ИКПР* — индивидуальное когнитивное пространство реципиента; *пресупп.* — пресуппозиция; *комму-нык. целенапр.* — коммуникативная целенаправленность. На указанных схемах жирным шрифтом выделены компоненты ситуации.

МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА

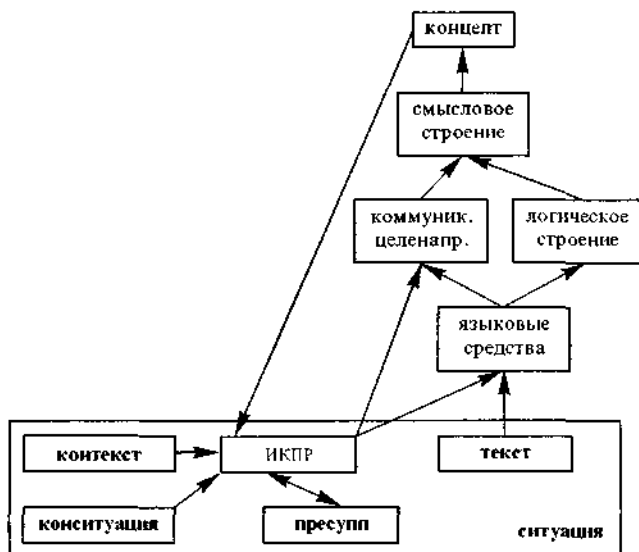
Феноменологические (ФКС) и лингвистические когнитивные структуры (ЛКС) играют важнейшую роль не только при порождении, но и при восприятии текста. Реципиент получает текст, говоря словами Л. Ельмлева, «в нерасчлененной и абсолютной целостности». При физическом восприятии (акустическом или зрительном) реципиент проводит первичную обработку: ЛКС позволяют ему «анализировать» вербализованную знаковую форму (языковые средства), в результате чего он понимает логическое строение и коммуникативную целенаправленность текста. ФКС, входящие в ИКП реципиента как таковое и в пресуппозицию (например, понимание контекста, знание конситуации),

Схема 14. Направленные зависимости при восприятии текста

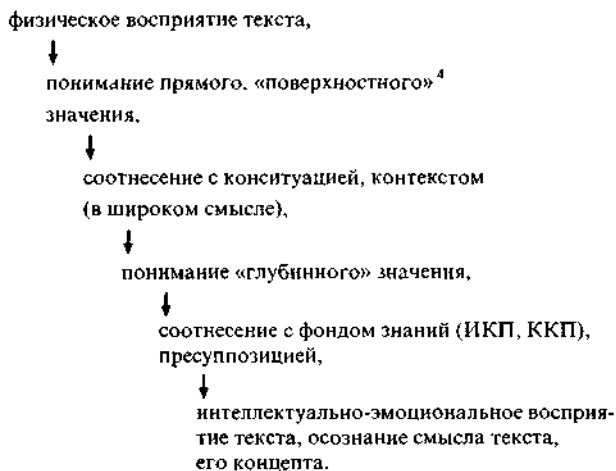
способствуют правильному определению коммуникативной целенаправленности и подчас корректируют ее понимание. Особенно важным это оказывается, когда автор использует косвенные речевые акты, прецедентные феномены, опирается на конситуацию или отсылает реципиента к контексту. Понимание реципиентом логического строения и коммуникативной целенаправленности подводит его (через понимание смыслового строения) к восприятию, осознанию концепта текста. Знание и понимание текста становится частью ИКП реципиента. Схематично только что сказанное может быть изображено следующим образом: сх. 14 (более «грубая», «крупная» схематизация; соотносится со сх. 12) и сх. 15 (более детальное изображение, с уче-

Схема 15. Восприятие текста

том всех компонентов коммуникативного акта; соотносится со сх. 13).

Иначе говоря, путь, который проходит реципиент при восприятии текста, может быть представлен в виде следующей цепочки:

Таким образом, при восприятии текста имеют место три «уровня» значений текста и, соответственно, три уровня понимания текста (см. табл. 3).

Данным уровням при восприятии текста соответствуют уровни, точнее — степени адекватности выражения смысла (концепта) при порождении текста.

⁴ В данном случае термины «поверхностное vs глубинное» используются не в рамках трансформационно-порождающей грамматики, но лишь как более удачные, нежели «первичное vs вторичное», «мгновенное, спонтанное vs более глубокое» понимание текста (с точки зрения вкладываемого смысла, все три варианта терминологических оппозиций синонимичны)

Таблица 3 Соотношение уровней значения и понимания текста

Значение текста	Понимание текста
1) поверхностное	1) восприятие формы, понимание прямого значения (<i>восприятие</i>)
2) глубинное	2) понимание непрямого значения дополнительных модусных смыслов, подтекстов и т д (<i>понимание</i>)
3) смысл	3) понимание смысла, восприятие концепта (<i>интерпретация</i>)

МОДЕЛЬ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

И, наконец, предложим целостную модель коммуникативного акта (см. сх. 16⁵ на стр. 246). Процессы порождения и восприятия текста были нами только рассмотрены и насколько возможно подробно представлены в схемах 13 и 15.

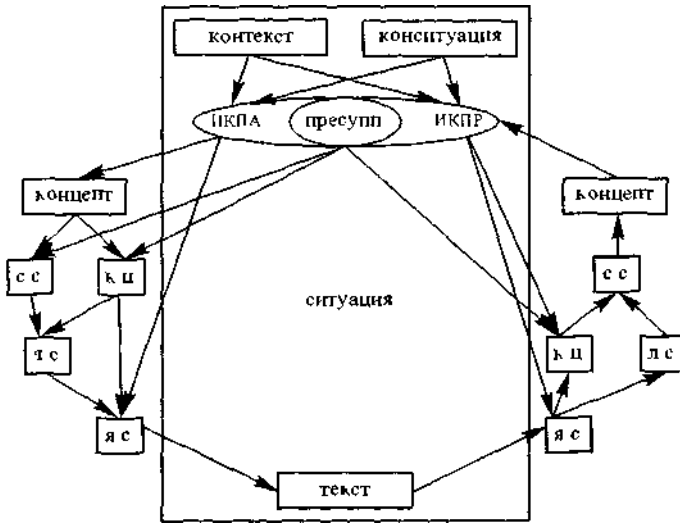
Данная схема показывает коммуникативный акт, лингвистическим ядром которого является текст-монолог. При диалоге, когда текст порождается несколькими коммуникантами и происходит постоянная мена коммуникативных ролей, необходимо неоднократное прохождение изображенного на схеме цикла, при этом реципиент предшествующего фрагмента текста выступает в роли автора последующего.

Предлагаемая модель коммуникативного акта отражает основные этапы процессов порождения и восприятия текста и позволяет учесть совокупность факторов, обуславливающих протекание коммуникации, рассматриваемой с точки зрения триединства:

автор — текст — реципиент.

⁵ Сокращения, принятые в схеме *е е* — смысловая структура, *л с* — логическое строение, *к ц* — коммуникативная целенаправленность, *я с* — языковые средства

Схема 16 Модель коммуникативного акта

Повторим, что среди структурообразующих компонентов коммуникативного акта мы выделяется четыре конси-туацию, контекст, пресуппозицию и речь, — которые определяют тот или иной характер двух составляющих любого коммуникативного акта ситуации и дискурса

Итак, текстообразующие категории текста связаны при его порождении и восприятии *направленными зависимостями*

При анализе восприятия текста можно выделять этапы собственно *восприятие, понимание и интерпретация*, — которые соотносятся с 3 уровнями значения текста *поверхностным значением, глубинным значением и смыслом*

В структуре текста (в зависимости от ее сложности) могут выделяться *микро- и макротема*, и следовательно, разграничиваются *микро- и макротексты*

Процессы порождения и восприятия текста, а также коммуникативный акт имеют *свои модели*, которые учитывают совокупность факторов, обуславливающих протекание коммуникации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность" Человек
Сознание Коммуникация М 1998

Дополнительная

Алехтин В Б О смысловой структуре связного текста (в связи с обучением порождению текстов на иностранном языке // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку М , 1976 С 112—122

Аспекты изучения текста М 1981

Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв ред И А Слюсарева М , 1982

Вопросы порождения речи и обучения языку М 1967

Жинкин Н И О кодовых переходах во внутренней речи // Риторика 1997 № 1(4)
С 13—21

К\ брякова Е С Текст — проблемы понимания и интерпретации // Семантика
целого текста М 1987 С 93—94

Леонтьев А А Понятие текста в современной лингвистике и психо логии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия М 1979

Лингвистика текста Мат-лы науч конф М 1974 Ч I—II

Лингвистика текста Уч зап МГПИИЯ Вып 103 М 1976

Лингвистика текста Куйбышев 1976

Лингвистика текста Уч зап МГПИИЯ Вып 141 М 1979

Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах /Под
ред А Е Кибрика и А С Нариньяни М, 1987

Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его
восприятия / Ред Ю А Жлуктенко, А А Леонтьев Киев 1979

Речевое общение цели мотивы, средства М 1985

- Семантика целого текста Одесса, 1987
- Смысловое восприятие речевого сообщения* (в условиях массовой коммуникации) М, 1976
- Тарасов Е Ф Соснова М Л О* формах существования текста // Речевое общение цели, мотивы, средства М, 1985 С 30—44
- Текст как психолингвистическая реальность М, 1982
- Текст, контекст, подтекст М, 1986

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алейников А Г* Модель речевой деятельности (в терминах теории графа) // Речевое общение цели, мотивы, средства М , 1985 С 11—21
- Апресян Ю Ц* Образ человека по данным языка попытка системного описания // Вопр языкознания 1995, № 1 С 37—67
- Алехтин В Б* О смысловой структуре связного текста (в связи с обучением порождению текстов на иностранном языке // Пси-хо-лингвистические проблемы общения и обучения языку М , 1976 С 112—122
- Аспекты изучения текста М , 1981
- Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв ред И А Плюсарева М , 1982
- Ахманова О С* Словарь лингвистических терминов М , 1966
- Баранов А Н Добровольский Д О* (Ред) Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике М , 1996
- Барт Р* «S/Z» М , 1994
- Белянин В П* Психолингвистические аспекты художественного текста М , 1988
- Белянин В П* Введение в психиатрическое литературоведение Мюнхен, 1996
- Бенвенист Э* Общая лингвистика М , 1974
- Бергер Питер Л* Приглашение в социологию Гуманистическая перспектива М , 1996
- Бернштейн Н А* Очерки по физиологии движений и физиологии активности М, 1966
- Бернштейн С И* Языковая сторона радиолекции // Речевое воздействие Проблемы прикладной психолингвистики М , 1972 С 114—126
- Бессознательное Природа, Функции, Методы исследования Коллективная монография в 4-х томах Тбилиси, 1978 Т III
- Бехтерев В М* «Добавление» к «Общим основам рефлексологии» Пг Изд Риккера, 1918

- Биева Е Г* К вопросу о факторах, определяющих понимание текста // Уровни текста и методы его лингвистического анализа М , 1982 С 67—78
- Блумфилд Л* Язык М , 1968
- Богушевич Д Г* Единица, функция, уровень К проблеме классификации единиц языка Минск, 1985
- Бодуэн де Куртене И А* Избранные труды по общему языкознанию М , 1963
- Борботько В Г* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) Дисс доктора филологических наук Краснодар, 1998
- Брудный А А* Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) Фрунзе, 1972
- Брудный А А , Шукурое Э Д* Мир общения Фрунзе, 1977
- Бутон Ш* Развитие речи // Психолингвистика М , 1984 С 307—324
- Ватлон А* От действия к мысли Очерк сравнительной психологии М , 1956
- Ван Дейк Т А* Вопросы грамматики текста // Новое в зару бежной лингвистике Вып VIII М , 1978 С 259—336
- Ван Дейк Т А* Язык Познание Коммуникация М , 1989
- Ван Дейк Т А , Кинч В* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике Вып 23 М , 1988 С 153—211
- Вежбицкая А* Язык Культура Познание М 1996
- Величковский Б М* Современная когнитивная психология М , 1982
- Вопросы порождения речи и обучения языку М , 1967
- Выготский Л С* Избранные психологические исследования М, 1956
- Выготский Л С* Мышление и речь М , Л , 1934 Собр соч в 6-ти тт М , 1982 Т 2
- Гак В Г К* проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком М , 1969 С 67—79
- Гак В Г О* семантической организации текста // Лингвистика текста Мат-лы науч конф М, 1974 Ч I С 61—66

- Гальперин И Р* Текст как объект лингвистического исследования М , 1981
- Гарднер К* Предисловие к первому, американскому изданию Норвич (Вермонт) Август 1969 // *Розеншток-Хюсси О* Речь и действительность М , 1994 С 5—10
- Гаспаров Б М* Язык Память Образ Лингвистика языкового существования М , 1996
- Герасименко Н А* Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2 М , 1998 С 20—23
- Гийом Г* Принципы теоретической лингвистики М , 1992
- Глоzman Ж М Самойлова В М* Лексикон как форма языкового сознания // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации Москва, 2—4 июня 1997 г М , 1997 С 44
- Гойхман О Я Надеина Т М* Основы речевой коммуникации М , 1997
- Головина Л В* Креолизованный текст закономерности построения // Речевое общение цели, мотивы, средства М , 1985 С 45—88
- Голод В И Шакнарович А М* Когнитивные и коммуникативные аспекты текста как инструмента общения // Текст как объект лингвистического анализа и перевода М , 1984 С 26—34
- Горелов И Н* Невербальные компоненты коммуникации М , 1981
- Горелов И Н Седов К Ф* Основы психолингвистики М , 1997
- Гридин В Н К* проблеме роли мотивации в порождении речевого высказывания // Проблемы психолингвистики М , 1975 С 56—63
- Дридзе Т М* Язык и социальная психология М , 1980
- Дридзе Т М* Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текста М 1981 С 129—136
- Дридзе Т М* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации М , 1984

- Дридзе Т М, Ренъге В Э* Психология общения Рига, 1979
- Жинкин Н И* Внутренние коды языка и внешние коды речи // То Honor Roman Jakobson The Hague, Pans, 1967
- Жинкин Н И* Грамматика и смысл // Язык и человек М , 1970
- Жинкин Н И* Механизмы речи М , 1958
- Жинкин Н И* О кодовых переходах во внутренней речи // ВЯ, 1964 №6 С 26—38, Риторика, 1997 № 1 (4) С 13—21
- Жинкин Н И* Психологические особенности спонтанной речи // Иностранные языки в школе № 4, 1965
- Жинкин Н И* Речь как проводник информации М , 1982
- Жирмунский В М* Теория стиха Л , 1975
- Журавлев А П* Символическое значение языкового знака // Речевое воздействие М , 1972
- Журавлев А П* Фонетическое значение Л , 1974
- Залевская А А* Введение в психолингвистику М , 1999
- Залевская А А* Проблемы организации внутреннего лексикона человека Калинин, 1977
- Звегинцев В А* О цельнооформленности единиц текста // Изв АН СССР Сер лит и яз 1980 Т 31, ЛЫ
- Звегинцев В А* О языковых моделях мира // Вопросы философии Сб статей Ереван, 1988 С 268—276
- Земская Е А* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание VIII Международный съезд славистов М , 1978 С 196—220
- Земская Е А* Русская разговорная речь лингвистический анализ и проблемы обучения М , 1979
- Зимняя И А* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке М , 1985
- Зимняя И А* Психология обучения иностранным языкам в школе М , 1991
- Зимняя И А* Психология обучения неродному языку М , 1989
- Зимняя И А* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения М , 1976 С 5—33
- Зимняя И А* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание парадоксальная рациональность М , 1993 С 51—58
- Исследование речи* Новосибирск, 1968

Каменская О Л Прагматические свойства текста // Язык как коммуникативная деятельность человека Сб науч трудов МГПИИЯ Вып 284 М , 1987 С 72—79

Каменская О Л Текст и коммуникация М , 1990

Кандинский Б С Коммуникативная организация текста// Грамматика и смысловые категории текста М , 1982 С 22—36

Канонич С И Виды пресуппозиции коммуникантов // Язык как коммуникативная деятельность человека Сб науч трудов МГПИИЯ Вып 284 М , 1987 С 20—26

Караулов Ю Н Русский языки языковая личность М , 1987

Караулов Ю Н Русская языковая личность и задачи ее изучения//Язык и личность М , 1989 С 3—8

Караулов Ю Н Что же такое «языковая личность» // Этническое и языковое самосознание М , 1995 С 63—65

Касевич В Б Язык и знание // Язык и структура знания М , 1990 С 8—25

Каспранский Р Р Экспрессивный аспект речевого высказывания//Речевое общение цели, мотивы, средства М , 1985 С 178—188

Каспранский Р Р К содержанию понятия апеллятивного аспекта языкового высказывания в лингвистике // Речевое воздействие психологические и психолингвистические проблемы М , 1986 С 147—162

Кибрик А А Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания 1994, № 5 С 126—139

Кифер Ф О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике Вып VIII М , 1978 С 337—369

Колшанский В Г Коммуникативная функция и структура языка М , 1984

Колшанский Г В Объективная картина мира в познании и языке М , 1990

Комлев Н Г Слово в речи Денотативные аспекты М , 1992

Кондаков Н И Логический словарь М , 1971

Коул М Культурно-историческая психология Наука будущего М , 1997

Красных В В Виртуальная реальность или реальная виртуальность¹⁷ Человек Сознание Коммуникация М , 1998

Красных В В Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) Дисс докт филол наук МГУ, 1999

Краткий словарь когнитивных терминов (Под общ ред Е С Кубряковой) М, 1996

Кубрякова Е С Текст — проблемы понимания и интерпретации // Семантика целого текста М, 1987 С 93—94

Купина Н А Замысел автора или вымысел читателя¹? // Речевое мышление и текст Воронеж, 1993 С 5—15

Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 12—14 мая 1995 года Екатеринбург, Россия Екатеринбург, 1995

Леонтьев А А К психологии речевого воздействия // Мат-лы IV Всесоюз симп по психолингвистике и теории коммуникации М, 1972 С 28—41

Леонтьев А А Общение как объект психолингвистического исследования Методологические проблемы социальной психологии М, 1975

Леонтьев А А Основы психолингвистики М, 1999

Леонтьев А А Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия М, 1979

Леонтьев А А Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста Мат-лы науч конф М, 1974 Ч I С 168—172

Леонтьев А А Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания М, 1969

Леонтьев А А Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание М, 1970

Леонтьев А А Язык, речь, речевая деятельность М, 1969

Леонтьев А А Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание парадоксальная рациональность М, 1993 С 16—21

Леонтьев А Н Деятельность Сознание Личность М, 1975

Леонтьев А Н Потребности, мотивы и эмоции М, 1971

Леонтьев А Н Проблемы развития психики Изд 3-е М, 1972

Леонтьев А Н Философия психологии М, 1994

Леонтьев А Н Человек и культура М, 1961

- Лингвистика текста Мат-лы науч конф М , 1974 Ч I—II
 Лингвистика текста Уч зап МГПИИЯ Вып 103 М , 1976
 Лингвистика текста Куйбышев, 1976
 Лингвистика текста Уч зап МГПИИЯ Вып 141 М , 1979
 Лингвистические маргиналии Сб науч трудов МГЛУ Вып 432 М, 1996
Лихачев Д С Концептосфера русского языка//Изв АН СССР Сер лит и яз Т 52 1993, № 1 С 2—9
 Личностные аспекты языкового общения Калинин, 1989 С 45—54
Лотман Ю М Внутри мыслящий миров Человек — Текст — Семиосфера — История М , 1996
Лотман Ю М Культура и взрыв М , 1992
Лурия А Р Основные проблемы психолингвистики М , 1975
Лурия А Р Речь и мышление М , 1975
Лурия А Р Язык и сознание М , 1979
Любимова Н А Пинежанинова Н П Сомова Е Г Звуковая метафора в поэтическом тексте СПб , 1996
Макаров М Л Коммуникативная структура текста Тверь, 1990
Макаров М Л Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь, 1990
Мамардашвили М К Картезианские размышления М , 1993
Маслова В А Введение в лингвокультурологию М , 1997
 XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира» Москва, 2—4 июня 1997 г М , 1997
Менг К Проблема анализа диалогического общения // Текст как психолингвистическая реальность М , 1982 С 14—18
Менг К Коммуникативно-речевая деятельность старших дошкольников в ситуативной обусловленности (компоненты и градации)//Психолингвистика М, 1984 С 241—259
Менджершцкая Е О Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации М , 1977 С 130—133
Миронова Н Н Политический дискурс vs оценочный дискурс//Политический дискурс в России М , 1997 С 41—50

- Миронова Н Н* Оценочные характеристики дискурса // Политический дискурс в России-2 М , 1998 С 60—66
- Модели восприятия речи Л* , 1966
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред А Е Кибрика и А С Нариньяни М* , 1987
- Морковкин В В, Морковкина А В* Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом 1994, № 1
- Москальская О И* Грамматика текста М , 1981
- Московичи С* Век толп Исторический трактат по психологии масс М , 1998
- Мурзин Л Н, Штерн А С* Текст и его восприятие Свердловск, 1991
- Назаретян А П, Розов В Б* Психический процесс как деятельность (Управленческая концепция общения и внутренняя коммуникация) // Общение теоретические и прагматические проблемы М , 1978 С 72—79
- Найссер У* Познание и реальность М , 1981
- Наумова Т Н* Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике Саратов, 1990
- Никитина Е С* Проблема сознания в психологии (исторический аспект) // Язык и сознание парадоксальная рациональность М , 1993 С 35—50 С 35
- Никифоров А Л* Семантическая концепция понимания // Проблемы объяснения и понимания в научном познании М , 1982 С 43—63
- Никифоров С В* Возможное психолингвистического рассмотрение прагматического аспекта декодирования текста // Уровни текста и методы его лингвистического анализа М , 1982 С 32—44
- Никифоров С В* Ситуация общения и информационная структура текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода М , 1984 С 62—75
- Новиков А И* Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста М , 1982
- Новиков А И* Семантика текста и ее формализация М , 1983
- Общая и прикладная психолингвистика / Отв ред А А Леонтьев, А М Шахнарович М* , 1973

- Общение структура и процесс М , 1982
- Общение теоретические и прагматические проблемы М , 1978
- Общение в свете теории отражения Фрунзе, 1980
- Основы теории речевой деятельности М , 1974
- Парадигмы антропоцентризма Тексты пленарный докладов // сообщений И международного симпозиума «Человек язык, культура, познание» 16—17 апреля 1997 г Кривой Рог, 1997
- Пешков И Б О* типологии ситуаций речевого общения и о возможности обоснования научного статуса риторики // Языковое сознание стереотипы и творчество М , 1988 С 148—162
- Полами К* Личностное знание М , 1985
- Понимание как логика гносеологическая проблема* Киев, 1982
- Потебня А А* Из записок по русской грамматике Тт I—II М, 1958
- Потебня А А* Из записок по теории словесности Харьков, 1905
- Потебня А А* Мысль и язык // Слово и миф М , 1989
- Постовалова В И* Существует ли языковая картина мира¹? // Язык как коммуникативная деятельность человека Сб науч трудов МГПИИЯ Вып 284 М , 1987 С 65—72
- Постовалова В И* Язык как деятельность Опыт интерпретации концепции В Гумбольдта М, 1982
- Проблема общения в психологии М , 1981
- Проблемы психолингвистики М , 1975
- Проблемы связности и цельности текста М , 1982
- Прохоров Ю Е* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев М , 1996
- Психолингвистика М , 1984
- Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия / Ред Ю А Жлуктенко, А А Леонтьев Киев, 1979
- Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Отв ред А А Леонтьев М , 1974
- Психолингвистические проблемы общения и обучения языку М , 1976 С 5—28

- Психологические исследования общения (Коллективная монография) М, 1985
- Речевое воздействие Проблемы прикладной психолингвистики М, 1972
- Речевое воздействие психологические и психолингвистические проблемы М, 1986
- Речевое мышление и текст Межвуз сб науч трудов Воронеж, 1993
- Речевое общение цели, мотивы, средства М, 1985
- Рикер Поль* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике) М, 1995
- Ришар Ж Ф* Ментальная активность Понимание, рассуждение, нахождение решений М, 1998
- Розениток-Хюсси О* Речь и действительность М, 1994
- Р) бакин Н А* Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие Проблемы прикладной психолингвистики М, 1972 С 130—135
- Рубинштейн С Л* Проблемы общей психологии М, 1973
- Рябова Т В* Механизм порождения речи по данным афазии-логии // Вопросы порождения речи и обучения языку М, 1967 С 76—94
- Сахарный Л В* Текст — Мозг — Образ мира // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации Москва, 2—4 июня 1997 г М, 1997 С 140—141
- Сахарный Л В, Барина И А* Изучение цельности и связности текстов разговорной речи // Семантика целого текста Одесса, 1987 С 140—141
- Семантика, логика, интуиция в мыслительной деятельности человека М, 1979
- Семантика текста и проблема перевода М, 1984
- Семантика целого текста Одесса, 1987
- Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования) М, 1979
- Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) М, 1976
- Смысловые и прагматические характеристики текста и его единиц Межвуз сб науч трудов Иваново, 1989

- Сепир Э* Избранные труды по языкознанию и культурологии М, 1993
- Скрозников А Б* Ориентированность общения и предикативность // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку М , 1976 С 48—59
- СпобинД ГринДж* Психолингвистика М, 1976
- Смирнов С Д* Психология образа проблема активности психического отражения М, 1985
- Сознание и действительность* Фрунзе, 1964
- Соколов А Н* Внутренняя речь и мышление М , 1968
- Солсо Р Л* Когнитивная психология М , 1996
- Сорокин Ю А* Взаимодействие реципиента и текста теория и прагматика М, 1978
- Сорокин Ю А* Психолингвистические аспекты изучения текста М , 1985
- Соссюр Ф де* Курс общей лингвистики М , 1933
- Стернин И А* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания М, 1996 С 97—112
- Стукапенко Н И* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира Киев, 1992
- Тарасов Е Ф* Введение История психолингвистических школ Теория речевой деятельности // Текст лекций «Введение в психолингвистику» (для студентов педагогических факультетов, аспирантов и слушателей ФПК) М , 1991 Ч 1 С 3—54
- Тарасов Е Ф* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания М , 1996 С 7—22
- Тарасов Е Ф* О формах существования сознания // Язык и сознание парадоксальная рациональность М , 1993 С 86—97
- Тарасов Е Ф* Социальное взаимодействие в речевом общении // Мат-лы IV Всесоюз симп по психолингвистике и теории коммуникации М , 1972 С 8—15
- Тарасов Е Ф* Статус и структура теории речевой коммуникации // Проблемы психолингвистики М 1975 С 139—150
- Тарасов Е Ф* Языковое сознание и образ мира (предисловие) // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации Москва, 2—4 июня 1997 г М 1997 С 3

- Тарасов Е Ф, Соснова М Л* О формах существования текста//Речевое общение цели, мотивы, средства М, 1985 С 30—44
- Текст структура и функционирование Вып 2 Барнаул, 1997
- Текст и культура Общие и частные проблемы М, 1985
- Текст как важнейшая единица коммуникации (в диахронии и синхронии) Киев, 1984
- Текст как отображение картины мира Уч зап МГПИИЯ Вып 341 М, 1989
- Текст как инструмент общения М, 1983
- Текст как объект лингвистического анализа и перевода М, 1984
- Текст как психолингвистическая реальность М, 1982
- Текст, контекст, подтекст М, 1986
- Теория речевой деятельности Проблемы психолингвистики М, 1978
- Теоретические и прикладные проблемы речевого общения М, 1979
- Теория метафоры М, 1990
- Тураева З Я* Лингвистика текста и категория модальности// Вопр языкознания 1994, №3 С 105—114
- Уорф Б* Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике Вып 1 М, 1960
- Урысон Е В* Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопр языкознания 1998, №2 С 3—21
- Утробина Т Г* Языковые средства репрезентации концептуальной картины мира (на материале сатирических рассказов М М Зощенко 1920-х годов)//Текст структура и функционирование Вып 2 Барнаул, 1997 С 72—81
- Уфимцева Н В* Человек и его сознание проблема формирования // Язык и сознание парадоксальная рациональность М, 1993 С 59—75
- Функционирование текста в лингвокультурной общности М, 1989
- Хайдеггер М* Время картины мира // Новая технократическая волна на западе М, 1986

- Харре Р* Вторая когнитивная революция // Психологический журнал 1996 Т 17, №2 С 3—15
- Цепцов В А* От критики коннекционизма к гибридным системам обработки информации // Познание Общество Развитие М, 1996 С 136—148
- Цивьян Т В* Лингвистические основы балканской модели мира М, 1990
- Чейф У* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике Вып XII М, 1983 С 35—73
- Человеческий фактор в языке Язык и порождение речи М 1991
- Чернейко Л О* Абстрактное имя и система понятий языковой личности//Язык, сознание, коммуникация Вып 1 М, 1997 С 40—51
- Чернейко Л О* Лингво-философский анализ абстрактного имени М, 1997
- Чистович Л А* Психоакустика и вопросы теории восприятия речи // Распознавание слуховых образов Новосибирск, 1970
- Чуприкова Н И* Психика и сознание как функция мозга М, 1985
- Шабес В Я* Событие и текст М, 1989
- Шабес В Я* Речь и знание СПб, 1990
- Шахнарович А М* Языковая личность и языковая способность // Язык — система Язык — текст Язык — способность М, 1995 С 213—223
- Шахнарович А М, Юрьева Н М* Психолингвистический анализ семантики и грамматики М, 1990
- Швейцер А Д* (отв ред) Текст и перевод М, 1988
- Шрейдер Ю А* Семантическая информация и принцип фо-кализации//Общение в свете теории отражения Фрунзе, 1980 С 32—48
- Щерба Л В* О троюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность Л, 1974
- Язык, дискурс и личность Межвуз сб науч трудов Тверь, 1990
- Язык и личность М, 1989

- Язык и сознание парадоксальная рациональность (Коллективная монография) М, 1993
- Язык и социальное познание М, 1990
- Язык и структура знания М, 1990
- Язык и человек М, 1970
- Язык как коммуникативная деятельность человека Сб науч трудов МГПИИЯ Вып 284 М, 1987
- Языковое сознание стереотипы и творчество М, 1988
- Языковое общение Единицы и регулятивы М, 1987
- Язык — система Язык — текст Язык — способность Сб статей М, 1995
- Якобсон Р О К* языковой проблематике сознания и бессознательного // Бессознательное Природа, функции и методы исследования Тбилиси, 1978ю Т 3 С, 156—167
- Якобсон Р О* Язык и бессознательное Работы разных лет М, 1996
- Bach K Harmsh M R* Linguistic Communication and Speech Acts Cambridge, Mass, 1979
- Barwise J, Perry J* Situations and Attitudes The MIT Press, 1986 *Beaugrande R de* Text, Discourse and Process Norwood, 1980 *Bialystok E* Communication Strategies Oxf, 1990 *Blumenthal A L* The Emergence of Psycholinguistics//Syntheses 1987 Vol 72 Pp 313—323
- Brown G* Speakers Listeners and Communication Explorations in Discourse Analysis Cambridge, NY, 1995
- Brown G, Yule G* Discourse Analysis Cambr 1996 (1sted —1983) *Carrol J B* The Study of Language Cambr (Mass), 1953 *Carroll D W* Psychology of Language Pacific Grove, CA Brooks / Cole, 1994
- Casmir F L* Interaction An Introduction to Speech Communication Columbus, 1974
- Chafe W* Discourse, consciousness, and time The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing Chicago, 1994 *Chomsky N* Aspects of the Theory of Syntax Cambr MA, 1965 *Chomsky N* Knowledge of Language Its Nature, Origin and Use NY 1986

- Chomsky N* Language and Mind NY, 1968
Chomsky N Syntactic Structures The Hague, 1957
Chomsky N, Halle M The Sound Pattern of English NY, 1968
Cook G Discourse Oxford Univ Press, 1989
Cook C Discourse and Literature Oxford Univ Press, 1994
Coulthard M An Introduction to Discourse Analysis Longman, 1993
Dijk T A van Discourse as Social Interaction London, 1997
Dmsmore J The Inheritance of Presupposition Amsterdam, 1981
Dre\fus H L Cogmtivism abandoned//Speaking Minds Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists / Baumgartner P & S Payr (Eds) Princeton, NJ, 1995 P 71—83
Edwards D Potter J Discursive Psychology London, 1992 *Ellis K* Understanding Second Language Acquisition Oxf,1986 *Eyeseack M W* Principles of Cognitive Psychology Hove, 1993 *Fairclough N* Critical Discourse Analysis Longman, 1995 *Gurnham A* Psycholinguistics Central Topics London, NY, 1985 *Gaidar G* Pragmatics Imphcature Presupposition and Logical Form NY, 1979
Givon T Mind, Code, and Context Hillsdale, 1988
Gregory M, Carroll S Language and Situation Languages and Their Social Context London, 1978
Grice H P Further Notes on Logic and Conversation // Syntax and Semantics Vol 9 Pragmatics NY, 1978 P 113—127
Grice H P Logic and Conversation // Syntax and Semantics Vol 3 Speech Acts NY, 1975 Pp 41—58
Grice H P Meaning // Readings in the Philosophy of Language Englewood Cliffs, 1971 P 436—444
Grice H P Presupposition and Conversational Imphcature // Radical Pragmatics NY, 1981 Pp 183—198
Gumberz J J Discourse Strategies Cambridge, Mass , 1982 *Jakob\on R* Linguistics and Poetics//Style in Language NY, London, 1960
Jakobson R Selected Writings The Hague 1971
Jodelet D Representation sociale phenomenes, concept et theone // Psychologic sociale Pans, 1984 P 358—387
Johnson-Laird P Mental Models Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness Cambridge, 1983

- Karttunen L* Presupposition and Linguistic Context // *Theoretical Linguistics* 1974, Vol 1 P 181—194
- Katz J, Fodor J A* The Structure of Semantic Theory // *Language* V 39 # 2 1963
- Kess J F* Psycholinguistics Psychology, Linguistics, and the Study of Natural Language Amsterdam/Philadelphia John Benjamins, 1993
- Kintsch W* The Representation of Meaning in Memory Hillsdale, 1974
- Kintsch W, Dijk T A van* Towards a Model of Text Comprehension and Production//*Psychological Review* V 85 1978
- Kiashen S* Principles and Practice in Second Language Acquisition Oxf, 1982
- Kreckerl M* Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse NY, 1981
- Lakoff G* Woman, Fire and Dangerous Things What Categories Reveal about the Mind Chicago, 1987
- Lakoff G* Embodied Minds and Meanings// *Speaking Minds Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists / Baumgartner P & S Payr (Eds)* Princeton, NJ, 1995 P 115—130
- Language and Comprehension Amsterdam, 1982
- Levelt W J M* Speaking From Intention to Articulation Cambr, 1993 (1-st ed —1989)
- Macdonell D* Theories of Discourse An Introduction Oxford, 1986
- McClelland J L* Toward a Pragmatic Connectionism // *Speaking Minds Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists / Baumgartner P & S Payr (Eds)* Princeton, NJ, 1995 P 131—144
- McClelland J L & D E Rumelhart* An Interactive Model of Context Effects in Letter Perception Part 1 An account of basic findings // *Psychological Review* 1981 Vol 88 P 375-407
- McLaughlin B* Theories of Second Language Learning London, 1987
- Mead G H* Mind, Self and Society Chicago, 1934
- Miller G A Chomsky N* Finitary Models of Language User // *Handbook of Mathematical Psychology* V 2 NY, 1963
- Miller G A Selfridge J A* Verbal Context and the Recall of Meaningful Material//*American Journal of Psychology* V 63, 1951
- Moscovici S* Notes Towards a Description of Social Representation // *European Journal of Social Psychology* 1988, Vol 18 P 211—250

- Moscovici S* The Phenomenon of Social Representation // Social Representations Cambr, 1984 Pp 3—69
- New Dimensions in Second Language Acquisition Research / Anderson R (Ed) Rowley, 1981 P 62—74
- Osgood Ch E* A Behavioristic Analysis of Perception and Language as Cognitive Phenomena // Contemporary Approaches to Cognition Cambr (Mass), 1957
- Osgood Ch E* On Understanding and Creating Sentence // American Psychologist V 18 # 12 1963
- Osgood Ch E* Lectures on Language Performance NY, 1980
- Paivio A* Mental Representations A Dual Coding Approach Oxford, 1986
- Papers from the Institute of Linguistics A Method for Investigating Discourse Processing Stockholm, 1985
- Parrel H* Context of Understanding Amsterdam, 1980
- Parrel H* Semiotics and Pragmatics An Evaluative Comparison of Conceptual Frameworks Amsterdam Philadelphia, 1983
- Parrel H* The Aesthetics of Communication Pragmatics and Beyond Dordrecht, 1993
- Pearce W B, Cronen V E* Communication, Action, and Meaning The Creation of Social Realities NY, 1980
- Potter J, Welherell M* Discourse Analysis//Rethinking Methods in Psychology London, 1995 P 80—92
- Potter J Welherell M* Discourse and Social Psychology Beyond Attitudes and Behaviour London, 1987
- Pondeaux G D* Psycholinguistics The Experimental Study of Language London, Sidney, 1984
- Pronko N H* Language and Psycholinguistics // Psychological Bulletin V 3, 1946
- Psycholinguistics A Survey of Theory and Research Problems / C E Osgood & T A Sebeok (Eds) Baltimore, 1954
- Putnam H* Against the New Associationism // Speaking Minds Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists / Baumgartner P & S Payr (Eds) Princeton, NJ, 1995 P 177—188
- Rosch E* On the Internal Structure of Perceptual and Semantic Categories // Cognitive Development and the Acquisition of Language / Moore T E (Ed) NY, London, 1973 P 111—114

- Rosch E* Principles of Categorization // Cognition and Categorization / Rosch E & B B Lloyd (Eds) Hillsdale, 1978 P 27-^8
- Salkie R* Text and Discourse Analysis London, NY, 1995
- Schank R C* Depth of Knowledge // Knowledge and Representation London, 1982 P 170—193
- Schiffm D* Discourse Markers Cambridge, 1987
- Schiffm D* Approaches to Discourse Oxford, Cambridge, Mass 1994
- Shannon C, Weaver W* The Mathematical Theory of Communication Urbana, 1949
- Sinclair J McH* Priorities in Discourse Analysis//Advances in Spoken Discourse Analysis London, NY, 1992 P 79—88
- Sinclair J McH, Coulthart R M* Towards the Analysis of Discourse The English Used by Teachers and Pupils Oxford, 1975
- Smith M* Social Situation, Social Behaviour, Social Group //Psychology Review 1945, Vol 52 P 224—229
- Soames S* How Presuppositions Are Inherited A Solution to the Projection Problem//Pragmatics A Reader NY, Oxford, 1991 P 428—470
- Sperber D, Wilson D* Mutual Knowledge and Relevance in Theories of Comprehension//Mutual Knowledge London, 1982 P 61—131
- Sperber D, Wilson D* Relevance Communication and Cognition Oxford, Cambridge, Mass, 1995
- Stalnaker R* Pragmatics // Semantics of Natural Language Boston, 1972 P 380—397
- Stalnaker R* Pragmatic Presupposition // Semantics and Philosophy NY, 1974 P 197—214
- Sternier E H, Veltman R* (Eds) Pragmatics, Discourse and Text Some Systematically Inspired Approaches Norwood, 1988
- Stubbs M* Discourse Analysis The Sociolinguistic Analysis of Natural Language Oxford, 1983
- Yngve V* A Model and Hypothesis for Language Structure // Proceedings of the American Philological Society V 104, №5, 1960

УКАЗАТЕЛЬ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ КУРСА

- Активные теории восприятия 119—120
Анкoring 165—166
Аспекты изучения текста 209—210
Ассоциации 40—41
Ассоциативные (семантические) поля 41—43
Ассоциативный подход к значению слова 38—43
- Вербально-семантический уровень языковой личности 149
Внутренняя речь 74, 95, 113—114
Врожденные знания 125—128
Выводное знание 131 —135, 140, 142
Выученное знание 129, 130—131
- Действительность 57—58, 70
Декларативные знания 124—125, 129, 131
Деятельность 82, 91, 191
Дискурс 194, 198—203
Дифференциальные признаки текста 212—219
- Звукобуквы 32—33
Знания 122—136, 153, 160, 161
- Имплицитное знание 130—131, 134, 136
Имплицитное знание (речевого общения, коммуникативные) 134—135, 141 — 142
Имплицитное знание 130—131, 134, 136
Индивидуальное знание 122—123
Индивидуальное когнитивное пространство 164, 180
Интеллект 69—71, 126
Интенция 190, 233 240
Интеракционная модель коммуникации 189—191
Интериоризация знаний 135, 142
Инференционная модель коммуникации 189 —190
- Картина мира 64—68
Когнитивная база 164, 180
Когнитивная модель восприятия 120
Когнитивные модели порождения речи ПО—112
Когнитивные структуры 136—142
Когнитивный уровень языковой личности 149
Кодовая модель коммуникации 189—190
Коллективное когнитивное пространство 164, 180

- Коммуникативная личность 151, 152
- Коммуникативное воздействие 218
- Коммуникативное единство 217, 218
- Коммуникативный акт 189—198, 202
- Коммуникативный сбой 173, 186
- Коммуникативный провал 173, 186
- Коммуникация (общение) 168—174
- Коннекционистский подход к описанию работы речевого механизма 101, 102
- Конситуация (экстралингвистический компонент КА) 194—196
- Контекст (семантический компонент КА) 195, 197—198
- Концепт текста 212—217
- Лингвистические когнитивные структуры (ЛКС) 137—140
- Логическое строение текста 217
- Макропресуппозиция 180—181
- Метаязыковые знания 123—124
- Методологические знания 123
- Микропресуппозиция 180, 181—182
- Мифическое мышление 122
- Модели (порождения речи) на основе трансформационной грамматики 109—110
- Модели (порождения речи) непосредственных составляющих 106—109
- Модульный подход к описанию работы речевого механизма 100—101
- Мотив 74, 75, 82, 91, 233
- Моторный принцип восприятия 119
- Мышление 69—70
- Объективизация 165—166
- Освоенное знание 129—131
- Основные постулаты ТРД 11 — 12
- Особенности речевой организации (по Л. В. Щербе) 87
- Отражение 56, 58—59
- Параметрический подход к значению слова 38
- Пассивные теории восприятия 119
- Поэтическое мышление 122
- Прагматический уровень языковой личности 149
- Предикатема 220
- Предметные знания 123
- Представления 154—159
- Пресуппозиция (общий фонд знаний коммуникантов) 178—180

- Признаковый подход к значению слова 38—40
- Принцип ассоциирования 97
- Принцип использования разных видов опор 98—99
- Принцип (механизм) глубинной предикации 99
- Принцип регуляции / контроля 99—100
- Принцип смысловых замен 99
- Приобретенные знания 129—131
- Прототипный подход к значению слова 39
- Процедурные знания 124—125
- Психика 55
- Психолингвистическая теория порождения речи (по МПЛШ) 112—118
- Речевая деятельность 82—83
- Речевая личность 150—152
- Связность текста 220
- Сенсорный принцип восприятия 119
- Синестезия 36
- Ситуационный (событийный) подход к значению слова 39
- Ситуация 194—195, 238—241
- Смысловое (семантическое) строение текста 212, 217
- Сознание 55—57
- Социализация 143—148
- Социальное знание 122—123
- Социумная пресуппозиция 180, 181
- Стохастические модели порождения речи 103—106
- Структура языковой личности (по Ю. Н. Караулову) 148, 149
- Структурное единство 218, 219
- Текст 204—212
- Тематическое единство 212, 213—217
- Текстообразующие категории 212, 218—219
- Текстообразующие компоненты 218—219
- Текстообразующие элементы 218—219
- Теория речевой деятельности (ТРД) 11, 22—23
- Узнавание 97—98
- Универсально-предметный код (УПК) 75—76, 95
- Успешная коммуникация 172—173
- Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) 136, 138, 139—141
- Фоносемантика 31—38
- Функции невербальных компонентов коммуникации 50—53
- Цельность текста 220
- Человек говорящий 151—152, 160

Эксплицитное знание 130—131
Экстериоризация знаний 135,
136, 142
Энциклопедические знания 125
Эстетическое воздействие 212,
218

Языковая картина мира 65—68
Языковая личность 148—152
Языковой / речевой механизм
87, 93—102
Языковые знания 125

Учебно научное издание

Красных Виктория Владичировна

ОСНОВЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Редактор С И Панов Технический редактор А
Б Магамбетов

ЛР № 066278 от 14 января 1999 г

Подписано в печать 20 07 2001 г Формат 70 x 100 1/2-ц
Гарнитура «Times» Бумага офсетная № 1 Печать офсетная
Усл п л 11,05 Тираж 2000 экз Зак №4371

ООО «Издательско торговый дом гуманитарной книги "Гнозис"» 123557 г
Москва, ул Малая Грузинская д 25 кори 1

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200 г Можайск ул Мира 93